

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

НОМЕР ПЯТЫЙ ЭНЗ.

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6

1982

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.</i> К вопросу о переходном периоде от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	3
<i>Чернова Л. Н.</i> Роль обществ дружбы в становлении советско-болгарского сотрудничества в 1944 — 1948 годах	19
<i>Гудаков В. В.</i> Экономическая экспансия фашистской Германии в Югославию во второй половине 30-х — начале 40-х годов XX века	29
<i>Ронин В. К.</i> Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет)	36
<i>Николаев В. Д.</i> К истории болгаро-русских отношений в начале 40-х годов X века	49
<i>Софронова Л.</i> Теория культуры и некоторые проблемы польского искусства XVIII—XIX веков	56
<i>Явлинский И.</i> Черты развития жанра думы-баллады в польской поэзии и музыке	66
<i>Белов В.</i> Национально-патриотические мотивы в поэзии Захарии Орфелина	77
<i>Хелимский Е. А.</i> Лингвистические публикации издательства «Славика» (США)	82

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Гавришков Б. М.</i> Славянская тематика в произведениях Лессинга	91
<i>Лосиевский И.</i> Александр Потембин и Марин Дринов (Эпизоды из истории отечественного славяноведения)	98
<i>Титова Л.</i> Из истории чешско-словацко-венгерских культурных связей на рубеже XVIII—XIX веков	104

МОСКВА

<i>Нскова А. Ф.</i> В. С. Парсаданова. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945	110
<i>Билунов Б. Н.</i> Л. И. Степанова. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е годы XIX в.	112
<i>Калиганов И. И.</i> Новый вклад в изучение культурных связей между Россией и южными славянами в XVI—XVII веках	113
<i>Воробьева И. Г., Фрейденберг М. М.</i> Новые публикации по истории далматинского города	115
<i>Кириченко Е.</i> Труды М. Коевой об архитектуре болгарского Возрождения	117
<i>Молошная Т. Н., Попова Т. В.</i> Ю. С. Маслов. Грамматика болгарского языка	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Наумов Е. П.</i> Проблемы славянского и балканского средневековья на конференции советских медиевистов	123
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1982 г.	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ПИМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

МУРАШКО Г. П., НОСКОВА А. Ф.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла эру перехода человечества от капитализма к социализму. Вслед за Октябрем произошли и происходят в наши дни революционные преобразования общества в ряде стран Европы, Азии, Америки и Африки. В этом процессе существенное место занимают революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, которые знаменовали успешный выход социализма за рамки одной страны и становление его как мировой системы. Практика строительства социализма в странах региона обогатила революционный опыт международного рабочего движения. Она свидетельствовала и свидетельствует о незыблемости теоретически обоснованных классиками марксизма-ленинизма и проверенных на деле построением социалистического общества в СССР общих закономерностей перехода от капитализма к социализму. Вместе с тем, революционный процесс, развернувшийся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, расширил существовавшие в марксистской науке представления о возможных формах и путях реализации этих общих закономерностей в новых исторических условиях, в условиях существования Советского государства как активного фактора мирового развития.

Как известно, основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс в своих произведениях доказали неизбежность гибели капитализма как общественно-экономической формации и наступления эпохи перехода от капитализма к коммунизму. Они ввели в научный оборот термин «переходный период», используя его как для обозначения эпохи смены формаций, так и в более узком смысле — как революционного периода качественной общественной перестройки.

В «Критике Готской программы» К. Маркс отмечал, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [1, т. 19, с. 27].

Раскрывая суть первой фазы коммунистического общества, К. Маркс писал: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло... Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества» [1, т. 19, с. 18, 19]. Внутри переходного периода классики марксизма признавали возможность существования переходных этапов к коммунистическому обществу. В июле 1891 г. Ф. Энгельс,

отвечая К. Шмидту, писал: «...Второй Ваш план — переходные этапы к коммунистическому обществу — стоит того, чтобы над ним поразмыслить, но я бы Вам посоветовал: *popum prematur in annum*¹; это самый трудный вопрос из всех, какие только существуют, так как условия непрерывно меняются» [1, т. 38, с. 108].

В условиях наступления эпохи империализма, «когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу» [2, т. 27, с. 385], В. И. Ленин, излагая мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о процессе формирования коммунизма как новой общественной формации, указывал на три этапа:

I. «долгие муки родов»

II. «первая фаза коммунистического общества»

III. «высшая фаза коммунистического общества» [2, т. 33, с. 185].

В ряде работ, и в первую очередь в книге «Империализм как высшая стадия капитализма», В. И. Ленин продолжил и развил марксово учение о переходе от капитализма к коммунизму. «Эпоха капиталистического империализма является эпохой созревшего и перезревшего капитализма, стоящего накануне своего крушения, назревшего настолько, чтоб уступить место социализму» [2, т. 27, с. 116]. В. И. Ленин именовал эту ступень развития капитализма эрой пролетарской революции. В мае 1917 г. он записал: «Эта эра началась» [2, т. 32, с. 151]. В. И. Ленин, как и К. Маркс, в эпоху перехода от капитализма к коммунизму как время смены формаций включал этап загнивания капитализма, этап, когда создавались общественно-экономические предпосылки крушения последнего, а кризисы знаменовали готовность и необходимость общества к переходу в качественно новое состояние. На основе изучения империализма, как высшей и последней стадии капитализма², а также анализа уроков первой русской революции, развернувшейся в условиях империализма, В. И. Ленин по-новому поставил ряд вопросов, связанных с проблемой перехода от капитализма к первой стадии коммунистического общества — социализму.

Важнейшими выводами В. И. Ленина, определившими его подход к вопросу перехода от капитализма к социализму, были выводы о том, что в условиях империализма ведущей силой не только социалистической, но и буржуазно-демократической революции, может быть лишь рабочий класс, возглавляемый марксистской партией, что только он, встав «во главе всего народа» [2, т. 11, с. 102], может обеспечить изменение результатов буржуазно-демократической революции. Победа революции поведет не к утверждению буржуазной демократии, а к установлению революционной диктатуры демократии, «возглавляемой революционным пролетариатом» [2, т. 34, с. 189].

Гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции в условиях империализма обеспечивает возможность перерастания ее в социалистическую. При таком развитии революционного процесса в теснейшем, порой неразделимом переплетении оказывались общедемократические и социалистические задачи.

Разрабатывая теорию перерастания революции, определяя роль и место социально-экономических преобразований в развитии и углублении революционного процесса, В. И. Ленин видел широкие возможности наступления пролетариата на экономические позиции буржуазии и продвижения к социализму уже на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, еще в ходе борьбы пролетариата за всю полноту власти, революционно разрушающего всякие привилегии, не боящегося революционно осуществлять самый полный демократизм. «Вы

¹ «лет девять хранить без показу!».

² «...государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [2, т. 34, с. 193].

увидите,— писал В. И. Ленин,— что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!» [2, т. 34, с. 191]. Идея превращения буржуазии из класса, контролирующего общество, в класс, контролируемый пролетариатом и его союзниками, составила основной стержень программы экономических преобразований, сформулированной В. И. Лениным в апреле — сентябре 1917 г. Но только диктатура пролетариата, только сосредоточение всей полноты власти в руках рабочего класса гарантирует доведение начавшихся и демократических и социалистических преобразований до конца, только диктатура пролетариата может обеспечить приступ к социалистическому строительству, т. е. к созиданию нового общества.

В России мирное развитие революции, возможность которого В. И. Ленин видел, выдвигая весной 1917 г. в условиях двоевластия, лозунг «Вся власть — Советам», и рассматривая еще слабые, зачаточные, но уже существующие Советы рабочих и солдатских депутатов, как «власть *того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 г.» [2, т. 31, с. 146]³, было прервано. Власть перешла в руки контрреволюционного Временного правительства. В этих условиях реальным стал курс на достижение победы социалистической революции только через вооруженное восстание. Все те социально-экономические преобразования, которые В. И. Ленин считал реальным осуществить в условиях мирного развития революции, в процессе ее перерастания, теперь можно было реализовать лишь после свержения Временного правительства и сосредоточения власти в руках революционного пролетариата. Диктатура пролетариата в России должна была решать одновременно и определенный объем задач общедемократического порядка и задачи чисто социалистического (антикапиталистического) содержания. Таким образом, когда на повестку дня встали практические задачи, В. И. Ленин, исходя из анализа и обобщения революционного опыта русского и европейского пролетариата, разработал конкретную программу разрушения основ старого строя и построения нового общества. Возможность ее выполнения он связал с функцией государства диктатуры пролетариата; «...диктатура,— писал В. И. Ленин, раскрывая суть этого понятия,— предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров... Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу,— подчеркивал он,— она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму,— и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанию может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе» [2, т. 38, с. 385—386]. Таким образом, перед рабочим классом в переходный период встает необходимость решения двуединой задачи — разрушения старого капиталистического строя в системе экономики, политики и общественного сознания, к решению которой можно приступить уже на этапе перерастания революции и борьбы пролетариата за всю полноту власти, и формирования нового социалистического общества, что возможно только после утверждения диктатуры пролетариата. Последнее находит свое выражение в коренной перестройке социально-классовой структуры, а имен-

³ Определяя суть Советов, В. И. Ленин писал: «Это — революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон*, изданный централизованной государственной властью. Это — власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа» [2, т. 31, с. 145—146].

но в ликвидации всех эксплуататорских классов, в становлении новых социалистических производственных отношений, в создании во всех сферах народного хозяйства крупной машинной индустрии, способной обеспечить благосостояние трудящихся масс, в утверждении марксистско-ленинской идеологии и моральных принципов социализма в качестве господствующих в сфере общественного сознания. Развитие революционного процесса в современную эпоху дало многообразие как путей и форм разрушения капиталистического строя, так и путей, форм и темпов утверждения диктатуры пролетариата и создания социализма.

Современная эпоха характеризуется многообразием форм и типов социальных революций, взаимозависимостью и переплетением различных общественных преобразований. Но «любая революция, где бы она ни происходила, какие бы своеобразные формы ни приобретала, испытывает на себе воздействие гигантского процесса становления новой коммунистической цивилизации» [3, с. 33]. Исследователи отмечают теснейшее переплетение общедемократических и социалистических преобразований на разных этапах революции, подчеркивают, что демократические и социалистические преобразования *«в сущности составляли два нераздельных этапа единого революционного процесса»* (курсив наш) [4, с. 191], который в конечном итоге и составлял начало переходного периода к социализму.

К настоящему времени в советской науке сформировались в основном две точки зрения относительно хронологических рамок переходного периода в социалистических странах. Исходной позицией для всех исследователей является известное положение в «Критике Готской программы». Исследователи, занимающиеся главным образом историей Великого Октября, социалистического строительства в СССР, считают, что по временным рамкам и по своей функциональной характеристике переходный период есть исторически необходимый отрезок времени, который начинается с момента установления диктатуры пролетариата и завершается созданием основ нового строя в материальной и духовной сферах [5, т. 1, с. 6, 7, 9, 26—28; 6, с. 352—353; 7, с. 32]. Под этим подразумевается прежде всего обобществление средств производства, строительство нового государства, социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и культурная революция. Завершение коллективизации деревни и ликвидация последнего эксплуататорского класса — кулачества рассматривается как конечный рубеж переходного периода. Переходный период от капитализма к социализму считается завершенным тогда, когда очерчиваются основные рамки нового социалистического общества [5, т. 1, с. 9—10]. Например, В. С. Станис пишет: «...итоги переходного периода состоят в том, что в обществе появляется экономический строй, принципиально отличный от экономических отношений при капитализме. Именно в этом и выражается победа социализма в основном... следовательно, в СССР переходный период от капитализма к социализму закончился к 1937 г.» [6, с. 352—353]. Такой подход к определению хронологических рубежей переходного периода имеет основой историческую практику развития социалистической революции в СССР, выявившую как общие закономерности перехода общества от капитализма к социализму, так и специфические особенности рождения первого пролетарского государства. 7 ноября 1917 г. — день, когда произошло революционное устранение буржуазии от политической власти, и открылись возможности, завершая буржуазно-демократические, приступить к социалистическим преобразованиям, есть единственно возможный рубеж начала переходного периода для СССР.

Развитие революционного процесса после второй мировой войны, в том числе и революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, развернувшихся в принципиально новых исторических условиях, дало широкий спектр иных практических вариантов успешного перехода от капитализма к социализму. Их анализ, анализ опыта КПСС и сопоставление равнозначных по итогам процессов послужили основой для многих исследований. В результате в работах советских ученых появился еще один подход к определению времени вступления общества в переходный от ка-

питализма к социализму период. Ряд исследователей связывают начало перехода к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы со временем, когда в ходе постепенного и поэтапного становления диктатуры пролетариата, еще до полной и окончательной ее победы, рабочий класс, будучи гегемоном в революционно-демократической диктатуре, стал решать ряд задач социалистического характера, т. е. начал разрушать устой капиталистического строя, закладывая основы для перехода к социализму. Ю. А. Красин и Б. М. Лейбзон отмечают: «Особенность революций в некоторых народно-демократических странах состояла в том, что рабочий класс добивался преобразований социалистического характера еще в процессе борьбы за власть, и сам его приход к власти являлся результатом постепенного революционного развития, итогом вытеснения шаг за шагом буржуазии с занимаемых ею экономических и политических позиций» [8, с. 106]. Анализируя и сопоставляя развитие революционного процесса в России и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, К. И. Зародов писал: «Важная особенность революций в странах народной демократии Европы состояла в том, что отдельные социалистические задачи стали разрешаться здесь не после установления диктатуры пролетариата, как это было в нашей стране, а сразу вслед за победой демократической революции» [9, с. 298]. В другой работе Б. М. Лейбзона и К. К. Ширини сделан прямой вывод о том, что после второй мировой войны в ряде стран экспроприация крупного капитала и установление диктатуры пролетариата были результатом постепенного развития, а переходный период от капитализма к социализму, возможность возникновения которого марксисты ранее признавали только после победы социалистической революции, фактически начался в революции демократической [10, с. 325—326].

Анализ развития народно-демократических и социалистических революций, развернувшихся после второй мировой войны, дал основания М. В. Захаровой [11], С. И. Тюльпанову [12] и авторам исследования «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» [13] связывать процесс разрушения основных экономических структур капиталистического общества и начало создания некоторых элементов новой формации с функционированием государства переходного к социалистическому типу, в котором рабочий класс получает доступ к власти, но временно делит эту власть, сохраняя за собой гегемонию, с другими социальными силами, т. е. с государством революционно-демократической диктатуры народа. Государство переходного типа не является диктатурой какого-либо одного класса — а представляет собой блок прогрессивных революционных сил. В это блок входят: рабочий класс, крестьянство, прогрессивная интеллигенция. Все эти слои мелкой и средней буржуазии, которые на данном этапе поддерживают революцию и выступают против монополистического капитала [11, с. 7]. Реальную возможность возникновения и функционирования такого государства показал уже опыт Испанской республики. После второй мировой войны в новых исторических условиях в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы в момент освобождения от фашизма возникли именно такие государства.

Рабочий класс, используя имеющиеся у него рычаги власти, уже на этом этапе направляет процесс разрушения капиталистического способа производства, боролся за социалистическую перспективу осуществляемых преобразований. Социально-экономические (национализация крупной капиталистической собственности на средства производства, аграрная реформа) и политические (разрушение или использование в интересах пролетариата сложившихся ранее институтов государственной власти) преобразования рассматриваются исследователями как реальные шаги на пути преобразования общества на социалистической основе [14, с. 33]. Возможность такого подхода, его теоретическое обоснование базируются на ленинской теории о перерастании демократической революции в социалистическую, на понимании революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как переходной ступени, являющейся «началом завоевания политической власти пролетариатом...» [2, т. 19, с. 214], что подтвердил исторический опыт нашей эпохи.

Однако среди исследователей не существует единой позиции не только о начале, но и по вопросу о времени завершения процесса перехода от капитализма к социализму. Часть из них считает, что переходный период завершается построением основ социализма [15, с. 19; 10, с. 20; 16, с. 32]. Другие исследователи расширяют хронологические рамки переходного периода, полагая, что обобществление средств производства, утверждение общественной собственности в промышленности и в сельском хозяйстве не исчерпывают еще задач переходного периода [17, с. 42—43; 9, с. 332; 18]. Построение основ социализма рассматривается ими, безусловно, как важнейший этап на пути перехода от капитализма к социализму, дающий в разных странах разную меру приближения к объективным критериям его завершения и характеризующийся еще неполным решением всех задач построения социалистического общества [19, с. 13—14]. «...Необходима еще целая историческая полоса, чтобы наполнить оболочку общественной собственности передовыми производительными силами и культурой. Недооценка этой задачи способна повести (как это произошло в Китае) к стагнации нового строя или даже к возрождению проблем переходного периода, казалось бы, решенных народной властью» [20, с. 24].

В качестве критерия завершенности переходного периода ими принимается принцип необратимости социалистических преобразований, т. е. обеспечение абсолютной гарантии (подробнее см. [21, с. 150; 22]) от реставрации капитализма на внутренней основе, а также разрешение противоречия, возникающего между передовой государственной властью, прогрессивными производственными отношениями, сложившимися на основе первоначального обобществления основных средств производства и материально-технической базой, пока еще неполностью обеспечивающей высокой уровень развития производительных сил [9, с. 332].

Представляется, что такой подход наиболее соответствует сложному, многоэтапному процессу социалистической перестройки общества, в том числе и развернувшемуся после второй мировой войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы происходили в иных исторических условиях. Разгром фашизма в этом регионе силами Советской Армии, мощное движение Сопротивления, нараставшее под руководством рабочих и коммунистических партий при гегемонии рабочего класса в этом движении, привели к тому, что освобождение этих стран от фашизма означало фактически отпадение их от капиталистической системы. Рухнули сориентированные на гитлеровскую Германию и державы фашистского блока экономические и политические международные связи буржуазии этих стран, а восстановление таких связей с ее классовыми союзниками в странах антигитлеровской коалиции было чрезвычайно затруднено фактом возникновения новой власти, в которой определенными позициями (в разных странах в разной мере) располагал рабочий класс. Национальной буржуазии ни в одной из стран Центральной и Юго-Восточной Европы не удалось восстановить довоенное *status quo*. Возникшие в итоге антифашистской борьбы и разгрома фашизма как крайне правой империалистической реакции новые государства не были уже орудием классового господства буржуазии. В одних из них (Албания, Югославия, Польша) крупная и средняя буржуазия не была представлена в новых органах власти, в других — антифашистские круги буржуазии вынуждены были, признав гегемонию пролетариата в антифашистской борьбе, разделить власть в новом государстве с трудящимися массами, прежде всего, с рабочим классом (Румыния, Венгрия, Болгария, Чехословакия). Новая власть в условиях революционного подъема, преодолевая сопротивление буржуазии, проводила такие глубокие социально-экономические и политические преобразования, которые отвечали интересам рабочего класса и широких непролетарских масс трудящихся и объективно оказывались направленными против буржуазии. Революции 40-х годов в регионе стали убедительным свидетельством того, что реализация мероприятий социалистического характера может начаться еще до окончательного утверждения диктатуры пролетариата, в процессе ее постепенного становле-

ния и формирования вокруг рабочего класса союза социальных сил, признающих и активно поддерживающих программу преобразований, предлагаемых пролетариатом. Опыт ряда стран региона (например, Болгария, Чехословакия, Румыния, Венгрия) показал, что рабочий класс, борющийся за всю полноту власти и общественного влияния, успешно использовал уже имеющиеся в его распоряжении определенные государственные рычаги власти для завоевания самых широких слоев трудящихся на сторону своей социалистической программы [23]. Эта борьба выступала как магистральная линия всего развития общества и означала процесс смены класса-гегемона и утверждения за рабочим классом руководящей роли в жизни общества: через гегемонию пролетариата при революционно-демократической диктатуре народа к утверждению диктатуры пролетариата [21, с. 118—119].

Участие представителей рабочего класса — коммунистических и рабочих партий — в осуществлении государственной власти при общественной гегемонии рабочего класса создавало благоприятные условия для последовательного доведения до конца демократических преобразований и открывало социалистическую перспективу развития, обуславливая мирный в целом характер революционного процесса и поступательное развитие в социалистическом направлении уже на этапе перехода к диктатуре пролетариата.

По сравнению с 1917 г., в 40—50-е годы имелись новые факторы, которые оказывали позитивное воздействие не только на направление и содержание преобразований, но и на интенсивность всего процесса перехода этих стран от капитализма к социализму. И здесь в первую очередь следует назвать факт складывания и укрепления социализма как мировой системы, превращение ее «в решающий фактор развития человеческого общества» [24, с. 39].

Взаимодействие этих факторов привело к тому, что некоторые задачи перехода к социализму в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, например, столь важная из них как разрушение экономических основ старого строя (ликвидация капиталистических форм собственности на средства производства), начали разрешаться уже на этапе установления власти переходной к социалистическому типу, т. е. власти, осуществляемой блоком демократических сил во главе с рабочим классом [13, с. 586—590; 25].

Специфика экономических структур, сложившаяся в годы второй мировой войны в оккупированных гитлеровцами странах, заключалась в том, что «своя» национальная буржуазия была лишена оккупационными властями прежних позиций (в Польше — в большей, в Югославии и Чехословакии — меньшей степени). Собственность сохраняли только те круги буржуазии, которые непосредственно сотрудничали с оккупантами, становясь, таким образом, антинациональной силой в обществе оккупированных стран. С оккупационный режим не уничтожал остатков докапиталистических укладов, уродовавших экономическую физиономию существующего общества. Требования ликвидации собственности оккупантов и коллаборационистов обеспечивалась поддержка со стороны широких слоев общества, боровшихся за национальное освобождение, восстановление государственности и утверждение демократических общественных норм.

В странах — союзниках гитлеровской Германии не произошло подобного сужения сферы собственности национальной буржуазии, не произошло столь сильной политической изоляции последней, как антипатриотической, антинациональной силы, и к моменту освобождения от фашизма еще не сложился широкий союз социальных сил, способный принять выдвигаемые рабочим классом требования радикального вторжения в право частнокапиталистической собственности на средства производства.

В связи с этим здесь коммунистическими и рабочими партиями был избран курс на постепенное вытеснение буржуазии из сферы производства в процессе решения новой общенациональной задачи — восстановления разрушенной войной экономики. Во всех странах региона политика пролетарского авангарда базировалась на ленинской теории перерастания де-

мократической революции в социалистическую и была направлена на объединение под руководством рабочего класса непролетарских слоев трудящихся.

Таким образом, конкретные условия развития революции обеспечили в большинстве стран фактическую ликвидацию финансового капитала и крупной капиталистической собственности уже на демократическом этапе революции под демократическими общенациональными лозунгами. Все это создало для рабочего класса и его союзников плацдарм для дальнейшего наступления и углубления революционных преобразований [25]. На этом этапе экономика стран региона, сохраняя многоукладный характер, где были представлены сектора от частнокапиталистического до общественного, государственного, претерпела существенные изменения. Социально-экономические преобразования 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы привели к тому, что обобществленный государственный сектор стал формационно определяющим. В результате этих преобразований капитализм перестал быть экономической формацией, приобретая черты одного из экономических укладов переходного общества. Это означало решающий шаг от капиталистической экономики к социалистической в процессе перерастания революции.

На этот же период приходится наиболее активный процесс разрушения буржуазных государственно-политических институтов, причем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы была реализована новая форма перехода к диктатуре пролетариата: через союз демократических сил, объединяющихся вокруг пролетариата сначала на национально-патриотической, антифашистской платформе ⁴, который затем по мере углубления революции и размежевания политических сил превращался под прямым воздействием пролетарского авангарда в антикапиталистический. Причем темпы этого процесса колебались в силу ряда объективных причин от стремительных (например, Югославия, Албания) до постепенных, продолжавшихся в течение ряда лет (например, Венгрия, Румыния, Чехословакия). Такая форма перехода к диктатуре пролетариата вытекала и обуславливалась особенностями довоенной социально-политической ситуации, а также ситуации, сложившейся в странах региона к моменту их освобождения (политическая активизация всех слоев общества на основе отношения к фашизму и национально-освободительной борьбе, рост влияния коммунистических и рабочих партий, партийно-политическая дифференциация, практика общественной деятельности в условиях буржуазной демократии или авторитарных, профашистских и фашистских режимов). Жестокое сопротивление вытесняемых эксплуататорских классов, острые классовые столкновения при проведении в жизнь основных социально-политических преобразований уже в процессе развития революций были прямым свидетельством того, что эти преобразования посягали на классовое господство буржуазии.

Особая напряженность классовых противостояний в ходе оформления государственно-политического облика этих стран проявлялась не только в вопросе создания новых органов власти (рад народных, национальных комитетов, комитетов Отечественного фронта и т. д.), которые становились системообразующим ядром и принципиально отличались от любых буржуазно-политических представительств, но и в том, что борьба шла за определение новых классовых задач, функций и сущности частично возрождавшихся в ряде стран старых по форме общественно-политических институтов и демократических традиций, сложившихся в буржуазном обществе.

Наличие скрытой или официально действующей политической оппозиции, противостоящей рабочему классу и его партиям, не исключая и вооруженного подполья в некоторых странах, было характерной чертой действовавшей на этом этапе государственно-политической системы. В процессе классового противоборства двух основных сил общества полу-

⁴ О возможности такого подхода к диктатуре пролетариата свидетельствовал опыт испанской революции [26, с. 420—423].

пролетарские и мелкобуржуазные массы приобретали необходимый опыт и делали свой политический выбор.

Именно на основании анализа результатов всех экономических, политических и общественных преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы международное коммунистическое движение уже в 1947 г. зафиксировало отпадение этих стран от империалистической системы, возникновение антиимпериалистического лагеря, основу которого составляли СССР и страны народной демократии, «где новая демократическая власть... сумела провести в кратчайший срок такие прогрессивные демократические преобразования, на которые буржуазная демократия не способна... В итоге народы этих стран не только избавились от тисков империализма, но закладывают основу перехода на путь социалистического развития» [27, с. 14—16, 23].

Все это дает основания поместить этап перерастания революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в марксову формулу перехода общества от капитализма к коммунизму за рамками капиталистического общества, т. е. отнести его к переходному периоду⁵. Для каждой из стран региона хронологически этот момент сугубо конкретен. По сути происходящих преобразований в политической сфере это был процесс интенсивного перерастания демократической диктатуры революционного народа, диктатуры рабочего класса и крестьянства в диктатуру пролетариата. Не везде это было движение только по восходящей непрерывно линии, в нем были свои приливы и отливы, но гегемония рабочего класса в революционном движении, его ведущая роль во власти переходного типа обеспечивала это развитие.

Вместе с тем, это был относительно самостоятельный этап переходного периода, когда происходило разрушение основных экономических и политических структур буржуазного общества, этап, предшествующий непосредственно началу строительства основ социализма. История дала этому новому, отразившему исторические особенности революционной эпохи и специфику развития стран региона типу политической организации общества название народной демократии [26, с. 423]. Как показал опыт строительства социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, этим названием объединяются как разные этапы революционного процесса, так и разные типы государства: государство, переходное к социалистическому типу и перерастающее в государство диктатуры пролетариата (Чехословакия, Румыния, Польша и др.), и государство, где политическая власть по сути дела была уже диктатурой пролетариата (Югославия, Албания).

Анализируя развитие народной демократии, Г. М. Димитров подчеркивал, что «...режим народной демократии, несомненно, не останется неизменным» [28, т. 8, с. 256]. После утверждения диктатуры пролетариата во всех странах региона народная демократия выступила в качестве формы диктатуры пролетариата.

Конец 40-х годов для стран региона является началом строительства основ социализма. Какое содержание вкладывается исследователями в понятие строительства основ социализма? Под этим понимается определенный этап в развитии социалистического преобразования общества, когда государством диктатуры пролетариата решаются задачи создания социалистических производственных отношений, превращения их в господствующие и окончательного уничтожения эксплуататорских классов.

В политической сфере утверждается, укрепляется и развивается государство диктатуры пролетариата, обеспечиваются нормы социалистической демократии, идут поиски оптимального варианта функционирования механизма государственной власти, определения способов и путей осуществления руководящей роли партии в обществе, выявления места и роли массовых общественных организаций и союзных партий в осуществлении программы социалистического строительства.

⁵ Следует заметить, что в партийной литературе СЕПГ и в ряде работ исследователей ГДР период развития революций рассматривается именно в рамках переходного периода.

Пока советские исследователи могли опираться на опыт построения социализма в одной стране — СССР, конкретное содержание построения основ социализма или фундамента социализма, как назывался этот период социалистического строительства в документах КПСС, выражалось прежде всего в процессе превращения СССР из аграрной страны в индустриальную с прогрессивной для того времени структурой промышленного производства, его размещения и управления. В процессе формирования крупной машинной индустрии, как основы промышленного производства, новые, социалистические производственные отношения обрели свое реальное содержание и превращались в важнейший фактор развития производительных сил общества, которые обеспечивали «более высокий, чем в дореволюционный период уровень производительности труда» [20, с. 26].

Вторым магистральным направлением изменения облика общества в период построения основ социализма в СССР была ликвидация мелкоотраслевого производства в сельском хозяйстве и утверждение здесь коллективных форм собственности, обеспечивших переход к крупному социалистическому хозяйству. Конкретно для СССР это была коллективизация деревни.

Опыт СССР убедительно показал, что культурная революция, означавшая коренной переворот во всех сферах духовной жизни общества, является важнейшим компонентом строительства социализма и неотъемлемым условием осуществления всех социалистических преобразований в экономической, социальной и политической областях. В СССР и затем в ряде стран рассматриваемого региона в ходе этой революции как первоочередная, специфическая решалась задача ликвидации культурной отсталости, усвоения прогрессивных достижений мировой культуры. Это создавало основу для складывания социалистической культуры. В перестройке всей системы духовного производства, хранения и распространения духовных ценностей в соответствии с интересами нового общества и на основе марксистско-ленинской идеологии состояла главная задача культурной революции как одной из основных закономерностей строительства социализма во всех странах региона.

Практика Советского Союза дала один из конкретных успешных вариантов строительства основ социализма, выявивших основные закономерности этого процесса. Долгое время эта успешная практика рассматривалась рабочими и коммунистическими партиями как единственно возможная. На опыт Советского Союза и только на него могли опираться страны Центральной и Юго-Восточной Европы, вступавшие на рубеже 40-х и 50-х годов на путь строительства социализма.

Опыт построения основ нового общества в этих странах, находившихся в момент старта к социализму на разных уровнях политического, экономического и культурного развития, с одной стороны, подтвердил наличие в этом процессе обязательных общих закономерностей, а с другой — продемонстрировал разнообразие тактических путей решения одной и той же стратегической задачи — перехода к социализму. Его анализ и сопоставление с опытом СССР позволяют выявить, наряду с общими закономерностями переходного периода, также и специфические черты, определенные конкретной исторической обстановкой и в том, и в другом случае.

Со всей отчетливостью, как общая закономерность, выявилась потребность не только обобществления средств производства, но и необходимость достижения такого уровня развития производительных сил на фундаменте крупной машинной индустрии, который бы обеспечивал экономический, научно-технический, духовный и социальный прогресс общества в интересах широких трудящихся масс. Практика всех стран, идущих к социализму, подтвердила ленинскую мысль: «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность... без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще...» [2, т. 43, с. 305].

Опыт стран региона показал, что проблема создания материально-технической базы, обеспечивающей потребности социалистического общест-

ва, не может быть сведена к какому-либо единому параметру. В каждом случае эта задача решается конкретно.

Для стран с относительно невысоким уровнем развития, там, где не были окончательно решены все задачи капиталистической формации (а к ним следует отнести индустриализацию, превращение сельского труда в разновидность промышленного, механизацию производства и быта, ликвидацию неграмотности, высокую урбанизацию и др.), уже решенные в значительном объеме в развитых капиталистических государствах [20, с. 21], социалистическая индустриализация, означающая создание крупной машинной индустрии, выступает как первоначальный и единственно возможный способ обеспечения социалистического фундамента экономики, без которого «... материальный производственный базис социализма невозможен...» [2, т. 43, с. 306].

Но было бы крайне упрощенно сводить социалистическую индустриализацию только к технической стороне дела, забывая громадную значимость ее социально-политического содержания. Опыт стран Центральной и Юго-Восточной Европы убедительно показал, что при разности решения технических проблем индустриализации, социально-политические цели и результаты ее проявляются как общие, как обязательно закономерные.

Для таких стран, как Болгария, Румыния, Югославия и в значительной мере для Венгрии и Польши создание крупной машинной индустрии выступало в качестве важнейшей и первоочередной задачи. И именно ее решению в первую очередь подчинялась экономическая политика диктатуры пролетариата. Индустриализация позволяла сделать рывок в области развития производительных сил, закрепить и усилить формационно определяющее положение общественного сектора в экономике страны, обеспечить движение общества по пути к социализму. С точки зрения политической, индустриализация для стран с низким уровнем промышленного развития, а следовательно, и немногочисленным рабочим классом, имела принципиальное значение для расширения и укрепления социальной базы диктатуры пролетариата.

Для ГДР и Чехословакии — стран с высоким уровнем развития капитализма и многочисленным организованным рабочим классом — на первый план объективно выдвигалась не столько задача создания тяжелой машинной индустрии, сколько проблема реорганизации уже имеющейся материально-технической базы (реорганизация отраслевой и территориальной структуры промышленности, ликвидация диспропорций в развитии ее отдельных областей и т. п.) и переориентации ее на удовлетворение потребностей пролетарского государства и складывающейся системы социализма.

Таким образом, опираясь на опыт строительства основ социализма в странах с различным уровнем экономического развития, сейчас можно сказать, что осевой проблемой переходного периода для экономически развитых стран является обобществление и социалистическая реорганизация производства, базирующегося уже на развитой крупной машинной индустрии. Для других — в качестве основных встанут две задачи: обобществление производства и создание материально-технической базы, соответствующей потребностям социалистического общества.

Однако ряд факторов внешнеполитического свойства («холодная война», начало войны в Корее, возникновение и применение американской доктрины «сдерживания коммунизма» и «дипломатии силы», экономическая блокада стран социализма со стороны капиталистических держав и др.) повлиял на то, что создание тяжелой, машиностроительной, оборонной промышленности ускоренными темпами прошло для всех стран региона как магистральная задача начального периода строительства основ социализма (1949—1953). Определенное воздействие на концентрацию сил и материальных ресурсов именно в этих отраслях промышленного производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы оказала практика социалистического строительства в СССР. (Для первого и тогда единственного социалистического государства создание оборонной промышленности было вопросом его жизни или смерти.) В конкретной политической

обстановке начала 50-х годов, требовавшей форсированных темпов повышения экономической и оборонной мощи системы социализма, создания прочных гарантий от реставрации капиталистических отношений, советский путь казался и оказался единственно реальным. Главным источником индустриализации и в том и в другом случае служили внутренние ресурсы стран, строящих социализм.

Вместе с тем опыт строительства социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы показал, что, если социализм превращается в мировую систему, то возникает еще один, весьма важный источник индустриализации — взаимопомощь и поддержка более экономически развитых государств, строящих или построивших социализм. Реальные и потенциальные возможности этого источника увеличиваются по мере укрепления социализма как мировой системы.

В условиях, когда в большинстве стран региона только закладывались основы крупной машинной индустрии, одним из важнейших внутренних источников аккумуляции средств, необходимых для создания материально-технической базы социализма могло быть и стало сельское хозяйство⁶. Крестьянство, наряду с рабочим классом, внесло свой вклад (и притом весьма весомый) в дело строительства экономических основ социализма. Неслучайно, имела место тесная взаимосвязь между темпами обществования сельского хозяйства и интенсивностью процесса индустриализации [29, с. 193—206]. Это было характерно для всех стран рассматриваемого региона.

Обобществление сельского хозяйства позволяло решить основные социально-экономические и политические проблемы не только самой деревни, но и страны в целом. Через создание коллективных крупных хозяйств постепенно преодолевалось главное препятствие на пути к социализму — «громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью...» [2, т. 38, с. 386]. Родились и утвердились принципиально новые производственные отношения в деревне. Коренным образом изменялась социальная структура деревни — начался процесс формирования нового класса социалистического общества — класса кооперативного крестьянства, по своей сущности (с точки зрения отношения к средствам производства) однородного рабочему классу. Тем самым закладывались основы морально-политического единства нового общества. Кооперирование, коллективизация стали исходной предпосылкой качественной перестройки сельскохозяйственного производства и превращения его в индустриальную отрасль экономики.

Таким образом, превращение сельскохозяйственного труда в разновидность крупного индустриального является целью и итогом процесса строительства социализма, но, как показала практика, может осуществляться разными путями [30]. Там, где мелкая крестьянская собственность уничтожена уже при капитализме (что естественно именно для этой формации) возможно утверждение социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве, минуя, как промежуточную, форму кооперативной собственности.

К моменту завершения строительства основ социализма, социалистические производственные отношения становятся господствующими, но они пока еще не единственные. В экономической сфере сохраняются более или менее значительные остатки частного производства, хотя последнее уже не выполняет сколь-нибудь существенной функции в государственной экономике. Однако его существование обуславливает наличие на этом этапе классовых противоречий в обществе, не исключая и антагонистических [20, с. 26].

Таким образом, строительство основ социализма в экономике — это превращение социалистического уклада в господствующий, определяющий, но пока не единственный способ производства в обществе.

---

⁶ В Югославии, хотя и был избран несколько иной вариант создания материально-технической базы социализма и осуществления индустриализации, но и здесь сельское хозяйство выступало как важнейший источник аккумуляции средств [30].

Облик строящего социализм общества создает не только экономическая структура. Он складывается из многих компонентов, как то: политическая организация общества, сфера идеологии, культуры, международных отношений.

Современные исследователи под политической организацией общества подразумевают систему государственных и общественных институтов, каждый из которых во взаимодействии с другими выполняет в интересах господствующего класса присущими ему методами определенные политические функции [31, с. 35—36]. Политическая система социализма в корне отличается от политической системы любого антагонистического общества, поскольку она является социальным механизмом, «посредством которого трудящиеся, возглавляемые рабочим классом и его партией, осуществляют свою власть в обществе» [32, с. 242]. Эта система отражает коренные черты нового строя, закономерности его становления и развития, выступает как единая система политических институтов и отношений, воплощающая власть трудящихся во главе с рабочим классом [33, с. 7].

Опыт стран Центральной и Юго-Восточной Европы подтверждает ленинское положение о том, что кардинальные политические преобразования при переходе от капитализма к социализму предшествуют мероприятиям по созданию основ новой экономической структуры [15, с. 43]. Конкретные условия определяют, происходят ли они в форме политического переворота (7 ноября 1917 г. в России) или идут постепенно, переплетаясь с экономическими преобразованиями и в конце концов опережая их.

В большинстве стран формирование государственных и политических структур осуществлялось в процессе революционных, демократических преобразований. Их специфика была обусловлена рядом факторов и прежде всего мирным развитием революций. Мирное в целом течение революционного процесса достигалось успешным применением коммунистами тактики объединения большинства нации вокруг программ и требований, выдвигаемых пролетарским авангардом. Спецификой стран региона было использование с этой целью и в интересах революционных сил ряда традиционных демократических институтов и национальных форм: парламента, института президентства, системы многопартийности, национальных атрибутов, действовавших уже в буржуазном обществе и воспринятых его демократическими, общественно активными кругами. Наполнение этих институтов новым содержанием в соответствии с потребностями народной власти стало в конкретных условиях региона важнейшей задачей этой власти. К моменту окончательного установления диктатуры пролетариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы государственно-политическая организация общества в основном завершилась, но еще не приобрела всех необходимых черт, свойственных политической системе социалистического типа [33, с. 23].

Пролетариат, превратившись в господствующий класс, т. е. установив свою диктатуру, преобразовал эту, сложившуюся в ходе революции и принятую разными социальными слоями, идущими вместе с рабочим классом, государственно-политическую организацию, сохранив при этом ее форму, что способствовало решению одной из важнейших задач диктатуры пролетариата — «увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролетариат..., но и всю массу трудящихся и эксплуатируемых капиталом» [2, т. 41, с. 184—185]. Такой курс помог обеспечить союз рабочего класса и самых широких слоев общества теперь уже во имя достижения реальных социалистических целей.

На этапе строительства основ социализма сложившаяся государственно-политическая организация общества была конституционно закреплена.

Вставшие перед социалистическими государствами новые общественные задачи вносили коррективы в функционирование всего общественно-политического организма. Главным их направлением было развитие социалистической демократии, мобилизация масс на строительство нового общества и управление им. Социалистическое государство на том этапе выступало как главный инструмент строительства нового общества.

Наиболее яркой спецификой диктатуры пролетариата, установленной в странах Центральной и Юго-Восточной Европы к концу 40-х годов, при сравнении с советской системой являются организационно-политические формы создания и действия союза пролетариата с самыми широкими слоями трудящихся. Это нашло свое выражение в концепции и реализации политики национальных и народных фронтов. Национальные и народные фронты в условиях строительства социализма выступали как основной механизм, обеспечивавший участие широких народных масс в формировании, осуществлении и контроле политики социалистического государства. Они стали важнейшим звеном политической системы стран региона. Через национальные и народные фронты при социализме реализовалась главная закономерность строительства нового государства — постоянное и решающее участие масс в управлении государством. Политическая структура и механизм действия фронтов в обществе каждой из стран определялись внутренними условиями.

При сохранении общей сути — обеспечение контакта рабочего класса и его политического авангарда с широкими массами — фронты функционировали в разной форме. В одних случаях — это союз рабочих и коммунистических партий с массовыми общественными организациями, в других — союз этих партий с рядом непролетарских политических партий, объединений и массово-политических организаций.

Практика функционирования политической системы социализма в странах региона свидетельствует, что однопартийность и многопартийность — есть разновидности этой системы, порожденные конкретными условиями. Следует особо подчеркнуть коренное отличие многопартийности как системы при социализме от многопартийности в условиях буржуазного парламентаризма, базирующегося на принципе правящих и оппозиционных партий. Принципиальной чертой взаимоотношений партий при социализме является не соперничество, а сотрудничество в достижении общей цели при руководящей роли марксистско-ленинского авангарда рабочего класса [33, с. 95].

Сохранение системы многопартийности в ряде стран (Польша, Чехословакия, Болгария, ГДР) на практике оказалось одним из условий обеспечения союза рабочего класса с широкими непролетарскими массами не только на пути к диктатуре пролетариата, но и на этапе социалистического строительства. Это было вызвано тем, что в социализм вступало общество с широким распространением мелкобуржуазной идеологии среди различных социальных слоев, с большой долей в обществе политически активных и политически организованных мелкобуржуазных масс, обладавших опытом общественно-политической деятельности в масштабах всего государства и традиционными демократическими программами. Такая форма включения мелкобуржуазных масс в строительство основ социализма позволяла снять возможную напряженность отношений, вызываемую объективным в ходе строительства социализма процессом сокращения экономического влияния мелкобуржуазных слоев и усиливающейся периферийностью их политической роли в обществе.

Главным и решающим условием функционирования системы многопартийности в условиях строительства основ социализма являлось принятие союзническими партиями программы социалистического переустройства общества, предлагаемой коммунистическим авангардом рабочего класса. Это условие, рассматривавшееся в свое время В. И. Лениным как обязательное⁷, исключало практическую вероятность существования на этапе строительства основ социалистического общества оппозиционных политических партий, предлагающих иной путь и иную цель развития общества. Следовательно, только от позиции непролетарских партий, от их

⁷ «Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т. е. власти *большинства*... мы были согласны и *остаемся согласны* разделить власть с меньшинством Советов, при условии лояльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, одобренную *всеми* Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму» [2, т. 35, с. 76].

отношения к социализму зависит их историческая роль и судьба [34, с. 507].

Важнейшим вопросом переходного периода является вопрос о роли партии рабочего класса, вопрос о ее месте и функции в политической системе общества, строящего социализм.

Социалистические преобразования общества охватывают все области общественной жизни, и этот процесс не может развиваться стихийно. Сознательно руководить этим процессом может только организованный авангард рабочего класса, располагающий научной теорией (и основанной на ней программой) качественного преобразования общества. Отсюда вытекает руководящая роль и непрерывно возрастающее влияние компартий. И именно это выступает как основная закономерность строительства социалистического общества. Коммунистические партии призваны познать и познают общественную реальность (положение и цели классов и общества в целом), вырабатывать и формулировать конкретные политические задачи, мобилизовывать трудящихся на их решение. Именно в связи с этим чрезвычайной важности достигает вопрос о взаимоотношениях партии и трудящихся масс.

Перенос центра тяжести с общедемократических антикапиталистических преобразований на социалистические на рубеже 40—50-х годов поставил перед рабочим классом, обладавшим теперь всей полнотой власти, и его авангардом, облеченным доверием рабочего класса и его союзников, как ключевой, именно этот вопрос.

Качественное изменение задач, вставших перед обществом стран рассматриваемого региона после установления диктатуры пролетариата, не исключало возможности классово-политической напряженности⁸ и тайло опасность утраты тех союзников, прежде всего из рядов мелкой буржуазии, которые шли вместе с рабочим классом, пока осуществлялись мероприятия, направленные против буржуазии и крупного капитала, т. е. на этапе разрушения капиталистической структуры общества. Когда же в повестку дня встал вопрос о формировании социалистических производственных отношений, когда социализм становился исторически близкой реальностью, колебания непролетарских слоев, естественно, усилились и проблема правильного отношения партии и трудящихся масс приобрела вновь особое значение. Требовались новый уровень, содержание и формы политической работы с массами.

подавляющее большинство стран региона завершило строительство основ социализма на рубеже 50—60-х годов.

Развитие стран региона в 60—70-е годы свидетельствует, что для завершения переходного периода недостаточно сделать социалистические производственные отношения господствующими с точки зрения форм собственности. Переходный период завершается лишь тогда, когда на базе социалистических форм собственности выполняются основные цели социализма в области экономики, политики, идеологии. Таким образом, по-видимому, сказать, что правы те исследователи, которые считают, что построение основ социализма в странах региона не означало еще полного завершения всех задач переходного периода, что хронологические рамки переходного периода от капитализма к социализму и этапа создания основ социализма могут не совпадать [20; 18].

Анализ документов, выработанных братскими партиями на основе осмысления развития стран региона в 60—70-е годы, показывает, что построение основ социализма отнюдь не рассматривается ими в настоящее время как завершение периода перехода от капитализма к социализму. Напри-

⁸ В. И. Ленин в 1923 г. писал о возможности подобных ситуаций в Советской России: «...в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и „напманы“, т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания для такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их...» [2, т. 45, с. 387].

мер, на VII, IX, X съездах ВСРП даже специально подчеркивалось, что Венгрия завершила строительство основ социализма «и уверенно движется по пути полного построения социализма... Это процесс полного построения социализма... еще продолжается» [35, с. 95, 197].

Практика социалистического строительства в СССР и в европейских социалистических странах показывает, что критерием завершения переходного периода от капитализма к социализму не может служить один, пусть самый важный и полностью реализованный, например, экономический, показатель. «...Базируясь на экономике, — писал В. И. Ленин, — социализм вовсе не сводится весь к ней...» [2, т. 30, с. 22]. Поэтому разработка проблемы переходного периода от капитализма к социализму требует от исследователей комплексного подхода и сопоставительного анализа процессов, протекавших в сфере экономики, политики, социальных процессов, государственно-правового строительства, идеологии и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
3. Революционный процесс: общее и особенное. Отв. ред. Загладин В. В. М., 1981.
4. Красин Ю. А. Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М., 1977.
5. От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР 1917—1937 гг. Т. 1, 2. М., 1981.
6. Станис В. С. Возникновение и становление экономики социализма. М., 1980.
7. Ким М. П. О периодизации процесса строительства социализма в СССР.— Коммунист, 1981, № 7.
8. Красин Ю. А., Лейбзон Б. М. Революционная теория и революционная политика. М., 1979.
9. Зародов К. И. Ленинизм и современные проблемы перехода от капитализма к социализму. М., 1981.
10. Лейбзон Б. М., Шириня К. К. Поворот в политике Коминтерна. М., 1965.
11. Захарова М. В. Роль переходных экономических форм в процессе создания основ социализма.— Автореф. докт. диссерт. Л., 1975.
12. Захарова М. В., Тюльпанов С. И. Эпоха перехода от капитализма к социализму и переходные экономические отношения.— Вестник ЛГУ, № 23, вып. 4, 1967.
13. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. IV. Исторические типы государства и права. М., 1971.
14. Толкунов Л. Н. Главная революционная сила современности. Мировое социалистическое сотрудничество: становление, развитие, возрастающее влияние. М., 1979.
15. Теория и практика социалистического строительства. М., 1975.
16. Лузин Н. Об исторических границах переходного периода и критериях его завершенности.— Экономические науки, 1973, № 6.
17. Об этапах социалистического строительства. М., 1973.
18. Косолапов Р. И. Вклад XXIV, XXV, XXVI съездов КПСС в разработку теоретических и политических проблем развитого социализма и перехода к коммунизму.— Коммунист, 1982, № 5.
19. Черковец В. Н. Вопросы периодизации социалистического строительства и основные экономические черты развитого социализма. М., 1976.
20. Косолапов Р. И. Социализм в теории и на практике.— Вопросы философии, 1972, № 5.
21. Зародов К. И. Экономика и политика в революции. М., 1980.
22. Зародов К. И. Исторический опыт Октября и гарантии революционных завоеваний.— Вопросы истории, 1981, № 11.
23. Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
24. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961.
25. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
26. Манусевич А. Я. Из истории развития ленинской теории социалистической революции в период борьбы против фашизма. Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций М., 1978.
27. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948.
28. Димитров Г. Избранные произведения в 8 томах. София, 1972.
29. Cestou socialistického vuvinu. Bratislava, 1973.
30. Тегуненко Л. В. Развитие сельского хозяйства СФРЮ. М., 1981.
31. Чехарин Е. М. Советская политическая система в условиях развитого социализма. М., 1975.
32. Научный коммунизм. Словарь. М., 1980.
33. Ильинский И. П., Страшун Б. А., Ястребов В. И. Политическая система зарубежных стран социализма. М., 1981.
34. Кабар Я. Избранные статьи и речи (1957—1960). М., 1960.
35. X съезд ВСРП. М., 1971.

РОЛЬ ОБЩЕСТВ ДРУЖБЫ В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1944—1948 ГОДАХ

Проблема становления и упрочения советско-болгарского сотрудничества широка и многопланова. Постоянно расширяясь и углубляясь, сотрудничество между нашими странами прошло в своем развитии несколько этапов. Современное состояние отношений между советским и болгарским народами получило самую высокую оценку в выступлениях руководителей ВКП и КПСС. По словам Т. Живкова, «болгаро-советская дружба — это одно из величайших и прекраснейших завоеваний наших народов на пути свободы и социализма, образец международных и межгосударственных отношений в свободном мире социализма» [1]. «Советские люди, — говорит Л. И. Брежнев, — в свою очередь считают дружбу с братской Болгарией драгоценным даром истории» [2].

Истоки дружбы уходят далеко в глубь веков. В музее древней столицы Болгарии — Плиски — есть небольшая фреска, надпись под которой гласит: «русские помогли болгарам защищать крепость от нашествия византийцев в 976 году». Важную роль сыграли русские воины в освобождении Болгарии от османского ига в 1877—1878 гг. В годы второй мировой войны Советская Армия оказала большую помощь болгарским патриотам в освобождении Болгарии от фашистских поработителей. Общая славянская письменность, культура безусловно сыграли важную роль в сближении наших народов. Однако основой дружбы советского и болгарского народов являются общность классовых интересов трудящихся, братское сотрудничество марксистско-ленинских партий — КПСС и ВКП.

Цель данной статьи показать роль Болгаро-советского общества дружбы (БСОД) и Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС)¹ в становлении советско-болгарского сотрудничества в первые годы после разгрома фашизма.

В советской исторической литературе этот вопрос специально еще не исследовался. Между тем, интересный и мало использованный материал хранится в ЦГАОР СССР, в фонде ВОКС. Частично документы этого фонда вошли в опубликованный в 1981 г. сборник документов и материалов «Советско-болгарские отношения и связи. Т. II, сентябрь 1944 — декабрь 1958». Для раскрытия данной темы автор использовал также сборник документов и материалов «Советско-болгарские отношения 1944—1948 гг.». М., 1969. Важным источником явилась болгарская и советская пресса исследуемого периода и прежде всего печатные органы Болгаро-советского общества дружбы — журнал «Българо-съветска дружба» и газета «Българо-съветско единство» и издаваемая Политическим управлением при Главном командовании советских войск в Болгарии газета «Дружба». Среди болгарских историков успешно, широко используя болгарские ар-

¹ Общество советско-болгарской дружбы было создано в 1957 г. До 1957 г. все контакты с БСОД осуществляли ВОКС и Славянский комитет.

хивы, работает по данной теме В. Чичовска [3], более ранним периодом организованного движения за дружбу с Советским Союзом занимается Н. Станева [4].

Это движение зародилось в Болгарии в начале 30-х годов и имеет богатую и интересную историю. 1 сентября 1934 г. по инициативе Болгарской рабочей партии и при участии группы прогрессивной интеллигенции в Софии было основано первое Болгаро-советское общество дружбы. Вскоре были учреждены отделения общества в Ломе, Враце, Пловдиве и других городах. Но в июне 1941 г. фашистский режим в Болгарии запретил деятельность БСОД. К этому времени в стране было основано 35 отделений общества дружбы [5]. В 1934—1941 гг. Болгаро-советское общество не смогло превратиться в массовую организацию, оно действовало в условиях жестокого полицейского режима в стране, а «его руководство, — как пишет Н. Станева, — было слишком далеко от классово-политических процессов, происходящих в мире и в самой Болгарии» [4, с. 85]. Вместе с тем деятельность Болгаро-советского общества дружбы в 30-е годы послужила хорошей основой для успешной работы общества в дальнейшем.

Победа народного восстания 9 сентября 1944 г., ликвидация монархо-фашистской диктатуры, установление в стране власти трудящихся во главе с рабочим классом и его коммунистическим авангардом положили начало социалистической революции. Первое правительство Отечественного фронта во главе с Кимоном Георгиевым — видным деятелем Народного союза «Звено» было сформировано из представителей политических партий, входивших к сентябрю 1944 г. в Отечественный фронт. По инициативе коммунистов правительство Отечественного фронта уже в течение первых дней своего существования провело ряд демократических мероприятий, обеспечивших ему полную поддержку народных масс. Оно отменило антинародные, антидемократические законы, распустило все фашистские организации, конфисковало их имущество, типографии и закрыло фашистские газеты. Болгарский народ получил демократические права и свободы. 17 сентября 1944 г. на большом народном митинге в Софии К. Георгиев огласил программу правительства Отечественного фронта. В области внешней политики в программе выдвигались следующие задачи: «укрепление вечной братской дружбы с Советским Союзом, установление дружественных отношений с другими демократическими странами, установление теснейших дружественных связей с балканскими народами» [6].

Несколькими днями ранее, 12 сентября, в Софии состоялось первое заседание Совета правления Болгаро-советского общества дружбы. Председателем Совета был избран проф. Д. Костов. Член Болгарской рабочей партии (коммунистов), ученый-генетик, автор 160 научных трудов Д. Костов с 1932 г. работал в Советском Союзе в Институте генетики АН СССР, а с 1934 г. — в Ленинградском университете. В Болгарию вернулся в декабре 1939 г., вошел в руководство Софийского БСОД. 1 апреля 1944 г. был назначен министром земледелия в кабинете И. Багрянова, но вскоре, 12 апреля, был снят с этого поста формально «по состоянию здоровья», фактически же как негодная фашистскому режиму фигура [7, д. 45, л. 125]. Заместителями председателя Совета правления были избраны С. Гановский, член БРП(к), философ-марксист, К. Кюлявков, член БРП(к), писатель, художник, публицист; секретарем Совета правления — С. Игнатиевский, член ВЗНС, адвокат, журналист (в 1934—1941 гг. — активный член Софийского БСОД и его секретарь); библиотекарем БСОД стала А. Костова. В Контрольную комиссию вошли Р. Георгиева, ученый-генетик, С. Македонский — оперный певец и Г. Белев — писатель [8, с. 19]. Почетными членами Софийского БСОД были избраны премьер-министр К. Георгиев, министр без портфеля Д. Терпешев, министр финансов П. Стайнов, проф. Т. Павлов [7, д. 45, л. 1—5].

На заседании Совета правления был поднят вопрос об изменении Устава общества. Созданной для этого комиссии в составе С. Игнатиевского, С. Васева, Д. Янакиева было поручено доработать Устав и представить его на общее собрание общества. Проект-устав БСОД, состоящий из 6 разделов, был утвержден 15 декабря 1944 г. Министерством внутренних

дел Болгарии и одобрен общим собранием общества дружбы в Софии. В Уставе говорилось, что целью общества «является установление искренних, сердечных отношений и сотрудничества между болгарским народом и народами Советского Союза» [9, с. 3]. Устав предусматривал проведение планомерной и массовой организационной работы среди всех слоев населения в стране, создание городских и сельских отделений общества, привлечение в общество честных передовых граждан. Задачей общества являлась также широкая пропагандистская деятельность: проведение собраний, докладов, бесед; организация выставок, концертов; показ кинофильмов, театральных представлений; создание курсов русского языка; встречи членов БСОД с советскими специалистами; издание журналов, газет, книг, переводы советской литературы на болгарский язык. «Членом общества, — говорилось в Уставе, — может быть любой болгарский или советский гражданин, который разделяет цели общества и работает ради их осуществления» [9, с. 3—4]. Для вступления в общество требовались рекомендации не менее двух членов БСОД. Болгаро-советским обществом руководил Совет правления, который избирался годичным общим собранием. БСОД имело свои отделения в городах и селах. Отделение могло проявлять инициативу в своей деятельности в соответствии с уставом и задачами общества. По решению Совета правления при обществе были созданы секции. Помощник политического советника Союзной контрольной комиссии (СКК) в Болгарии А. Яковлев отмечал, что уже в начале марта 1945 г. при БСОД в Софии функционировали 13 секций [7, д. 45, л. 1—5]: военная (председатель — генерал К. Лекарский), театральная (председатель — М. Попова), литературная (председатель — Г. Цанев), народного быта и творчества (председатель — С. Васев), философии, педагогики и социологии (председатель — С. Гановский), научная (председатель — проф. Б. Стефанов), журналистики (председатель — Т. Стоянов), художественная (председатель — проф. И. Петров), музыкальная (председатель — С. Македонский), юридическая (председатель — Н. Николов; он же председатель Славянского комитета и кассационного суда Болгарии), техническая (председатель — П. Горбанов), студенческая (председатель — М. Брымбарова), железнодорожная (председатель — И. Карааламов).

С самого начала деятельности Болгаро-советского общества устанавливаются и постепенно расширяются его контакты с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. Еще 6 ноября 1944 г. Софийское БСОД направило письмо в ВОКС, в котором говорилось: «Так как наша задача ознакомить правильно болгарский народ с гигантскими достижениями СССР во всех областях человеческой деятельности, будем вам весьма благодарны, если вы организуете приезд в Болгарию ученых из всех областей науки, а также писателей, артистов и музыкантов, которые лично ознакомят болгарское общество с достижениями в СССР... Мы просим вас посылать нам 1) газеты: „Правда“, „Известия“ и др. в возможно большем количестве экземпляров, чтобы мы могли распространять их во всех провинциальных филиалах БСО; 2) журналы по всем областям науки, политики, искусства и литературы; 3) книги; 4) фильмы и 5) пластинки... С 1941 г. мы не имели ни одного советского журнала, ни одной книги» [8, с. 44].

В письме от 16 января 1945 г. [7, д. 47, л. 69] председатель БСОД Д. Костов просит в связи с реорганизацией Софийского университета и Академии наук Болгарии ознакомить болгарских товарищей с программами и структурой Московского и Ленинградского университетов, а также Академии наук СССР. В другом письме БСОД обращается к ВОКС с просьбой прислать книги по законодательству, организации и устройству в СССР колхозов, артелей, кооперативов, по сельскому хозяйству и лесному хозяйству, строительству, тяжелой и легкой индустрии и другим отраслям хозяйства [7, д. 47, л. 64—66].

Болгаро-советское общество дружбы испытывало значительные трудности из-за отсутствия необходимой материальной базы, ограниченного количества советской литературы, недостатка лекторских кадров. Как явствует из архивных материалов, ВОКС с 22 октября 1944 г. по 12 мая

1945 г. послал в адрес Софийского общества дружбы 1040 экз. художественной, политической и научной литературы, 425 экз. журналов, включая и научную периодику, подборки центральных газет с 1 января по 25 апреля 1945 г., 625 экз. нот, 4 фотовыставки и 25 экз. фотохроник и фотоальбомов [7, д. 43 (2), л. 171].

В 1945 г. ВОКС передало Софийскому БСОД 600 000 левов для обустройства читальней и библиотекой [10, с. 353]. 21 апреля 1945 г. заместитель председателя правления ВОКС А. Караганов направил письмо председателю Болгаро-советского общества дружбы Д. Костову, в котором говорилось: «Наше общество ведет свою работу по укреплению культурных связей СССР с зарубежными странами вот уже в течение 20 лет. При ВОКС организовано 12 секций. Во главе секций стоят такие деятели культуры и науки, как академик Борис Греков (секция истории, экономики и философии), академик Абрам Иоффе (секция техники и естествознания), академик Николай Бурденко (секция медицины), народный артист СССР Иван Москвин (театральная секция), народный художник СССР Александр Герасимов (секция художников), композитор Николай Мясковский (секция композиторов), режиссер Всеволод Пудовкин (секция работников кино), дважды герой Советского Союза Иван Папанин (секция физкультуры и спорта), академик Царо Алабян (секция архитекторов). Покойный Алексей Толстой возглавлял литературную секцию.

Разрешите пожелать вашему обществу и Вам лично успехов в вашей высоко ценимой нами работе по развитию и укреплению культурных связей и дружбы между болгарским и советским народами» [7, д. 43(2), л. 133].

Вскоре устанавливаются и крепнут контакты между отдельными секциями ВОКС и секциями Болгаро-советского общества дружбы, о чем свидетельствует целый ряд документов, хранящихся в архиве ВОКС. Вице-президент литературной секции ВОКС К. Симонов 25 мая 1945 г. направил председателю литературной секции БСОД Г. Цаневу письмо следующего содержания: «Члены литературной секции хотели бы ознакомиться советских литераторов с жизнью и творчеством писателей Болгарии. Секция заинтересована также в деловом сближении советских и болгарских писателей, борющихся своими художественными произведениями за прогрессивное развитие человечества... Мы уверены, что деловое и плодотворное сближение писателей СССР и Болгарии явится вкладом в дело укрепления и развития дружеских связей между народами наших стран» [8, с. 97—98]. «Бюро Медицинской секции ВОКС будет радо установить научные связи с практикующими врачами, а также с научными медицинскими учреждениями и организациями Болгарии, — писал в научную секцию БСОД вице-президент медсекции ВОКС акад. В. Парин. — Для начала посылаем несколько экземпляров вышедших в военное время книг и журналов, чтобы ознакомить болгарских ученых, хотя бы в некоторой мере, с проблемами, над которыми работает в настоящее время советская медицинская мысль. В свою очередь нам было бы интересно знать об успехах и достижениях медицинской науки в дружественной Болгарии» [7, д. 43(1), л. 60].

Приведем еще один интересный документ того времени:

«Болгаро-советское общество

Секция художников

25.V.1945 г.

Мы, московские художники, объединенные в секцию изобразительных искусств ВОКС, шлем Вам наш сердечный привет.

Теперь, когда мир освободился от фашистского гнета и варварства и начинается новая эра человеческой культуры, мы, славянские народы, должны соединить свои силы для создания высоких произведений искусств. События последних лет долго разделяли нас и мы не имели возможности ознакомиться ни с современным искусством, ни с историческими памятниками искусства болгарского народа. Теперь одной из основных целей Секции художников ВОКС является изучение произведений братских славянских народов. Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой при-

слать нам все те издания, которые Вы найдете возможным и которые могли бы нас познакомить как с работами современных художников Болгарии, так и с историей болгарского искусства... Мы, со своей стороны, готовы направить Вам все те материалы, которые могут Вас заинтересовать в области советского и русского изобразительного искусства...

Президент секции изобразительных искусств ВОКС
народный художник СССР

Александр Герасимов» [7, д. 43(1), л. 65].

БСОД в Софии восстановило свою деятельность 12 сентября 1944 г. В ряде городов и сел Болгарии отделения общества были восстановлены почти одновременно с софийским или раньше. Так, отделение БСОД в Сливене возобновило свою деятельность 5 сентября, в Ловече — 15 сентября, во Враце — 21 сентября, в Поморне — 20 сентября 1944 г. [8, с. 16, 20]. К 1 марта 1945 г. общество дружбы объединяло в своих рядах 7080 человек, из них 3350 человек — члены Софийского БСОД, а 3730 человек входило в периферийные отделения. Только с первого по десятое марта было вновь создано 23 отделения общества [7, д. 45, л. 1—5]. За полгода своего существования Болгаро-советское общество проделало значительную работу. Во многих городах были проведены торжественные вечера, посвященные 27 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, отмечены день Советской Конституции, годовщина смерти В. И. Ленина, прочитаны доклады о творчестве А. С. Пушкина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, о декабристах. В Красном Селе, Враце и Сливене были организованы курсы по изучению русского языка. В Сливене работали 8 таких групп. Из них 4 — для детей школьного возраста, 2 — для гимназистов и 2 — для взрослого населения. В Харманли, Лыждене и Летнице общество дружбы проводило беседы и лекции о Советском Союзе: колхозах, решении национального вопроса, трудовом законодательстве, браке и семье, образовании, искусстве и др. 4 марта в Софии была открыта выставка «Дружба советских народов». Уже в первый день ее посетило 5358 человек [7, д. 45, л. 1—5]. В г. Дебелец состоялся вечер советского искусства, в Харманли — вечер советской музыки, в Сливене была устроена выставка советской книги. В г. Павардин во время недели Красной Армии были прочитаны доклады «Бои на советско-германском фронте от Сталинграда до Одера», «Моральные устои Красной Армии». Софийское болгаро-советское общество организовало выставку на тему «Гитлеровский „новый порядок“ в Европе». С 19 февраля по 9 марта ее посетило 48 000 человек [7, д. 45, л. 1—5].

Помимо ознакомления болгар с достижениями советского народа Болгаро-советское общество дружбы и его отделения активно откликаются на важные политические события того времени. 28 октября 1944 г. в Москве представители СССР, Великобритании и США, с одной стороны, и делегация правительства Отечественного фронта Болгарии — с другой, подписали соглашение о перемирии. По инициативе общества дружбы в г. Павликени 31 октября 1944 г. был созван общегородской митинг по случаю подписания этого документа. Аналогичные мероприятия прошли и в других городах и селах Болгарии.

С сентября 1944 г. по май 1946 г. в Болгарии было создано 260 отделений общества дружбы, в них состояло 35 тыс. человек [10, с. 348]. Эти первые болгаро-советские общества (так стали называть себя периферийные отделения софийского БСОД) работали в сложной внутривнутриполитической и международной обстановке.

Месяцы, последовавшие за победой 9 сентября, были отмечены активной деятельностью Отечественного фронта, Народного правительства, Болгарской рабочей партии (коммунистов). Прилагались энергичные усилия, направленные на восстановление разрушенного народного хозяйства, на проведение внешней политики — политики дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, со всеми демократическими странами. Однако внутренняя реакция старалась при поддержке империалистов США и Англии помешать упорению революционного курса в развитых странах, не допустить укрепления болгаро-советской дружбы. Назначенные на

26 августа 1945 г. первые парламентские выборы были перенесены на 18 ноября. Именно в те дни, когда шла подготовка к выборам, на родину вернулся испытанный вождь болгарского народа и выдающийся деятель международного коммунистического движения Георгий Димитров. Он сразу же включился в предвыборную кампанию. Несмотря на сопротивление оппозиционеров, выборы состоялись. Болгарский народ активно участвовал в выборах, решительно поддерживая списки Отечественного фронта.

25 декабря 1945 г. Г. Димитров произнес свою первую, после 9 сентября 1944 г., речь в парламенте. Касаясь вопросов внешней политики Болгарии, Г. Димитров подчеркнул, что «это политика вечной дружбы с великим русским народом, с Советским Союзом, политика нерушимого братского сотрудничества с народами новой Югославии и другими славянскими народами» [11, с. 132].

Возобновление деятельности Болгаро-советского общества дружбы было, как справедливо пишет В. Чичовска, «вызвано стихийно победой 9 сентября, успехами Советской Армии и первыми связями с советскими людьми» [10, с. 348]. К концу 1945 г. БСОД еще не было массовой организацией. Вставал вопрос об объединении и планировании деятельности всех обществ дружбы в стране. Было очевидным, что расширение их деятельности зависело прежде всего от создания единого координирующего центра.

В мае 1946 г. состоялась Учредительная конференция болгаро-советских обществ дружбы всей страны, на которой был создан Союз болгаро-советских обществ дружбы (БСОД). На конференции с докладом по идеологическим вопросам выступил проф. Д. Костов, по организационным — доктор М. Нотова. Участники конференции рассмотрели Устав общества, определили место и время первого конгресса Союза болгаро-советских обществ дружбы, избрали временный Совет правления Союза в составе 36 человек. Совет правления избрал Постоянное присутствие в составе 7 человек во главе с В. Павурджиевым. «Васил Павурджиев, известный писатель (выступающий под псевдонимом Васко П.), член БЗНС, честный и благородный, последовательно прогрессивный и преданный народу, неуклонно выступающий за союз и единство действий с нашей партией», — так охарактеризовал его Н. Ганчовский, бывший секретарь Г. Димитрова [12, с. 275]. Секретарем БСОД был избран П. Димитров-Рудар, тоже писатель.

Создание БСОД внесло плановость в организационную и просветительскую деятельность обществ дружбы. Опорой Союза обществ стали партийные организации, комитеты Отечественного фронта, профсоюзные и другие массовые организации. Учредительная конференция поставила вопрос об издании печатного органа, который давал бы популярную и краткую информацию о Советском Союзе для широких слоев трудящихся Болгарии. Поэтому наряду с выходящим ранее с января 1945 г. журналом «Българо-съветска дружба», с 20 июня 1946 г. начала выходить в свет газета «Българо-съветско единство».

В ее первом номере были сформулированы задачи Союза болгаро-советских обществ дружбы: разъяснить значение помощи Советского Союза в деле укрепления национальной и экономической независимости Болгарии, знакомить трудящихся Болгарии с жизнью Советской страны.

Широкую и объективную информацию болгарская общественность получала на страницах газеты «Дружба». Она издавалась с середины октября 1946 г. до конца 1947 г. Политическим управлением при Главном командовании советских войск в Болгарии.

Важную роль в ознакомлении болгар с советской деятельностью сыграл созданный Политуправлением Южной группы войск в августе 1946 г. в Софии Дом советско-болгарской дружбы. В Совет Дома вошли руководящие работники ряда болгарских организаций, в частности, от Национального комитета Отечественного фронта — Ц. Драгойчева. Дом советско-болгарской дружбы проводил лекции, доклады, киносеансы, концерты, спектакли, детские утренники, литературные вечера, торжественные собрания. За полугодие было прочитано 110 лекций, на которых присутство-

вало 109 000 человек, организовано 9 выставок на темы: Конституция СССР; В. И. Ленин; 4-й пятилетний план; Боевой путь Советской Армии; Шипка; Культурные связи СССР с Болгарией; Экономическая помощь СССР Болгарии и др.; проведено 232 киносеанса, на которых присутствовало 250 000 человек. Все мероприятия Дома проводились в тесном контакте с софийским Болгаро-советским обществом дружбы. В Исполнительный комитет Дома наряду с советскими офицерами входили представители руководства СБСОД и софийского БСОД. Работа Дома дружбы повысила интерес болгарской общественности к жизни Советской страны. Об этом свидетельствует значительный рост членов Софийского общества дружбы. За полгода численность его увеличилась с 15 000 до 50 000 человек [7, д. 56, л. 21—23].

В конце 1947 г. Дом советско-болгарской дружбы был передан в дар болгарскому народу. Председатель Союза болгаро-советских обществ дружбы Т. Павлов оценил эту акцию Советского правительства следующим образом: «Этот дар, ценностью в 1 млн. руб., является не только материальным вкладом в дело болгаро-советской дружбы, но и моральной и идейной поддержкой стремлений болгарского народа к установлению крепкой и вечной дружбы с народами СССР. Члены нашего Союза получили крупный культурный центр для борьбы за укрепление дружбы, сотрудничества и мира во всем мире против поджигателей новой войны» [13, с. 399].

После создания Союза болгаро-советских обществ дружбы связи между болгарской и советской общественностью значительно расширились. В 1946 г. ВОКС направил в Болгарию фотоматериалы для 15 передвижных выставок, которые были показаны в 700 городах и селениях. Их посетило 2 млн человек [10, с. 353]. К тому времени СБСОД располагал библиотекой в Софии в 4485 томов советских книг и периодических изданий, имел также собственную издательскую базу. Литература, получаемая от ВОКС, а также переводные книги издательства СБСОД давали богатый материал для лекторской работы в обществах.

СБСОД готовил лекторские кадры для провинциальных обществ дружбы. С этой целью был использован богатый опыт софийского БСОД — создание Народного университета и проведение радиочаса о Советской стране еще в 1945 г. В 1946 г. еженедельно проводился радиочас. В него были включены доклады о внешней политике, экономике и культуре СССР, репортажи с промышленных предприятий и колхозов, выступления советских ученых и писателей. По инициативе СБСОД в 1946 г. в Софии был основан Центральный народный университет, который играл важную роль в культурно-просветительской деятельности Союза. Университет имел свои отделения в Пловдиве, Казанлыке, Сливене, Русе, Варне, Плевене и других городах [14, 14 IX].

В результате всех этих разнообразных форм деятельности Союза обществ движение за дружбу с Советским Союзом постоянно ширилось. К концу 1946 г. в Болгарии насчитывалось 700 обществ дружбы, в которых состояло 300 000 человек [15, с. 135]. Растущее движение за дружбу ставило перед СБСОД ряд новых организационных и культурно-просветительских задач. Их должен был решить Первый конгресс СБСОД, открытие которого намечалось на 24 ноября 1946 г. Незадолго до этого события в стране состоялись референдум за народную республику (8 сентября) и выборы в Великое народное собрание (27 октября), которые показали, что большинство болгарского народа выбрало путь демократии и социализма, поддержало политику БРП(к) и Отечественного фронта, направленную на развитие сотрудничества с Советским Союзом.

17 ноября в связи с предстоящим Первым конгрессом СБСОД была объявлена Неделя болгаро-советской дружбы. В эти дни в театрах и кинотеатрах страны показывались советские пьесы и фильмы. Это был поистине фестиваль советского искусства. С концертами выступали находившиеся в Болгарии артисты Большого и Малого театров Москвы. По инициативе писательской секции Софийского общества дружбы были организованы литературные чтения. В них приняли участие писатели и поэты разных поколений [16, 22 XI]. Гостями болгарской общественности в эти

дни были советский поэт А. Твардовский, акад. Н. Цицин и скульптор В. Мухина. Накануне конгресса в прессе постоянно публиковались материалы о жизни советского народа и о значении советско-болгарского сотрудничества. В центральной печати появились статьи Г. Димитрова, В. Коларова, К. Георгиева, Т. Павлова. Г. Димитров в статье, озаглавленной «Пусть пребудет в веках болгаро-советская дружба», высказал мысль, записанную затем в Программе БКП 1971 г.: «Для болгарского народа дружба с Советским Союзом так же жизненно необходима, как солнце и воздух для всякого живого существа. Да пребудет в веках эта великая, животворная дружба!» [11, с. 315].

Активная деятельность Союза в эти дни способствовала увеличению числа обществ дружбы. Только в Софийской околии было основано 30 таких обществ [16, 17 XI]. Неделя болгаро-советской дружбы завершилась грандиозным митингом в Софии, который состоялся накануне конгресса. На митинге была принята резолюция. В ней говорилось о необходимости превращения Союза болгаро-советских обществ дружбы в массовую организацию, направления ее деятельности на расширение и углубление сотрудничества между Болгарией и СССР.

Первый конгресс СБСОД явился крупным событием в жизни болгарского народа. БРП(к) и правительство Отечественного фронта уделяли ему особое внимание. На открытии конгресса присутствовали Г. Димитров, В. Коларов, члены правительства, зам. председателя СКК генерал-полковник С. С. Бирюзов, представители обществ дружбы СССР с Румынией, Чехословакией, Польшей, Венгрией, Англией и Югославией [10, с. 359]. В своем приветствии конгрессу Г. Димитров сказал: «Подавляющее большинство нашего народа, честных патриотов бесспорно выступают за истинную, последовательную и вечную дружбу с великим русским народом, с могучим Советским Союзом... Но это естественное чувство дружбы само по себе еще недостаточно. Необходима огромная работа, чтобы эта дружба углубилась и укрепилась, стала действенным фактором нашей государственной, национальной и общественной жизни, фактором экономического, общественного и культурного прогресса молодой народной республики. В этом и заключается огромная роль болгаро-советских обществ дружбы» [15, с. 41].

С речью на конгрессе выступил профессор Т. Павлов, избранный затем председателем СБСОД. Присутствующих приветствовали от Национального комитета Отечественного фронта — Ц. Драгойчева, от Славянского комитета — С. Благоева, посланник СССР в Болгарии С. П. Кирсанов и акад. Н. В. Цицин. В первом пункте решения конгресса было записано: «Конгресс благодарит Советский Союз за постоянную помощь в экономическом восстановлении и культурном развитии нашего народа и особенно за решительную и твердую защиту наших справедливых национальных интересов в Париже и Нью-Йорке» [15, с. 138]. В решении выдвигалась задача «в недалеком будущем превратить Союз болгаро-советских обществ дружбы во всенародную массовую организацию» [15, с. 138].

И действительно, этот форум друзей Советского Союза стал важной вехой в превращении массового движения за болгаро-советскую дружбу во всенародное. Еще более благоприятные условия для расширения движения за дружбу с Советским Союзом возникли после подписания мирного договора с Болгарией в Париже 10 февраля 1947 г. Договор гарантировал национальную независимость и государственный суверенитет Болгарии. Болгарские трудящиеся были признательны Советскому Союзу, отстаивающему их национальные интересы на международной арене. Перед зданием Советского представительства состоялся массовый митинг, на котором были провозглашены приветствия от правительства Болгарии, Национального комитета Отечественного фронта и Союза болгаро-советских обществ дружбы [17, 12 II].

В марте 1947 г. на экраны Софии вышел советско-болгарский документальный фильм «Болгария», созданный по сценарию И. Эренбурга. «Правда» высоко оценила этот фильм, назвав его одним из лучших документальных фильмов, созданных после войны советским кино. Г. Димит-

ров писал министру кинематографии СССР И. Г. Большакову: «Фильм сделан с большой любовью к новой Болгарии и с глубоким пониманием прошлого и настоящего Болгарии. Фильм помогает массовому болгарскому зрителю обобщить нелегкий путь, пройденный нашим народом, укрепляет его веру в завтрашний день Отечественнотроцкистской Болгарии» [8, с. 299].

Руководство СБСОД объявило март и апрель 1947 г. «агитационными месяцами» по вовлечению трудящихся Болгарии в болгаро-советские общества дружбы. Особое внимание было уделено увеличению беспартийных членов обществ дружбы, которые составляли к февралю 1947 г. около 30% всего состава. Была поставлена задача привлечь в общества 1 млн 200 тыс. болгарских граждан, голосовавших на выборах в Великое Народное собрание за кандидатов оппозиции [10, с. 361]. Руководство Союза обществ, учитывая русофильские настроения большинства этих людей, полагало, что их участие в деятельности обществ дружбы поможет им встать на сторону Отечественного фронта. Выполняя решения первого конгресса, руководство СБСОД начало вести агитационную работу и среди турецкого меньшинства. Политическое управление при Главном командовании советских войск в Болгарии со своей стороны в 1947 г. приступило к изданию для турецкого населения Болгарии газеты «Достлук», на страницах которой давалась широкая информация о Советском Союзе.

17 апреля 1947 г. состоялась встреча Г. Димитрова, избранного почетным председателем Союза обществ дружбы, с членами Постоянного присутствия СБСОД. «Необходима систематическая пропаганда,— сказал Г. Димитров,— прочные культурные связи, чтобы не осталось ни одного любящего свою родину болгарина — вплоть до последней крестьянской хижины,— который не знал бы правду о могучем Советском Союзе... В этом отношении необходимы усилия не только отдельных комитетов и организаций, отдельных общественных и политических деятелей и деятелей культуры. Нужно всенародное движение. А организация этого всенародного движения у нас ложится на Союз болгаро-советских обществ» [11, с. 369—370].

За первые четыре месяца 1947 г. число членов СБСОД увеличилось более чем вдвое и к 1 мая 1947 г. достигло 705 000 человек, объединенных в 2100 обществ. По партийной принадлежности распределение было следующим: членов БРП(к) — 160 000 человек, БЗНС — 40 000 чел., членов других партий, входящих в Отечественный фронт, — 30 000 чел., беспартийных — 475 000 чел. [7, д. 57, л. 158—159].

1947 г. был годом политической и экономической стабилизации в Болгарии. По всей стране проходило всенародное обсуждение проекта Конституции НРБ, началось выполнение двухлетнего народнохозяйственного плана. Среди рабочих зародилось движение за перевыполнение производственных планов, начался процесс коллективизации сельского хозяйства, были поставлены серьезные задачи перед наукой и искусством. Отсюда повышенный интерес трудящихся к общественной, политической, экономической и культурной жизни в СССР. В этом отношении показательно письмо, направленное в ВОКС 4 августа 1947 г., в котором Совет правления СБСОД просил прислать фотоочерки и подборки по следующим темам: о колхозе-миллионере, об МТС, об овцеводстве, табаководстве, виноградарстве и виноделии в СССР, из жизни колхозника-азербайджанца (для турецкого населения Болгарии), о стахановской молодежной бригаде, о женщине-ученом, о дружбе народов СССР и др. [7, д. 60, л. 123].

14 сентября 1947 г. в Пловдиве состоялся слет представителей болгаро-советских обществ дружбы. На нем выступил председатель Народного собрания В. Коларов. «Советско-болгарская дружба,— сказал он,— развитию которой мы способствуем всеми силами, вселяет в нас веру в мир, демократию и здравый смысл народов... Под знаком нерушимой советско-болгарской дружбы наша молодая народная республика превратилась в фактор мира и труда и горячо приветствует всех, кто искренне способствует торжеству демократии, делу мира и процветания народов всего земного шара» [8, с. 230].

18 марта 1948 г. стало исторической вехой в развитии советско-болгарской дружбы. В этот день в Москве между СССР и НРБ был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заложившей международно-правовую основу для взаимоотношений обоих государств и народов. Г. Димитров назвал договор о дружбе «крупным историческим событием». «Этот договор,— сказал он,— равноправный договор, основанный на принципах: верность — за верность, дружба — за дружбу» [11, с. 515—516]. Договор был встречен в Болгарии и Советском Союзе с большим энтузиазмом. По всей Болгарии прошли многочисленные митинги и собрания, выразившие чувства признательности болгарского народа к советскому народу. 24 марта в связи с возвращением из Москвы болгарской делегации, возглавляемой Г. Димитровым, состоялся в Софии грандиозный митинг и демонстрация, в которых приняли участие 300 000 человек [13, с. 416].

В последующие годы Союз болгаро-советских обществ дружбы быстро набирал силу. В 1956 г. число его членов достигло 1 млн человек, и он наряду с Отечественным фронтом стал самой большой общественно-политической организацией в Болгарии. Л. И. Брежнев в приветствии Всенародному комитету болгаро-советской дружбы в связи с его 25-летием писал: «Отрадно сознавать, что движение, у истоков которого стоял замечательный патриот и интернационалист Георгий Димитров, сегодня приобрело подлинно всенародный размах, органически впитало в себя лучшие традиции исторических связей между нашими народами, заняло достойное место в общественно-политической жизни социалистической Болгарии» [18, 12 II].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Живков Г.* Избранные статьи и речи 1965—1975. М., 1975, с. 524.
2. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания. Т. 7. М., 1979, с. 369.
3. *Чичовска В.* Документи за организираното движение за българо-съветска дружба (1934—1941).— Известия на държавните архиви, № 24. София, 1974.
4. *Станева Н.* Българо-съветското дружество в София (1934—1939).— Исторически преглед, 1971, № 6.
5. *Летопис на дружбата.* Т. I. София, 1969, с. 20.
6. *Установяване и укрепване на народнодемократичната власт (септември 1944—май 1945).* Сб. документи. София, 1969, с. 133.
7. ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17.
8. *Советско-болгарские отношения и связи.* Документы и материалы. Т. II. М., 1981.
9. *Проекто-Устав на българо-съветското дружество в София.* София, 1945, с. 3.
10. *Чичовска В.* Ролята на българо-съветските дружества за укрепване на дружбата между България и Съветский Съюз (1946—1948).— В кн.: Октомврийската революция и българо-съветската дружба. София, 1967.
11. *Димитров Г.* Избранные произведения. Т. 2 (1941—1949). М., 1957.
12. *Ганчовский Н.* Георгий Димитров. Каким я его видел и запомнил. Т. 1. М., 1979.
13. *Советско-болгарские отношения 1944—1948 гг.* Документы и материалы. М., 1959.
14. *Българо-съветско единство, 1946.*
15. *Пет години съюз на българо-съветските дружества.* Юбилеен сборник. София, 1951.
16. *Дружба, 1946.*
17. *Дружба, 1947.*
18. *Правда, 1982.*

ГУДАКОВ В. В.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ЮГОСЛАВИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-Х — НАЧАЛЕ 40-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Приход Гитлера к власти в Германии в 1933 г. ознаменовал начало усиленной подготовки германского империализма к новой войне, целью которой было завоевание мирового господства. Одним из первых шагов в рамках этой подготовки был перевод всей экономики страны на военные рельсы. Однако за счет собственных ресурсов стратегического сырья Германия могла удовлетворить лишь сравнительно незначительную часть потребностей военной промышленности. Так, в стране почти отсутствовала добыча таких редких металлов и минералов, как ванадий, вольфрам, платина, молибден, ртуть, сурьма, слюда и другие, имеющих огромное значение для военного производства. Из трех десятков видов стратегических материалов Германия обладала в нужных для ее агрессивных планов объемах только семью [1, с. 37]. Ощущалась и большая нехватка сельскохозяйственной продукции, поскольку собственное производство покрывало спрос населения по важнейшим видам продуктов питания лишь на 50—70% [1, с. 38].

В связи с этим жадные взоры германских монополий и фашистской верхушки обратились к тем ближайшим соседям Германии, сырьевые и продовольственные ресурсы которых могли быть поставлены на службу агрессивных замыслов гитлеровского «рейха». К числу таких стран, богатых запасами стратегического сырья и имевших благоприятные условия для производства разнообразной сельскохозяйственной продукции, принадлежала Югославия.

До середины 30-х годов Германия располагала весьма незначительными позициями в югославской экономике, в которой безраздельно господствовал иностранный (французский, английский, чехословацкий, швейцарский и др.) капитал. Незначительным был и объем югославо-германской торговли. Убийство короля Александра в Марселе (1934) и приход к власти профашистского правительства М. Стоядиновича (1935) ознаменовали поворот во внешней политике Югославии от традиционной ориентации на Францию к сближению с Германией и Италией, что открывало также благоприятные возможности для экономической экспансии фашистской Германии в Югославию.

За вторую половину 30-х годов доля Германии в капиталовложениях в югославскую экономику и особенно во внешней торговле страны резко возросла. Так, по инвестициям она вышла на третье место (после Франции и Англии), а во внешнеторговом обороте заняла прочное первое место [2, с. 67—68, 78, 129]. Причиной такого резкого скачка был захват германскими монополиями австрийских активов (после «аншлюса» Австрии) и значительной части акций чехословацких (1939) и французских (1940) монополий.

В своей экономической политике по отношению к странам Юго-Восточной Европы фашистская Германия преследовала следующие цели:

1. Достижение «сырьевой свободы» путем вовлечения государств Юго-Востока Европы в свою экономическую систему.
2. Обеспечение продуктами питания населения Германии за счет ресурсов других стран.
3. Введение клиринговой системы для преодоления нехватки валюты.
4. Подчинение экономических связей со странами Юго-Востока Европы задачам германской военно-экономической политики [3, С. 98—99].

Разработанная для экономических отношений со странами Юго-Восточной Европы система вела к ограблению вовлекаемых в нее малых государств, превращению их в аграрно-сырьевые придатки германской военной экономики, следствием чего было усиление их политической зависимости от гитлеровского «рейха» и вовлечение в орбиту войны, резкое ухудшение положения широких народных масс. Все это в полной мере испытала на себе Югославия накануне второй мировой войны.

Огромное значение для экономики Германии имела прежде всего горно-рудная промышленность Югославии, занимавшая первое место в Европе по добыче медной, хромовой и сурьмянистой руд и одно из первых мест по добыче свинцово-цинковых и молибденовой руд. Так, например, добытые в 1939 г. в Борских рудниках северо-восточной Сербии медные руды содержали 43 тыс. т сырой меди [4, с. 10].

Общая картина вывоза в Германию стратегического сырья из Югославии в первой половине 1939 г. дана в табл. 1, составленной на основе [5, с. 432].

Таблица 1

Вид сырья	Вывоз в Германию в т	% всего югославского производства	% всего вывоза
Сырая медь	3 163	13,7	14,70
Концентрат свинца	6 899	14,2	14,90
Цинковая руда	527	0,12	44,70
Концентрат цинка	46	0,13	0,15
Сырой цинк	75	33,40	72,40
Цинковые плиты	15	2,20	7,70
Железная руда	8 811	2,68	4,00
Пирият	7 621	10,60	19,70
Бокситы	145 846	86,20	94,42
Хромовая руда	3 863	21,00	32,40
Сурьма	61	5,6	16,00

То, что Югославия экспортировала не чистые металлы, а руду и концентрат, свидетельствовало о крайне низком уровне ее промышленного развития. Именно таким аграрно-сырьевым придатком к своей военной экономике и хотели ее иметь германские монополии.

Как известно, Германия практически не имела собственной нефти — этого важнейшего стратегического сырья. Поэтому она была крайне заинтересована не только в покупке добываемой в соседних странах нефти, но и во всемерном увеличении ее добычи. Между тем, до 1939 г. в силу целого ряда причин Германия была лишена возможности эксплуатировать югославские нефтяные месторождения, хотя именно немецкие специалисты, занимавшиеся разведкой нефти на ее территории, установили наличие ряда перспективных месторождений нефти в Воеводине, Славонии, Мезжумурье и некоторых других местах. Все дело было в том, что между американской «Стандард ойл компани» (в свое время получившей концессии на обширные территории нефтяных месторождений в Югославии и умышленно не разрабатывавшей их) и «ИГ Фарбениндустри» (обладавшей патентом на изготовление синтетического бензина) в 1929 г. был заключен договор, согласно которому германским монополиям, в частности, запрещалась эксплуатация югославских нефтяных месторождений. И толь-

ко накануне войны по настоянию генштаба германские монополии стали изыскивать способы получения нефти из Югославии. Начался второй этап в разведке югославских нефтяных месторождений. Группа немецких компаний, такие как «Геверкшафт Эльверат», «Пройсише Берг унд Хюттен АГ», «Дойче Эрдёлгезельшафт» и «Винтершалль АГ» создали фирму «Югопетрол», которая возглавила изыскательные работы и затем приобрела концессии «Прекомурской нефтяной компании», фирм «Теслич», «Панония» и «Уляник». Она разрабатывала новые месторождения, получая на них концессии, а также купила уже действовавшие нефтепромыслы, например, «Свети Георг» в Меджумурье [6, S. 44—45].

Во второй половине 1930-х годов бурными темпами шло проникновение германского капитала в различные отрасли экономики Югославии. Если до 1938 г. германские инвестиции составляли только 0,88% всех иностранных капиталовложений в Югославии, то к началу второй мировой войны Германия выдвинулась вслед за Францией и Англией на третье место [7, с. 441]. Так, в 1937 г. германские активы в Югославии составляли лишь 54 млн динаров, а после захвата германскими монополиями австрийского, судетонемецкого (250—300 млн динаров) и чешского капитала и в результате новых инвестиций они возросли до 1161 млн динаров, что составило свыше 15% общей суммы иностранных кредитов и капиталов в Югославии [3, S. 95].

При рассмотрении общей суммы иностранных капиталовложений в Югославии с 1935 по 1940 гг. можно заметить, что в целом она увеличилась весьма незначительно, однако структура инвестиций существенно изменилась. Доля французского капитала уменьшилась, доля же немецкого, английского и швейцарского значительно возросла; причем, если капиталовложения Англии увеличились в 2 раза (на 350 млн динаров), то германские инвестиции возросли в 3 раза (на 400 млн динаров). Участие иностранного капитала в экономике Югославии в 1940 г. показано в табл. 2 [6, S. 156].

Таблица 2

Страны	% участия в общей сумме иностранного капитала
Швейцария	12,4
Франция	17,5
Германия—Австрия	15,3
Англия	19,4
США	10,0
Прочие страны	26,4

Германский капитал играл ведущую роль в банковском деле. Его доля составляла чуть меньше $\frac{1}{3}$ всего иностранного капитала, вложенного в югославские банки. Самые сильные позиции в 1940 г. он имел в «Югославском банковском обществе», где его доля достигала 91,8% всего иностранного капитала, вложенного в этот банк и составлявшего сумму в 100 млн динаров. Оборот этого банка превышал 6,1 млрд динаров [6, S. 20].

Яркая картина участия германского капитала в банках Югославии в сравнении с капиталом других стран представлена в табл. 3 [6, S. 27].

Как видно из этой таблицы, в 1940 г. участие большинства европейских стран в банковском деле Югославии в сравнении с 1935 г. уменьшилось, за исключением трех: Венгрии, Италии и Германии, причем германский капитал увеличился более чем вдвое.

Германский капитал первенствовал также и в области страхования. Он составлял 33% от всего иностранного капитала. За ним шли Италия (30,1%), Франция (15,3%) и Англия (9,7%), причем в этой области позиции Германии постоянно усиливались, в основном за счет английских конкурентов [6, S. 28—29].

В металлообработке и машиностроении германский капитал занимал первое место (35,3%) среди иностранного капитала других стран [6, S. 72],

Происхождение капитала	В миллионах динаров	
	1935	1940
Швейцария	23,2	15,7
Франция	45,3	35,2
Чехословакия	76,2	68,0
Германия—Австрия	46,3	98,3
Англия	9,7	2,3
Венгрия	16,7	40,4
Бельгия	18,8	2,3
Голландия	4,3	3,8
Италия	18,9	22,2

в торговле он значительно опередил всех своих соперников. Его доля составила 38,8%. За ним шли американский капитал (18,5%) и чехословацкий (16,1%) [6, S. 150]. Явно преобладал он в деревообрабатывающей и бумажной промышленности (20,2%), далеко опережая английский, составивший лишь 6,7% [6, S. 116].

В текстильной промышленности на германский капитал (его доля акций составляла 113,4 млн дин.) приходилось $\frac{1}{3}$ (33,5%) всего иностранного капитала. Он присутствовал на 20 фабриках из 88, в которых принимал участие иностранный капитал. Его доля была почти столь же велика, как и доля швейцарского, английского и американского вместе взятых, которые имели в 10 предприятиях акций на общую сумму в 128,5 млн динаров [6, S. 89].

Большую роль играл капитал Германии в химической промышленности Югославии. Он составлял 15,2% всего иностранного капитала [6, S. 96]. Здесь первенствовал концерн «ИГ Фарбениндустри». Оборот одиннадцати предприятий этого концерна был 638 млн динаров [6, S. 102].

В горном деле участие германского капитала составляло 14,5%, вслед за Англией (44,7%) и Францией (23,7%) [6, S. 52]. Он был представлен в 20 горно-металлургических предприятиях, причем стремился охватить всю металлургическую промышленность Югославии. Германским монополиям принадлежали металлургические заводы Шторе (40 млн динаров) и Гуштань (где из общего капитала в 12 млн динаров немцы контролировали 10,8 млн). Позиции немцев были сильны в промышленном объединении в Есенице (15,3 млн динаров), хотя формально это предприятие считалось югославским, так как один из членов владевшего им немецкого семейства принял югославское подданство. Сталелитейный завод «Югочелик» в Зенице полностью зависел от фирмы Круппа, предоставившей ему большие кредиты. Сильны были позиции германского капитала на заводе в Трбовлье (23,4 млн динаров); они усилились особенно в 1940 г., когда германские монополисты овладели французскими акциями. В предвоенные годы была основана фирма «Югомонтангезельшафт» для эксплуатации молибденовых месторождений с капиталом 15 млн динаров [6, S. 54].

В пищевой промышленности Германия шла на четвертом месте (14,1%), вслед за Чехословакией (35,8%), Венгрией (22,1%) и Швейцарией (15,3%) [6, S. 105].

В нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности германский капитал составлял всего 7%, идя вслед за США (51,7%) и Англией (31,0%) [6, S. 46]. О причинах отставания Германии в этой отрасли говорилось выше.

Проникновению германского капитала в экономику Югославии способствовали представители самого югославского капитала, которые часто выступали в качестве партнеров, посредников, советников немецких фирм. Так, например, известный экономист Велимир Байкич был личным советником Нойхаузена, директора германского туристического бюро в Белграде, который фактически возглавлял экономическую экспансию в эту страну, и позже, во время оккупации, стал генеральным уполномоченным «рейха» по вопросам экономики в Сербии.

Растущая зависимость Югославии от иностранного капитала, и от германского в частности, препятствовала развитию производительных сил, ослабляла обороноспособность страны. Например, концерн «ИГ Фарбениндустри» открыл на территории королевства Югославии лишь пункты по продаже своих изделий, в то время как важные для химической промышленности предприятия строились им в Германии. Поэтому югославские заводы по производству взрывчатых веществ (предприятия в Обиличеве и Камшике) должны были ежегодно ввозить из Германии тысячи тонн аммония и натриевой селитры.

Проникновение Германии в югославскую экономику проходило в острой конкурентной борьбе с империалистическими соперниками, главным из которых была Англия. Речь шла не просто о размерах капиталовложений, но о том, кто будет экономически и политически господствовать в Югославии.

Укрепление позиций германского империализма на Балканах оказало в период «странной войны» немалое влияние на то, что экономическая блокада «третьего рейха» со стороны Англии и Франции была малоэффективной.

После разгрома Франции в июне 1940 г. Германия значительно усилила свой военно-экономический потенциал за ее счет. Немалую роль в этом усилении сыграла и конфискация французской собственности в странах Балканского полуострова, в том числе и в Югославии. Так, например, в справке имперского министерства экономики, подготовленной в октябре 1940 г., прямо говорилось о желательности такой конфискации, так как она не только дает право на присвоение капитала, но еще и обеспечивает экономическое влияние. При этом Германия имела в виду, что страны Юго-Восточной Европы задолжали Франции большие суммы. Только государственный долг Югославии составлял 1 млрд рейхсмарок, частный же сектор югославской экономики задолжал Франции около 40 млн марок [8, с. 149—151].

После оккупации Франции в руки немцев попали предприятия фирмы «Мин де Бор», владевшей медными рудниками в Югославии, так как немцы захватили принадлежавший французским владельцам контрольный пакет акций фирмы [9, с. 232], при этом они заняли в ней все руководящие посты, как это следует из протокольной заметки о совещании в имперском министерстве экономики от 16 августа 1940 г. [8, с. 120]. Представители немецких монополий фактически руководили горнорудными предприятиями, принадлежавшими фирме «Боксит трест АГ» (Цюрих) [8, с. 140].

Макс Ильгнер, директор «ИГ Фарбениндустри», в своем докладе 12 сентября 1940 г. нарисовал широкую картину германского проникновения в Юго-Восточную Европу, причем увеличение добычи сырья и расширение сельскохозяйственного производства рассматривалось им только с точки зрения удовлетворения германских потребностей. Сами же страны Юго-Восточной Европы воспринимались лишь как рынок сбыта германских товаров [8, с. 126—134].

Экономическому закабалению Югославии способствовала вся система экономических взаимоотношений, навязанная ей фашистской Германией рядом договоров и соглашений. 5 июля 1939 г. в Белграде был подписан секретный протокол между Германией и Югославией, в котором было зафиксировано, что Югославия в обмен на предоставление ей кредита на приобретение вооружения гарантирует Германии концессии на добычу сырья, в частности, нефти [10, v. VI, doc. № 573, p. 298; doc. № 620, p. 861—862]. Из 200 млн рейхсмарок кредита 80 млн должны были пойти на авиационное вооружение и 120 млн на другие виды [10, v. VII, doc. № 102, p. 110].

Согласно этому протоколу Германия получала из Югославии медь (из Борских рудников), свинец, цинк и другие металлы. Со своей стороны Германия обязалась поставить 100 самолетов типа «Мессершмидт», 130 зенитных орудий «Шкода» и 250 противотанковых пушек. В то время, как сырье регулярно вывозилось в «рейх», поставки оружия Югославии сильно задерживались [11, S. 62].

В сентябре 1939 г. переговоры между югославским и германским правительствами относительно поставок оружия в обмен на югославское сырье были продолжены. Речь шла на этот раз о поставках вооружения на сумму 34 млн рейхсмарок. Югославы обещали поставлять сырье на 4 млн марок ежемесячно и оплатить таким образом вооружение в течение 8 месяцев. Это соглашение с небольшими позднее внесенными изменениями (вместо 250—100 противотанковых пушек «Шкода») было подписано 5 октября 1939 г. в Белграде в форме секретного протокола. Оно давало Германии преимущество перед ее противниками, так как Югославия вынуждена была реквизировать добычу французского медного рудника и английских свинцового и цинкового, чтобы иметь возможность поставить это сырье Германии [10, v. VIII, doc. № 117, p. 116].

12 мая 1940 г. был подписан секретный протокол в дополнение к протоколу от 5 октября 1939 г. Как сообщал в своем донесении в Берлин посол Германии в Белграде фон Херен, поставки металла и руды в Германию по условиям соглашения гарантированы и будут увеличены в такой степени, чтобы погасить имевшуюся с югославской стороны задолженность. В мае должно было быть поставлено 4500 т меди [10, v. IX, doc. № 237, p. 330].

С лета 1940 г. фашистская Германия начала ежемесячно получать из Югославии по 2,5 тыс. т сырой меди, которая раньше вывозилась во Францию. Поставки же свинца и свинцовых концентратов из Югославии в «третий рейх» увеличились в 12 раз в сравнении с 1938 г. [12, с. 282].

В октябре 1940 г. был подписан дополнительный протокол к германо-югославскому торговому договору, окончательно закрепивший превращение Югославии в источник сырья и сельскохозяйственных продуктов для Германии. В связи с этим Югославия переживала в конце года значительные экономические затруднения. Приспособление югославского хозяйства к экономике «рейха» шло прежде всего за счет народа этой страны. Вывоз продуктов питания в Германию не прекращался даже тогда, когда стал совершенно очевидным их недостаток в стране. Правительство Цветковича—Мачека стало активно пропагандировать экономию продуктов питания. В течение 1940 г. был издан ряд указов об этом. В связи с быстрым ростом цен в стране правительство вынуждено было предписать максимальную цену на хлеб и муку. Однако контроль цен несколько не сдерживал спекуляцию. 24 августа 1940 г. правительство издало закон о принудительной закупке зерна по «твердым ценам», что привело к резкому сокращению посевов озимой пшеницы. В конце 1940 г. было создано специальное министерство продуктов питания, а по всей стране — комитеты, в компетенцию которых входило решение вопросов, связанных с ограниченным распределением продуктов. В начале 1941 г. правительство Цветковича—Мачека было вынуждено ввести ограниченное распределение продуктов питания. Все это вызывало рост стоимости жизни. По официальным данным с конца 1939 г. до конца 1940 г. расходы на одежду и обувь выросли на 77,72%, отопление и освещение — на 32,89% и т. п. Увеличение поставок Германии ухудшало и без того тяжелое положение народов Югославии, что вызывало, естественно, рост недовольства в стране [11].

В резолюции V конференции Коммунистической партии Югославии (октябрь 1940 г.) говорилось: «...Из Югославии вывозятся в тоталитарные страны „оси“ не только излишки, но и то, что существенно необходимо для пропитания народа. Тяжкий военный груз империалистические завоеватели из Берлина и Рима перекладывают на плечи трудового народа Югославии. Вследствие этого Югославия в течение года стала по дороговизне третьим государством в мире...» [11, с. 22—28].

По крайней мере до осени 1940 г. гитлеровцы хотели установить свое господство в Югославии (а также и в других балканских странах) «мирным путем», т. е. заставить работать на себя экономику страны, выкачивать из нее сырье и проводить политику, выгодную Германии с помощью югославского правительства.

С осени 1940 г. германская дипломатия усиливает нажим на югослав-

ское правительство, с тем, чтобы оно подписало Тройственный пакт. Этим актом Югославия оказалась бы окончательно привязанной к военной машине германского фашизма, лишилась не только экономической, но и политической независимости, превратилась в соучастника чудовищных преступлений фашистских агрессоров.

Югославские правители не могли да и не хотели решительно противостоять все более глубокому давлению гитлеровской дипломатии. После известного периода колебаний и лавирования правительство Цветковича—Мачека с благословения принца-регента Павла Караджорджевича 25 марта 1941 г. в Вене подписало протокол о присоединении Югославии к пресловутой фашистской «оси». Народные массы Югославии, справедливо расценив этот акт как национальную измену, вышли на улицы. Известные события 27 марта 1941 г. в Югославии резко изменили ход событий. Для фашистской Германии закончился «мирный период» захвата Югославии. 6 апреля 1941 г. гитлеровские механизированные полчища, поддерживаемые войсками ряда союзников Германии, вторглись в Югославию, дабы железом и кровью установить в ней человеконенавистнический «новый порядок».

ЛИТЕРАТУРА

1. Загорюлько М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург». М., 1980.
2. Балканские страны. М., 1946.
3. Wueschi J. Jugoslawien und das dritte Reich. Stuttgart, 1969.
4. Телегин Ф. Н. Использование фашистской Германией экономического потенциала балканских стран во второй мировой войне.— В сб. Из истории балканских стран. Краснодар, 1975.
5. Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata, knj. I, br. 131. Beograd, 1969.
6. Dimitrijevič S. Das ausländische Kapital in Jugoslawien vor dem zweiten Weltkrieg. Berlin, 1963.
7. Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М., 1963.
8. Анатомия агрессии. М., 1975.
9. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками в 7 т. Т. 4. М., 1959, с. 232.
10. Documents on German Foreign Policy, 1918—1945, ser. D. London, 1956.
11. Čulinović F. 27 Mart. Zagreb, 1965.
12. История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 3. М., 1974, с. 282.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СЛАВЯН И ИМПЕРИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО (СОЮЗ И ВАССАЛИТЕТ)

Исследование правовых форм международных отношений в раннем средневековье всегда было «притягательной задачей для историка» [1, S. 122]. Именно для историка — ибо только сопряжение юридической терминологии латинских памятников с социально-политической реальностью тех «темных веков» позволяет проникнуть в правосознание и повседневную практику взаимного общения народов — современников Карла Великого. Между тем, изучение средневековых институтов международного права широко развернулось лишь в последние 30 лет. Еще в 1976 г. было с полным основанием замечено, что о формах внешнеполитических связей даже такого фаворита медиевистики, как империя Каролингов, «нет сколько-нибудь удовлетворительных знаний. Этот пробел обнаруживается, как всегда, наиболее явно там, где речь идет о восточных соседях» франков [2, S. 145—146, Anm. 168].

Правда, благодаря трудам Г. Миттайса [3—4], Ф.-Л. Гансхофа [5—7], Б. Парадизи [8], И. Шайдинг-Вулькопф [9], В. Фритце [10], М. Вилерс [11], Р. Шнайдера [11], Х. Найфайнда [12] и др., мы теперь лучше представляем себе, чем были в международной жизни каролингского времени вассалитет, «дружба», союз, податная зависимость. Десятки работ насчитывает и новейшая историография франко-славянских отношений. Однако дать по возможности адекватную характеристику форм этих отношений, органически включить их в общую систему институтов международного права раннего средневековья — это по-прежнему «притягательная задача для историка».

Из-за недостатка данных и несоответствия античных или новоевропейских правовых понятий условиям VI—IX вв. необходим сквозной терминологический анализ важнейших нарративных памятников раннесредневекового Запада. На основе такого анализа мы предприняли попытку развернутого теоретического описания двух договорно-правовых структур — союза и вассалитета — как наиболее характерных для каролингского этапа славяно-германских контактов и в то же время наименее изученных в литературе. Не имея здесь возможности проследить конкретно-историческое развитие форм взаимоотношений империи с ее восточными соседями, мы сосредоточили внимание на синхроническом аспекте исследования этих форм в их законченном, классическом виде.

О трудностях проникновения в систему средневековых понятий написано немало [13]. Все эти трудности приходится в полной мере учитывать и в предлагаемой нами работе: билингвизм эпохи, несоответствие между традиционной латинской лексикой и быстро меняющейся социокультурной реальностью [14, 15, S. 56, 58], влияние античных заимствований и реминисценций (особенно сильное в литературе Каролингского Возрожде-

ния) [14, S. 317—322; 16, S. 258, 282], стилистический произвол и тенденциозность отдельных писателей. Эпоха словно не испытывала потребности в ясном и однозначном терминологическом выражении того или иного понятия. Отсюда — всеобщая полисемия терминов. При изучении же таких юридически труднодостижимых и всецело обусловленных сиюминутной ситуацией связей, как связи франков и славян — партнеров, весьма различных и этнически, и конфессионально, и социально, — все эти сложности увеличиваются во много раз. Тем важнее обратиться к реальному содержанию высказываний источников, к самим фактам.

Возникновение в 780—790-е годы франко-славянских союзов и последующая их трансформация в отношении вассалитета — это прежде всего продукт внутреннего развития раннефеодальной Франкской державы и славянских политических объединений догосударственного типа. Союз был по своей социальной сущности результатом временного совпадения интересов каролингской бенефициальной знати, с одной стороны, и феодализирующейся племенной верхушки славянских княжеств, с другой. В соглашение со славянами (сорбами?) против саксов вступил в 748 г. еще Пипин Короткий [17, сар. 31; 18, а. 748]. Но только при его сыне стратегическая ситуация и военно-политическая конъюнктура (покорение Саксонии и походы на аваров) породили целую систему франко-славянских союзов (с ободритами на севере, словенцами и, вероятно, посавскими хорватами на юге). Тем самым территориальная экспансия партнеров была направлена в общее русло борьбы с единым противником.

Славянская политика Карла долгие годы изучалась лишь с точки зрения создания ею предпосылок и условий для будущего «натиска на восток» германских феодалов, что нередко приводило к априорному обособлению славяно-германских отношений VIII—IX вв. как предмета исследования, к преувеличению их специфики. Рассмотрение форм этих отношений с учетом всего комплекса международного права каролингского времени помогло бы окончательно освободить их историю от тяготеющего над ней великого проклятия фатализма.

Союз. Союзы — первичная и элементарная форма взаимоотношений, сочетающая в себе изначальное фактическое равноправие сторон с элементами неравенства. В складывающейся к концу VIII в. системе франко-славянских связей, более прочных, более тесных и регулярных, чем прежде, понятие союза — ключевое. Правда, исторически период союзов длился недолго: 20—25 лет. Однако историологически именно в нем заключено, на наш взгляд, качественное своеобразие и именно здесь лежит центр тяжести всей той эпохи в отношениях Франкского государства со славянским Востоком, которая заслуженно связывается с именем Карла Великого.

Классической моделью союза в литературе признаны франко-ободритские взаимоотношения [19, S. 89—102; 2, S. 154—171]. Каролингские авторы описывают их в терминах *foedus* [20, а. 789, 798], *societas* [21, а. 798], *auxilium* [22, а. 795], самих ободритов называют *foederati* [21, а. 789; 23, сар. 12], *auxiliares* [21, а. 798], *Sclavi nostri* [24, а. 798]. Иногда в общем перечне народов, выступивших вместе с Карлом в поход, союзники выделены конструкцией «*Fuerunt etiam cum eo...*» [25, а. 789] или просто предложением *cum*¹ или союзом *atque*². Эти и другие способы выражения союзнических связей (*se coniungere* [24, а. 792; 25, а. 808; 26, а. 856; 27. IV, 2]; *ducere in adiutorium, secum habere* [18, а. 743] используются в источниках отнюдь не только для характеристики франко-славянских отношений, что открывает широкие возможности для суждений по аналогии и терминологического исследования.

Из приведенной выше разнообразной лексики, обозначающей понятие союза между политическими объединениями раннего средневековья, только *foedus* и *societas* могут претендовать на роль технических терминов, т. е. имеют более или менее строго фиксированное содержание. Однако

¹ «*Franci ac Bagoarii cum Quarantanis*» [28. сар. 3].

² «*Exercitus Francorum et Saxonum atque Sclavorum*» [29, а. 790].

семантический анализ этих условно выделяемых нами терминов показывает, как наивно было бы ожидать жесткости и определенности юридических представлений, точности и последовательности в выборе писателями тех или иных латинских клише в эпоху, которая, по справедливому замечанию Х. Фихтенау, «вовсе не требовала различения понятий» [30]. Самое общее значение *foedus* — любое вообще соглашение, равноправное или неравноправное, в том числе договор о вассалитете. *Societas* — любая общность (союз, вассальная связь, территориально-политическое объединение, соправительство и т. д.)³. Оба термина выступают как своего рода «базовые», как логические носители всякого более конкретного правоотношения: союз, мир, «дружба», военная капитуляция и т. п. (*foedus pacis* [25, а. 826; 31, сар. 42; 32, а. 866]; *foedus amicale* [32, а. 863], *amicitiarum societas* [31, сар. 23]; *foedera deditiois* [20, а. 794]. Ср. также гендиадические клише: *pax ac foedus* [25, а. 826], *amicitia et societas* [23, сар. 16; 31, сар. 27 и др.). Можно лишь констатировать, что в ряде случаев — как видно из контекста — термины *foedus*, *societas* и производные от них *непосредственно* указывают на союз⁴, а потому синонимичны⁵. То, что речь при этом идет именно о союзе, подтверждается и позднейшей средневековой традицией: выражение Эйнхарда «Abodriti... cum Francis olim foederati erant» переведено в «Сен-Денийских хрониках» XIII в. как «s'estoient alié lonc tens devant» [23, сар. 12; 33, р. 229].

Для более детальной позитивной характеристики интересующей нас формы отношений семантический анализ терминов, как мы видим, почти ничего не дает. Показательно, правда, что для описания союзов каролингские авторы прибегают к таким многозначным, неопределенным и слишком общим терминам, как *foedus*, *societas*, *se coniungere* и др. Это может в какой-то мере свидетельствовать о нечеткости правовой природы самих союзов, о сочетании в ней элементов равенства и неравенства и о большом разнообразии конкретных форм. Однако дальнейшие поиски необходимо вести уже в области реального содержания высказываний источников.

Первая и наиболее заметная в памятниках VI—IX вв. черта союзов — их функциональный характер. Сфера международно-правового регулирования в раннем средневековье весьма ограничена: мир и война. Поэтому союз — это прежде всего выросшее из актуальной потребности военное соглашение против третьей стороны, возможно, даже без формальной фиксации в письменном договоре⁶. Ключевое понятие здесь — *necessitas* [ср.: 27, кн. III, гл. 3]. Союз почти всегда предполагал совместные военные действия (*Offensivallianz* [1, S. 27]). Отправ в 817 г. от франков, князь ободритов Славомир «завязал дружбу»⁷ с правителями Дании «и добился, чтобы в трансальбинскую Саксонию было послано войско». «Старинная вражда, которую они обычно питали к ободритам», побудила вильцев в 808 г. «добровольно» (*spronte*) участвовать в антиободритском походе датского короля Геттрика [25, а. 808]. Даже там, где источники не говорят прямо, против кого направлен союз, это всегда нетрудно вывести из контекста.

С первой чертой союзов связана и вторая: *обоюдность обязательств*. Взаимная военная помощь (*auxilium*, *solatium*, *subsidium*, *adiutorium*) составляет, по существу, единственное позитивное содержание договора. «Давайте заключим союз,— просит в 587 г. король вестготов Реккаред франкских королей Гунтрама и Хильдеберта II,— дабы, получив вашу помощь, мы, когда потребует необходимость, таким же образом поддержали (вас)» [35, кн. IX, гл. 1]. В 743 г. герцоги Гунальд Аквитанский и

³ О полисемии терминов *foedus* и *societas* см. также [12, S. 46—53].

⁴ Некоторые примеры: *foedus* Тассило III и аваров против франков [23, сар. 11], *foedus* и *societas* франков и ободритов против вильцев и саксов [21, а. 789, 798], *societas* ободритов и датчан против франков [25, а. 821], *foedus* Карломана Баварского и Ростислава Моравского против Людовика Немецкого [32, а. 861].

⁵ Например, слова «Так называемых анналов Эйнхарда» об ободритах «in societatem recepti» [21, а. 798] переданы у Саксонского Поэта как «foedere iuncti» [20, а. 798].

⁶ Ср., впрочем, пакт Лотаря I с Венецией против славян [34].

⁷ Здесь понятие союза выражено античным (из Юстина) клише «amicitias iunxit» [25, а. 817].

Одидо Баварский вступили в соглашение, «чтобы каждый из них в случае вторжения франков оказал другому поддержку» [18, а. 743]. Таковы условия большинства foedera в памятниках.

Взаимность обязательств предполагает *изначальное фактическое равенство сторон*. Здесь, однако, приходится учитывать крайнюю тенденциозность каролингских анналов, способных, как известно, поражение превратить в победу. Наиболее объективное изображение союза как отношений равенства анналисты дают, конечно же, там, где сама империя не выступает как участник. При упоминании же соглашений, заключенных Каролингами, они подчеркивают скорее оттенок неравенства, франкской гегемонии. «Ведь ободриты всегда помогали франкам, за что и были ими приняты в союз (in societatem)» [21, а. 798]. Но независимо от фразеологии источников, приводимые в них факты позволяют до некоторой степени судить о соотношении равенства и неравенства в международных связях Франкского государства. Пока породившая союз конъюнктура остается в силе, каждый из партнеров имеет одинаковое право на помощь. Так, причиной совместного с ободритами похода 789 г. на вильцев Эйнхард называет «то, что вильцы донимали ободритов, давних союзников франков, непрерывными набегами» [23, сар. 12]. Разумеется, в 789 г. Карл преследовал прежде всего собственные интересы — обеспечить стабильность и мир на новой восточной границе его державы. Характерно, однако, что анналы [21, а. 789], а за ними Эйнхард выделяют здесь именно мотив верности союзническому долгу. Этот же мотив развит и в позднейшей традиции: «Королю казалось, — поясняют „Сен-Денийские хроники“, — что он должен помочь им (ободритам. — Р. В.) против их врагов» [33, р. 229]. У итальянского историка-гуманиста Донато Аччайуоли (1401) мы находим даже вымышленное посольство ободритов 789 г. к Карлу с просьбой о помощи «по праву союза» (pro iure societatis) [36, col. 824].

Фактическое равенство проявляется в нескольких особенностях положения партнеров:

1. Совместную военную экспедицию может возглавить предводитель как с той, так и с другой стороны. Обычно ведущую роль в походе играл сильнейший из союзников: Карл Великий в 789 г., король Геттрик в походе датчан и вильцев 808 г., Карл Мартелл, выступивший в 732 г. вместе с аквитанцами против арабов, и т. д. В этих случаях другой участник союза действует, по-видимому, тактически самостоятельно (разбивает отдельный лагерь, как «бесчисленные славяне» в походе против чехов [18, а. 805] и т. п.)⁸. В военных действиях меньшего масштаба, особенно на отдаленной окраине Франкской державы смешанное войско могли возглавить, например, славянские князья. В 795 г. маркграф Фриульский «послал своих людей» на аваров «со славянином Войномиром» [25, а. 796]. Победу над трансальбинскими саксами в 798 г. одержали войска ободритов и франков под руководством князя Траско. Легат же Карла Эбурис «командовал в войске ободритов правым флангом» [21, а. 798].

2. Каждый из партнеров получает долю добычи и пленных. Прямо о разделе добычи нигде в источниках VI—IX вв. не говорится. Но нередки указания, что союзники возвращаются домой каждый «с добычей, которую смог захватить», или с множеством пленных [25, а. 808; 37, кн. IV, гл. 68]. Так, найденные в Нижней Австрии в славянских погребениях аварские поясные наборы археологи считают частью добычи, взятой в аварской войне союзниками Карла [38]. Своеобразной формой дележа представляются нам различные виды «вознаграждения» одного партнера другим, будь то передача части своей или завоеванной территории [25, а. 804; 32, а. 860], денег [17, сар. 10; 39, а. 874] или иной merces [26, а. 869]. Именно так мы склонны понимать рассказ Лоршских анналов о том, как ободриты после победы 798 г. явились к Карлу, «и он чрезвычайно щедро вознаграждал их, как они того были достойны» [24, а. 798].

⁸ Ср. также положение астурийцев в походе Людовика Благочестивого на Барселону в 801 г. [34, сар. 13].

3. Равноправие союзников находит свое выражение и в сфере дипломатической. Есть свидетельства, что переговоры (*colloquia*) между партнерами протекали на границах их владений [17, сар. 31; 25, а. 799; 26, а. 884], а это воспринималось в средние века как признание взаимной независимости. Еще более показательно, что каждый из участников союза мог иметь одновременно договоры с третьей стороной, притом политически враждебной другому партнеру. Так, датский король Геттрик, отвечая в 809 г. франкам на обвинение в нападении на их союзников — ободритов, заявил, «будто те первыми начали нарушать договор» [25, а. 809]. То есть ободриты имели с Данией договор (о мире?), хотя последняя занимала во время саксонской войны явно антифранкскую позицию и даже укрывала Видукинда, вождя мятежной саксонской знати.

Особо следует остановиться на такой черте раннесредневековых союзов, как их *конфессиональная индифферентность*. Разумеется, каролингская эпоха отлично помнила предостережение из II Книги Паралипоменон (19, 2) от дружбы с «нечестивыми». Теоретически союз с язычниками считался недопустимым: «Нет разницы между тем, кто объединяется с язычниками, и тем, кто, отвергнув бога, поклоняется идолам» (из обращения архиепископа Реймского Фулько к Карлу Лысому [40]). В политической же практике VI—IX вв. этот деликатный вопрос решался прагматически. В 853 и 858 гг. аквитанцы просят у Людовика Немецкого защиты от Карла Лысого, «дабы им не пришлось — с опасностью для христианства — просить помощи у чужих и врагов веры» [26, а. 853]. Еще более показательно суждение Лоршских анналов о победе ободритов в 798 г.: «Хотя те ободриты были язычниками, но верность христианам и королю помогла им» [24, а. 798]. Не религиозные различия, а стратегическое положение и политические устремления Ободритского княжества имели значение для его связей с франками. Если же между христианскими государями заключался «союз, в корне веры утвержденный» (из письма Карла Великого к королю Мерсии Оффе от 796 г. [41]), то это обстоятельство порой специально подчеркивалось⁹.

Описываемая нами форма взаимоотношений целиком принадлежит, таким образом, миру политической конъюнктуры, где властвуют временные совпадения интересов и прагматические решения. Обусловленные преходящей военно-политической обстановкой, эти *конъюнктурные* союзы с изменением условий теряли свою силу. Введенные Р. Эрнстом термины «союз, висящий на опорах» (*schwebendes Bündnis*), «целесообразный союз» (*Zweckbündnis*) [2, S. 171; 43] служат, как нам кажется, выражением той же идеи: раннесредневековый союз был ориентирован на одну ближайшую цель. Как только прежние факторы переставали действовать или сменялись новыми, неадекватными, перерождались и сами союзы. Именно поэтому баваро-карantanский союз 743 г. сменяется вскоре (около 745 г.) [44] зависимостью (*servitus*) Карантании от баварского герцога, когда вместо франкской угрозы возникает аварская [28, с. 4]. Поэтому же сорбские племена предстают в 748 и 789 гг. союзниками Каролингов, а в 782 и 806 — противниками. Особенно наглядно эта сокрушительная диалектика проявилась в отношениях франков и ободритов: действуя совместно в войнах с саксами и вильцами, они выступают порознь, каждый за себя, в конфликте с датчанами в 808—809 гг. Не пренебрежение Карла союзническим долгом, а сама логика развития этой международно-правовой формы не позволила императору помочь ободритам против Геттрика, заставила ограничиться обороной Саксонии. Идя походом на отпавших от ободритов и перешедших к Геттрику линонов и смельдингов, Карл Младший, сын императора, в 808 и князь Траско в 809 гг. преследуют, как видно из контекста, сепаратные цели [25, а. 808—809].

Неустойчивость, кратковременность союзов Каролингской державы, возможность их быстрого перерождения в отношения зависимости коре-

⁹ Разумеется, религиозная общность, будучи важным связующим элементом, значительно повышала уровень общности политической [42].

няться не только в конъюнктурности, но и в *нарастании* внутри этой договорно-правовой структуры элементов *неравенства*. Некоторые из них существовали с самого начала. Совместные военные действия всегда разворачивались по оперативному плану франкских государей. Они же — по крайней мере, формально — вознаграждали партнеров, *ut digni erant* [24, а. 798]. Постепенно меняется и терминология. Если в 789 г. анналы противопоставляют ободритов как *foederati* Карла народам, входящим в состав его государства (*subiecti*), то для анонимного биографа Людовика Благочестивого (840-е годы) *subiecti* — сами ободриты [31, сар. 25], а Саксонский Поэт (конец IX в.), перелагая «Так называемые анналы Эйнхарда» в стихи, использует двойную формулу «*subiecti vel foedere iuncti*» [20, а. 789, 798]. Даже с поправкой на известную тенденциозность памятников нельзя отрицать, что с начала IX в. выражения *iussi, iussum est* встречаются при описании франко-славянских контактов все чаще [25, а. 795, 811, 815, 817 и т. д.]. Этому способствует изменение стратегической ситуации. Наступившие после покорения Саксонии и разгрома Аварского каганата мир и консолидация восточной границы империи препятствуют военной активности славянских союзников Карла. Продолжающийся после 800 г. натиск славян на ослабевшую державу кагана вызывает уже не поддержку, а явное недовольство Карла Великого [25, а. 805] и даже поход франков в Паннонию «для прекращения взаимной вражды гуннов (аваров. — *P. B.*) и славян» [25, а. 811]. Возникнув *ad hoc* как равноправное, соглашение между могущественной европейской империей и небольшим королевством или княжеством не могло долго оставаться таковым. Кризис и трансформация прежних союзов по мере их превращения в постоянную форму связи были неизбежны: требовалась более жесткая и действенная система контроля за партнерами. В последние годы царствования Карла в отношениях франков с ободритами заметны уже признаки вассалитета¹⁰.

Отдельно следует сказать о термине *amicitia*(ae), теснее других связанном с антично-библейскими реминисценциями. Он также может обозначать конъюнктурный союз против общего врага [45, сар. 51, 53; 17, сар. 5; 25, а. 817; 31, сар. 8; 26, а. 884]. Однако обычно исследователи видят за термином *amicitia* особый международно-правовой институт — «дружбу» [8, р. 353—393; 10; I, S. 81—98, 119; 11, S. 85—86, 123—125, 171]. В самом деле, каролингские памятники, как правило, не применяют этот термин к политической ситуации между империей и славянами¹¹. Причина тут, на наш взгляд, не в религиозных различиях, как полагает Р. Эрнст [2, S. 167]. Хотя Псевдо-Фредегар и вкладывает в уста Сихария, посла Дагоберта I к «королю винидов» Само, утверждение: «Невозможно христианам и рабам божьим водить дружбу с псами» [37, кн. IV, гл. 68], но — как и в случае с союзом — есть немало свидетельств *amicitia* между христианами и язычниками (Сигеберт I — авары [35, кн. IV, гл. 23]; тюрингский герцог Радульф — «виниды» [37, кн. IV, гл. 87]; Пипин II Герстальский — авары, славяне, арабы [18, а. 692])¹². Религия и политика отнюдь не совпадали в глазах писателей VI—IX вв.

Отличие «дружбы» от союза скорее в другом. Специфически «варварское» понимание *amicitia* (*Schwurfreundschaft, gemachte Freundschaft*, по терминологии В. Фритце) — формально фиксированные отношения полного равенства на основе взаимной верности и активной помощи друг

¹⁰ Проведенный нами анализ подтверждает, таким образом, выводы М. Вилерс и Р. Эрнста о том, что для раннего средневековья характерны сложные, многослойные союзы, объединяющие в себе элементы договоров различных видов [1, S. 120—121; 2, S. 171]. Трудно, однако, согласиться с тем, будто «чисто целесообразные связи» не типичны для той эпохи «идеальных» обязательств [1, S. 30, 33]. Скорее можно говорить о неустойчивости, лабильности этих связей.

¹¹ Как показал Х. Найфайнд, авторы IX в. избегают термина *amicitia* и в отношении норманнов [12, S. 60—61].

¹² В последнем случае *amicitia* также относится не столько к славянам, сколько к возглавляющим список племен «грекам и римлянам».

другу советом и делом [10, S. 83—87, 95—102, 110—116]¹³. Это отражало более высокий, чем союз, уровень договорных связей. Теоретически равными партнерами Франкской империи могли быть только Византия и папство. Поэтому и термин *amicitia* используется каролингскими авторами чаще всего для характеристики отношений их государей с Константинополем и Римом [17, сар. 40; 25, а. 814, 816; 23, сар. 16; 31, сар. 23, 27; 26, а. 873; 32, а. 839]. Кроме того, «дружба» меньше зависела от политической конъюнктуры и не предполагала непосредственной направленности против третьей стороны. Отсюда — «дружба» более устойчива и более «формальна»: она могла длиться десятки лет (ср. *amicitia perpetua* [37, кн. IV, гл. 45, 85; 32, а. 839]), но нуждалась в подтверждениях при смене правителей. Еще раз подчеркнем: речь идет о концепции «дружбы», наиболее характерной для раннего средневековья. В дальнейшем оттенки уграчиваются: историки XV—XVI вв. прямо называют отношения франков и ободритов «старинной дружбой» [36, col. 824; 46].

Вассалитет. С начала IX в., а особенно после смерти Карла в 814 г., количество упоминаний в анналах о восточных партнерах франков резко возрастает. Судя по этим упоминаниям, контакты империи с ободритами и южными славянами становятся более интенсивными и разнообразными, а также более «личными». На смену совместным военным экспедициям равноправных союзников приходят походы «по приказу» Каролингов; Карл и Людовик «дают» тем или иным народам «королей»; славянские князья, знать и их послы являются ко двору императора; княжества восстают против зависимости от франков, и те вновь пытаются утвердить статус кво.

Уже эти внешние признаки говорят о том, что вассалитет — более развитая и сложная договорно-правовая структура, чем союз, на основе которого она возникает («наивысшая форма» [7, p. 29—30]). Поэтому и терминологический аппарат этого хорошо известного в средние века института значительно более разработан. Правосознание VI—IX вв. еще весьма синкретично, сфера международного права только начинает выделяться как таковая¹⁴, и каролингская эпоха практически не различает вассалов «внутренних» и «внешних», иностранных, с точки зрения принципиально-го содержания их обязательств, хотя конкретные условия «внутреннего» вассалитета были, видимо, жестче¹⁵. Терминология, выражающая как собственно понятие вассалитета (*fides, fidelitas, servitium* и др.), так и входящие в объем этого понятия элементы (*se commendare, ducem ponere, ad praesentiam regis venire* и т. д.), в обоих случаях одина, что позволяет привлечь для описания этой международно-правовой формы обильный материал источников.

Среди наиболее общих обозначений вассальной зависимости нет ни одного, которое имело бы строго определенное семантическое содержание: всё означает всё. Выражения *fidem (fidelitatem) servare* или *promittere, imperata (voluntatem) facere, servituti subicere*, слова *dominium, ditio, servitium, potestas* и др. могут указывать на самые разные акты — от признания военного поражения и обещания не нарушать мир (например, [25, а. 789; 18, а. 688, 691—692, 712, 752; 26, а. 860, 864, 884—885]) до прямого административного подчинения (например, [24, а. 788, 794; 25, а. 776, 817—818, 822; 18, а. 717, 732, 782, 789]). В большинстве случаев для идентификации того или иного правоотношения не помогает и контекст,

¹³ Напротив, взгляды Б. Парадизи на *amicitia* VI—IX вв. как на развитие римско-византийской традиции гегемонии и клиентелы [8, p. 382—392] не нашли себе поддержки. Ср. [1, S. 81—85; 11, S. 84—89, 109, 123—125, 171—173]. В самом деле, Эйнхард, говоря, будто Харун аль-Рашид «предпочитал его (Карла. — P. B.) милость дружбе всех... королей и князей» [23, сар. 16], явно противопоставляет *gratia* и *amicitia*. Впрочем, терминологический узус IX в. включал в себя и момент антикизации. Ср. выражение «*amicitia et obsequentia*» [36, а. 836].

¹⁴ «Границы между государственным и международным правом в течение всего средневековья были текучими» [4, S. 592].

¹⁵ Ограничимся одним примером: в отличие от «внешних» короли-вассалы внутри империи должны были являться ко двору императора не по специальному вызову, а ежегодно [47].

и приходится проследивать развитие контактов между сторонами на протяжении десятилетий. Нам удалось обнаружить лишь одну терминологическую конструкцию, которая с большей или меньшей вероятностью указывает на вассалитет: «*fidem (fidelitatem) servare (promittere) regi et filiis eius*» [17, сар. 45, 51; 25, а. 757; 18, а. 735, 781]. Если же обещание «хранить верность» давалось не «королю и его сыновьям», а «королю и франкам» или «королю и народу христианскому» [24, а. 798; 21, а. 789; 32, а. 867; 26, а. 880, 885], то это скорее означало договор о мире или о союзе. Такой вывод вполне соответствует той огромной роли, какую играл в международных вассальных связях момент персонально-династический. К сожалению, сфера применения этого терминологического критерия очень невелика, ибо полная формула вассальной присяги приводится в источниках крайне редко.

Однако даже таких многозначных и неопределенных обозначений зависимости, как *fidelitas, dominatio, servitium* и др., мы в сообщениях о франко-славянских контактах начала IX в. почти не встретим¹⁶. Для выяснения места этих контактов в общей системе «внешних» вассальных связей Каролингской империи необходима подробная характеристика всех компонентов вассалитета.

1) из завоевания или угрозы такового и вообще по принуждению (Бавария, Бретань, Беневенто, Гасконь);

2) по инициативе самого местного правителя, осознающего принципиальную общность интересов своих и сюзерена (князя Далматинской Хорватии, бретонские герцоги в 851—852 гг.) или преследующего конкретные сепаратные цели (арабские вали в Испании, Святополк Моравский в 884 г., норманнские вожди);

3) из прежних союзнических отношений (ободриты, Карантания, вероятно, также посавские хорваты).

Но различиями в происхождении не исчерпывается типология вассалитета. Можно выделить условно два «уровня» вассальной зависимости: оформленная (с коммендацией *in manibus* и присягой на верность) и фактическая (без коммендации)¹⁷.

Оформленный вассалитет с *коммендацией* (вассал вкладывает сложенные вместе ладони в руки сеньора) был, очевидно, более обязывающим. Не потому ли беневентский герцог Аригиз, обещав Карлу в 787 г. через своих послов «выполнять приказания», просит разрешения «не являться перед лицо его» [23, сар. 10], стремясь, по-видимому, избежать коммендации? С другой стороны, князья, вступающие в вассалитет ради собственных целей, нередко коммендируются (Зейтун, вали Барселоны, в 797 г., Святополк в 884 г.), так что судить о реальном значении этого акта трудно. Коммендация выражалась формулами *tradere se manibus in manibus* [25, а. 787; 48, IV, р. 75; 31, сар. 24], *per (in) manus se commendare* [25, а. 757, 815], *per manus se subdere* [26, а. 884, 895], *datis manibus* [32, а. 851; 39, а. 884] и др. Но шла ли при этом речь именно о вассальной коммендации, устанавливается чаще всего только по контексту, так как слова *se tradere (in manus) (sub manibus)*, *se commendare* нередко означали простую военную капитуляцию или непосредственное административное подчинение [24, а. 780, 789, 791, 798; 26, а. 870 и др]. Критерием здесь может служить используемый при этом обряд: коммендация Каролингам всегда происходила «по обычаю франков» [21, а. 757; 48, IV, р. 75; 31, сар. 24; 26, а. 884, 895; 39, а. 884], тогда как принятие иных обязательств — по обычаю местному, племенному [25, а. 777, 811; 26, а. 873].

Если коммендация требовала личной явки, то *присягу* на верность (*sacramentum* или *iuramentum fidelitatis*) можно было дать через третьих лиц (так, бретонские герцоги присягнули Карлу через посредство маркграфа Видо [25, а. 799]). Вероятно, — хотя данных об этом нет, — такую

¹⁶ О *servitium imperatoris* карантанских князей см. [28, сар. 10].

¹⁷ В возникновении публично-правового вассалитета решающую роль играла именно присяга, а не коммендация [3, С. 43—49; 5, р. 45—46].

присягу давали и князь ободритов Траско (при встрече с Карлом в 804 г. или через послов), и князья словенцев и хорватов, известные позднее как вассалы императора. Религиозные различия и здесь не служили препятствием. Когда в 873 г. предводитель норманнов Рорих, «желчь для христианства», коммендировался Людовико Немецкому, современники расценили это как большую победу восточнофранкского короля [49].

Реально отношения вассалитета устанавливались каролингской *санкцией* власти зависимого правителя. Санкция означала прямое вмешательство франков в социально-политическую жизнь соседних народов. Наиболее распространенный вид санкции — простое подтверждение со стороны сюзерена власти герцога или князя, полученной ими по наследству или в результате избрания местной знатью¹⁸. Типичные формулы здесь: «дал им короля», «поставил князем», «передал герцогскую власть» и т.д. [25, а. 748, 819, 821; 18, а. 735, 788, 804; 26, а. 846, 857; 32, а. 851; 39, а. 837]. Так, после смерти карантанского князя Бурта, ставшего вассалом баварского герцога и отдавшего в заложники своего сына Горазда, «бавары отослали Горазда... обратно к просившим об этом славянам, и те сделали его князем» [28, сар. 4]. В 804 г. ободриты прибыли к Карлу в лагерь Холленштедт, и он, «устроив их дела, как счел нужным, поставил им королем Траско» [18, а. 804]. Вряд ли можно видеть здесь пожалование князю «королевского достоинства», так как те же Мецские анналы именуют «королем» (rex) уже прежнего князя — Витцана, а в Королевских анналах Траско продолжает быть «князем» (dux) и после 804 г. [18, а. 795; 25, а. 808—809]. Акт 804 г. сделал ободритского князя из союзника вассалом Каролингов¹⁹. Классическую формулировку каролингской санкции приводят анналы и под 821 г., сообщая о восшествии на престол нового князя в Далматинской Хорватии: «по просьбе народа и с согласия императора» (ср. лангобарды в 757 г. «с согласия короля Пипина и по совету своих вельмож возвели на трон Дезидерия» [17, сар. 39]).

Речь не идет, таким образом, об инвеституре, о «назначении» правителя [19, S. 116—117] или о «передаче в лен прав господства» [9, S. 1—2, 19], но лишь о подтверждении его власти и установлении вассальной связи, независимо от того, имела ли в дальнейшем место коммендация. Санкция давала Каролингам практическое право контроля за престолонаследием. Император получал возможность — при поддержке племенной знати — отстранить князя или заставить его разделить свою власть с другим²⁰, становился верховным арбитром во внутренних конфликтах зависимого княжества²¹. Отсюда вытекала необходимость для вассала оправдываться в случае подозрительных обстоятельств смерти своего предшественника (беневентский герцог Сиго в 818 г. [25, а. 818; 31, сар. 31]). Впрочем, санкция отнюдь не имела обязательной силы прецедента: однажды «поставленный» правитель мог передать сыну власть без одобрения со стороны Каролингов, причем тот оставался вассалом (Гунальд и Вайфарий в Аквитании [18, а. 735, 744], Одило и Тассило в Баварии [18, а. 749]). Иногда санкция вообще фактически не приводила к вассалитету: например, нет никаких

¹⁸ Лишь там, где вассалитет имел уже долгую традицию развития, санкция принимала вид условного пожалования власти в бенефиций (казус баварского герцога Тассило III [18, а. 787]).

¹⁹ Возможно, однако, что вассалитет ободритов начался раньше [19, S. 106; 50, S. 8—9]: под 795 г. Лоршские анналы называют Витцана *vassus domni regis*, а в «Так называемых анналах Эйхарда» говорится, что Карл «приказал» (*iusserat*) ободритам явиться к нему [24, а. 795; 21, а. 795]. *Vassus* (наряду с *fidelis*, *homo*, *subiectus*, *oboediens* и др.) — бесспорно, обозначение вассала. Правда, реальных признаков зависимости Витцана от Карла мы не находим, Фульдские же анналы сообщают под 795 г. о «желании» (*volens*) ободритского князя прибыть на помощь франкам [26, а. 795]. Только с 804 г. вассалитет ободритов не вызывает сомнений: после смерти Траско Карл санкционировал переход власти к Славомиру [51].

²⁰ Однако по обычаю такие меры все же считались злоупотреблением: «причиной отпадения» князя Славомира анналы называют как раз то, что «ему было приказано разделить княжескую власть... с Педрагом, сыном Траско» [25, а. 817].

²¹ Поэтому неверно, подобно Ф.-Л. Гансхофу, считать «специальные миссии» (*bijzondere zendingen*), связанные с регулированием престолонаследия, особенностью только тех франкских посольств, которые направлялись к славянам [52].

признаков зависимости моравского князя Ростислава от Людовика Немецкого, который в 846 г. его «*ducem... constituit*» [26, а. 846]. Однако такие случаи очень редки.

Важнейшее из обязательств — *личная явка* ко двору сюзерена. Изучение обширного материала источников VIII—IX вв. убеждает нас, что подобные визиты были не регулярными, а эвентуальными — *ex iussione* [25, а. 788, 811, 819; 32, а. 838], для коммендации, возобновления присяги или при подозрениях в «измене»²². Явки ко двору (*faciem regis videre, ad praesentiam imperatoris venire* и т. д.) способствовали актуализации вассальной верности, ведь, по словам персидских послов к Карлу, его вассалы «заботятся о нем в достаточной мере только в его присутствии» [53]. О роли явки как испытания верности говорит и то, что в глазах каролингских писателей послушно прибыть по вызову как раз и значило *fidem adimplere* [18, а. 787]. Она же была средством приведения вассала к покорности. Именно отказ от явки считался крайней степенью неповиновения, и за ним почти всегда следовали карательный рейд или повторный вызов [25, а. 817, 823; 18, а. 787; 32, а. 844; 26, а. 892]. В 823 г. при дворе Людовика сами ободритские *primos* обвиняли своего князя Цедрага в том, что он «уже давно (после слухов о его «измене». — *Р. В.*) уклонялся от приезда к императору». Получив новый вызов, Цедраг, не желая открытого разрыва, явился «и перед лицом императора привел удовлетворительное обоснование своей задержки» [25, а. 823]. Формула же открытого одностороннего расторжения вассальных уз: желаю «никогда больше не видеть лица короля» (Тассило III [25, а. 763]) или «никогда отныне не являться во дворец» (Славомир [25, а. 817]). Сказав это, местный правитель должен был срочно готовиться к обороне.

Традиционной обязанностью вассала была и *военная помощь* [32, а. 834, 873; 26, а. 884]. В отличие от союзов отношения вассалитета предлагали в VIII—IX вв. совместные походы только под командованием франкского государя или легата [25, а. 788, 815; 18, а. 788]. Вассал лишь присоединялся к войску сюзерена по его приказу. Если война шла на местности, для франков малознакомой, тамошний зависимый правитель мог «советовать, что, по его мнению, следовало предпринять», как это сделал князь далматинских хорватов Борна во время борьбы Каролингского государства против восставшего князя Людевита Посавского [25, а. 820]. Итак, хотя известная средневековая формула вассальных обязательств «совет и помощь» (*consilium et auxilium*) встречается впервые лишь в Мерсенских актах Лотаря I, Карла Лысого и Людовика Немецкого 847 и 851 гг. [3, S. 59—64], однако реальное содержание ее мы находим и в международных связях ахенского двора уже в VIII — начале IX в.

Все перечисленные обязательства (принятие власти с санкции Каролингов, личная явка, «совет и помощь») были пожизненными (*omnibus diebus* [25, а. 757]; *omni tempore vitae* [26, а. 872] и т. д.). Нарушение любого из них воспринималось сюзереном как «дерзость» (*insolentia*) или «мятеж» (*rebellio*). Бретонцы, рассказывает анонимный биограф Людовика, в 818 г. «преисполнились такой наглости, что одного из своих по имени Мурман осмелились провозгласить королем и отказались от всякого повиновения». Людовик немедленно двинул войско в Бретань [31, сар. 30]. Что задело императора? Присвоение королевского титула? Едва ли: в других источниках Мурман — «герцог» [39, а. 836], а Эрмольд Нигелл, воспевавший поход 818 г. во всех деталях, называет вождя бретонской знати «королем», не оспаривая титула [48, III, р. 42]. Но Мурман стал «королем» «вопреки обычаю бретонцев» [25, а. 818], т. е. очевидно, без каролингской санкции²³. Пример открытого неповиновения — мощное антифранкское восстание князя посавских хорватов Людевита, вызванное злоупотреблениями маркграфа Фриульского. Отвергнув прежние условия зави-

²² Применительно к «внутренним» вассалам это отмечали еще Г. Миттайс [3, S. 40] и Ф.-Л. Гансхоф [5, р. 123].

²³ Показательно, что после его смерти «герцогскую власть в этом племени император передал Номеноз» [39, а. 836].

симости, Людовит выдвинул новые, «в случае согласия на которые обещал сделать все, что ему будет приказано». Император «этих условий не принял и предложил ему через своих послов другие» [25, а. 819]. Обычно же условия вассалитета не пересматривались, а «мятеж» оканчивался поражением и судом (ср. суд над Славомиром в 817 г.) или «раскаянием» вассала (примерная формула: я «во всем согрешил и дурно поступал» [25, а. 787]. Ср. также [31, сар. 35, 39]). Особенно упорное сопротивление каралось, кроме того, огромной контрибуцией [25, а. 812; 32, а. 844].

Как ни стеснительны казались местной знати вассальные обязательства, нельзя забывать, что и на сюзерене лежал долг покровительства (военная помощь вассалу²⁴ и защита его интересов на международной арене) и «щедрости» (подарки). То, что иногда сюзерен представлял перед третьей стороной интересы вассала [25, а. 809, 817; 32, а. 838], отнюдь не умаляет *внешнеполитической самостоятельности* последнего, проявлявшейся, на наш взгляд, двояко:

1. В рамках «верности» зависимый правитель был свободен в своих дипломатических сношениях. Он мог самостоятельно принимать послов (как сыновья Карла, короли-вассалы Пипин и Людовик — послов из Византии, Астурии, от арабов [25, а. 808; 31, сар. 8, 5], вести сепаратные переговоры²⁵, заключать мир (ср. договор хорватского князя Мислава с Венецией в 836 г. [54]), взимать контрибуцию с побежденного противника (как бретонский герцог Саломон с норманнов [32, а. 862]).

2. В тех случаях, когда местные дела обсуждал с третьей стороной сам сюзерен, заинтересованный вассал мог (хотя бы теоретически) участвовать в переговорах. В 817 г. византийский посол привлек внимание Людовика к натиску хорватов на земли далматинских городов, находившихся под властью Константинополя. Но «поскольку дело касалось многих: и романцев (горожан. — *P. B.*), и славян», то «казалось невозможным завершить его в их отсутствие». В Далмацию была послана специальная миссия, судьба которой не известна [25, а. 817]. Налицо хитроумная тактика проволок ради поддержания напряженности в Далмации, ибо только локальный конфликт обеспечивал Каролингам вассальную верность хорватских князей. Примечательна, однако, сама возможность ссылки на мнение вассалов.

Подобные признаки внешнеполитической самостоятельности правителей заставляют усомниться в правомочности понятия «протекторат», применяемого, например, Ф.-Л. Гансхофом к отношениям империи со славянским Востоком [6, р. 23, 49—50]. Бельгийский историк намеренно использует этот, по его словам, «неопределенный термин, ввиду большого разнообразия в статусе» протектируемых народов. Но ведь в современном международном праве этот термин как раз строго определен. По договору о протекторате одно государство передает другому ведение своих внешних сношений и принимает резидента по внутренним делам. Ничего этого франко-славянские связи не знали, и именно их юридическая неопределенность не допускает такого рода терминологической модернизации.

Широко распространен в литературе и тезис о «трибутарной зависимости» славян от империи в начале IX в. [9, S. 19—22; 50, S. 5—6, 12—19, 112]. Однако об уплате славянами подати Карлу не упоминает ни один автор IX в., кроме Эйнхарда; между тем, такая форма зависимости была хорошо известна [35, V, 26; 37, IV, 45, 48, 74; 17, сар. 31, 35, 38; 25, а. 758, 808, 810, 814; 28, сар. 3 и т. д.]. В гл. 15 «Жизни Карла» Эйнхард называет *tributarii* «все варварские и дикие племена... между Рейном и Вислой, Океаном и Дунаем», в том числе вильцев, сорбов, ободритов и чехов [23, сар. 15]. Не вдаваясь здесь в подробную характеристику главы 15 как весьма тенденциозного, гиперболического и основанного более всего на античных реминисценциях описания внешнеполитических успехов импе-

²⁴ Об *auxilium* вассалу см. [25, а. 809; 31, сар. 27, 33; 32, а. 839, 868].

²⁵ Так, в 809 г., пока Карл выяснял с датским королем ущерб, нанесенный интересам империи, князь Траско отдельно договорился с Геттриком, дав ему сына в заложники [25, а. 809].

ратора, отметим лишь, что уже присутствие ободритов в перечне данников лишает эти сообщения Эйнхарда всякой достоверности. Уплата подати была, насколько можно судить, несовместима с отношениями союза и «дружбы» («дружба» возможна только после отмены трибута [37, IV, 45]). Вассалитет, по-видимому, мог предполагать трибут, но только там, где это было *secundum antiquam consuetudinem* (т. е. где вассалитет «накладывался» на уже существовавшую податную зависимость [32, а. 863, 864]), или после нарушения «верности» (казус беневентского герцога Гримоальда III [25, а. 814])²⁶. «Дары» же (*munera, dona, honores*), приносимые местными правителями или их послами императору и принимаемые «благосклонно» [21, а. 798], — вовсе не «ежегодная дань», а элемент дипломатического протокола²⁷, символ взаимного признания. Итак, легенда о полусе «государств-данников» вдоль восточной границы империи имеет под собой слишком мало оснований.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток» — эта формула сегодня неприменима при изучении общественного и культурного быта народов ранне-средневековой Европы. Неприменима она и в области их взаимного общения. Мы не можем, конечно, дать здесь общую оценку славянской политики Карла, ее характера и значения. Но уже приведенные нами некоторые наблюдения заставляют думать, что отношения Каролингской державы с ее восточными соседями были свободны от всякой исключительности и полностью вписывались в систему норм и институтов международного права VI—IX вв. Специфика франко-славянских связей есть скорее специфика самих правовых форм, в которых они выступали в истории. Формы же эти были общеевропейскими.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wielers M.* Zwischenstaatliche Beziehungsformen im frühen Mittelalter (Pax, Foedus, Amicitia, Fraternitas). München, 1959.
2. *Ernst R.* Die Nordwestslaven und das fränkische Reich. Beobachtungen zur Geschichte ihrer Nachbarhaft und zur Elbe als nordöstlicher Reichsgrenze bis in die Zeit Karls des Grossen. Berlin, 1976.
3. *Mitteis H.* Lehnrecht und Staatsgewalt. Weimar, 1933.
4. *Mitteis H.* Politische Verträge im Mittelalter (1950). — In: *Mitteis H.* Die Rechtsidee in der Geschichte. Weimar, 1957, S. 567—612.
5. *Ganshof F.-L.* Qu'est-ce que la féodalité? 3e ed. revue et augmentée. Bruxelles, 1957.
6. Histoire des relations internationales, t. I. Le Moyen Age, par *F.-L. Ganshof*. Paris, 1953.
7. *Ganshof F.-L.* The Treaties of the Carolingians. — In: *Medieval and Renaissance Studies. Proceedings of the Southeastern Institute of Medieval and Renaissance Studies.* Durham (N. C.), 1968, p. 23—52.
8. *Paradisi B.* L'«amicitia» internazionale nell'alto medio evo (1947). — In: *Paradisi B.* Civitas maxima. Studi di storia del diritto internazionale. Firenze, 1974, p. 339—397.
9. *Scheidt W.* Lehnsherrliche Beziehungen der fränkisch-deutschen Könige zu anderen Staaten vom 9. bis zum Ende des 12. Jahrhunderts. Marburg, 1948.
10. *Fritze W.* Die fränkische Schwurfreundschaft der Merowingerzeit. — *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung*, Bd. 71. Weimar, 1954, S. 74—125.
11. *Schneider R.* Brüdergemeine und Schwurfreundschaft. Der Auflösungsprozess des Karlingerreiches im Spiegel der caritas—Terminologie in den Verträgen der karolingischen Teilkönige. Hamburg, 1964.
12. *Neifeind H.* Verträge zwischen Normannen und Franken im neunten und zehnten Jahrhundert. Heidelberg, 1971.
13. *Schulze H. K.* Mediävistik und Begriffsgeschichte. — In: *Historische Semantik und Begriffsgeschichte.* Stuttgart, 1979, S. 242—261.
14. *Stach W.* Wort und Bedeutung im mittelalterlichen Latein /1952/. — In: *Mittel-lateinische Philologie.* Darmstadt, 1975, S. 313—337.

²⁶ Подать, таким образом, не была «естественным следствием вассального положения», как полагал Р. Вагнер [19, S. 118]. Х. Йегер разделял «личный вассалитет» ободритского князя и «трибутарную обязанность» народа в целом [50, S. 6]. Но не есть ли это юридическая фикция, родившаяся из неверного понимания правосознания эпохи и политических порядков в Ободритском княжестве?

²⁷ Прав был, видимо, польский хронист XVI в. М. Кромер, предположивший, что «эти дары Эйнхард, превознося своего Карла, называет податью» [55].

15. *Pivec K.* Servus und Servitium in den frühmittelalterlichen Salzburger Quellen.— In: Festgabe dargebracht Harold Steinacker zur Vollendung des 80. Lebensjahres. München, 1955, S. 55—66.
16. *Adams J. N.* The Vocabulary of the Annales Regni Francorum.— Glotta, Jg. 55. Göttingen, 1977, S. 257—282.
17. Continuationes chronicarum Fredegarii.— In: Monumenta Germaniae Historica (MGH). Scriptorum rerum Merovingicarum, t. II, ed. *B. Krusch*. Hannoverae, 1888, p. 168—193.
18. Annales Mettenses priores, ed. *B. Simson*. Hannoverae, 1905.
19. *Wagner R.* Das Bündnis Karls des Grossen mit den Abodriten.— Jahrbücher und Jahresberichte des Vereins für meklenburgische Geschichte und Altertumskunde, Jg. 63. Schwerin, 1898, S. 89—129.
20. Poetae Saxonis annalium de gestis Caroli Magni imperatoris libri V.— In: MGH Poetae latini aevi Carolini, t. IV, ed. *P. Winterfeld*. Berolini, 1899, p. 1—71.
21. Annales qui dicuntur Einhardi, ed. *F. Kurze*. Hannoverae, 1895.
22. Annales Mosellani.— In: MGH Scriptorum, t. XVI, ed. *J. M. Lappenberg*. Hannoverae, 1859, p. 491—499.
23. Einhardi Vita Karoli.— In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd. V. Berlin, 1958, S. 165—211.
24. Annales Laureshamenses.— In: MGH Scriptorum, t. I, ed. *G. H. Pertz*. Hannoverae, 1826, p. 22—39.
25. Annales regni Francorum, ed. *F. Kurze*. Hannoverae, 1895.
26. Annales Fuldenses, ed. *F. Kurze*. Hannoverae, 1891.
27. Nithardi Historiarum libri I—IV.— In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd. V, 1958, S. 386—461.
28. Conversio Bagoariorum et Carantanorum, ed. *M. Kos*. Ljubljana, 1936.
29. Annales Alamannici.— In: MGH Scriptorum, t. 1, 1826, p. 19—56.
30. *Fichtenau H.* Das Karolingische Imperium. Zürich, 1949, S. 110.
31. Anonymi Vita Hludowici imperatoris.— In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd. V, 1958, S. 258—379.
32. Annales Bertiniani. ed. *G. Waitz*. Hannoverae, 1883.
33. Chroniques de Saint-Denis. Gestes du grant Roy Kallemaine.— In: Recueil des historiens des Gaules et de la France, par *M. Bouquet*, t. V. Paris, 1744, p. 224—313.
34. Pactum Hlotharii I.— In: MGH Legum sectio II. Capitularia regum Francorum, t. 2, ed. *A. Boretius* et *V. Krause*. Hannoverae, 1897, p. 130—135.
35. Gregorii Turonensis Historia Francorum.— In: MGH Scriptorum rerum Merovingicarum, t. I, ed. *G. Waitz*. Hannoverae, 1885, p. 31—450.
36. Vita Caroli Magni auctore Donato Acciajolo.— In: Scriptorum rerum Germanicarum praecipue Saxoniarum, ed. *J. B. Mencke*, t. I. Lipsiae, 1728, col. 813—832.
37. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri IV.— In: MGH Scriptorum rerum Merovingicarum, t. II, ed. *B. Krusch*, 1888, p. 1—167.
38. *Mitscha — Mährheim H.* Archäologisches zur Slawenforschung in Österreich.— In: Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, t. 7. Budapest, 1965, p. 85.
39. Regionis Prumiensis Chronicon, ed. *F. Kurze*. Hannoverae, 1890.
40. Flodoardi Historia ecclesiae Remensis, IV, 5.— In: MGH Scriptorum, t. XIII. Hannoverae, 1881, p. 565—566.
41. MGH Epistolae, t. IV, ed. *E. Dümmler*. Berolini, 1895, p. 145.
42. *Angenendt A.* Taufe und Politik im frühen Mittelalter.— In: Frühmittelalterliche Studien, Bd. 7. Berlin, 1973, S. 152—165.
43. *Ernst R.* Karolingische Nordostpolitik zur Zeit Ludwigs des Frommen.— In: Östliches Europa. Spiegel der Geschichte. Festschrift für Manfred Hellmann. Wiesbaden, 1977, S. 85.
44. *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda, 3. izd., zv. I. Ljubljana, 1978, s. 415—416.
45. Liber Historiae Francorum.— In: MGH Scriptorum rerum Merovingicarum, t. II, ed. *B. Krusch*, 1888, p. 238—328.
46. Roberti Gaguini Rerum Gallicarum annales... Francofurti ad Moenum, 1577, p. 49.
47. Ordinatio imperii, c. 4.— In: MGH Legum sectio II. Capitularia regum Francorum, t. I, ed. *A. Boretius*. Hannoverae, 1883, p. 271.
48. Ermoldi Nigelli In honorem Hludowici carmen. In: MGH Poetae latini aevi Carolini, t. II, ed. *E. Dümmler*. Berolini, 1884, p. 5—79.
49. Annales Xantenses, a. 873.— In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd. VI. Berlin, 1959, S. 370.
50. *Jäger H.* Rechtliche Abhängigkeitsverhältnisse der östlichen Staaten vom Fränkisch-Deutschen Reich. Frankfurt/Main, 1960.
51. Annales Aquenses, a. 809.— In: MGH Scriptorum, t. XXIV, ed. *G. Waitz*. Hannoverae, 1879, p. 35.
52. *Ganshof F.-L.* De internationale betrekkingen van het Frankisch Rijk onder de Karolingen. Brussel, 1963, blz. 16.
53. Notkeri Gesta Karoli, II, 8.— In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd. VII. Berlin, 1960, S. 390.
54. Johannis diaconi Chronicon Venetum.— In: MGH Scriptorum, t. VII, ed. *G. H. Pertz*. Hannoverae, 1846, p. 17.
55. Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basileae, 1568, p. 24.

К ИСТОРИИ БОЛГАРО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 40-Х ГОДОВ X ВЕКА

В истории политических связей двух славянских государств эпохи раннего феодализма — Первого Болгарского царства и Древней Руси период, предшествующий балканским войнам Святослава, является одним из наименее исследованных, но весьма важных. Уже киевский князь Святослав в своей деятельности на Балканах опирался на сложившуюся традицию русско-болгарских связей. Отношения Киевской Руси, как и Болгарского государства, с Византией составляли, вплоть до периода феодальной раздробленности, одно из главных направлений внешней политики, уходящей своими корнями в предшествующую эпоху.

Поэтому Болгария, расположенная на пути из Киева в Константинополь, принимала активное участие в развитии этих отношений. Эту важную роль Болгарии отметил М. Н. Тихомиров: «В действительности же и походы Святослава и более ранние походы Олега и Игоря на Царьград становятся понятными только в свете болгаро-русских связей IX—X вв.» [1, с. 105].

Одним из центральных событий в истории политических связей Руси и Византии первой половины X в. явилась русско-византийская война 941—944 гг. Борьба Руси и Византии этого времени нашла отражение в отечественной и зарубежной историографии. Исследователи ставили своей целью уяснение причин войны, изучение самого хода военных действий и определение важнейших результатов конфликта, отраженных в договоре 944 г.¹ Гораздо меньшее внимание было уделено взаимоотношениям в эти годы Болгарии и Древней Руси. Их рассмотрение и составляет задачу нашей работы.

Свидетельства о политике Болгарии в отношении Руси в 941—944 гг. сохранили лишь два источника, оба русского происхождения. Это — русская версия греческого Жития Василия Нового (не позднее половины XI в.) [3] и «Повесть временных лет» (2-е десятилетие XII вв.) [4]. Согласно «Повести временных лет», болгары дважды во время походов князя Игоря на Константинополь, в 941 и 943 гг.², сообщали византийцам о движении русских войск. Далее в «Повести» говорится, что после заключения на Дунае перемирия с греками (согласно «Повести» — в 944 г.) Игорь послал печенежские отряды воевать против Болгарии. Враждебные действия болгар против Руси в 941 г. нашли отражение и на страницах русской версии Жития Василия Нового. Интересно отметить, что в греческом тексте Жития эти сведения отсутствуют. В настоящее время установлено, что данные как русского перевода Жития, так и «Повести временных лет» восходят к какому-то общему русскому источнику о походе 941 г., существовавшему в форме или устного предания или официальной записи. Этот источник хорошо знали русские летописцы. Перевод-

¹ Новейшую литературу см. [2].

² О датировке похода Игоря — 943 г. вместо летописной даты — 944 г. см. [5].

чик Жития Василия Нового и автор «Повести временных лет» использовали его и включили в свои произведения заимствованный из него рассказ о действиях болгар в 941 г. [6].

Позиция Болгарии по отношению к русско-византийской войне 941 — 944 г. привлекла внимание исследователей как русско-византийских [1, с. 106; 7, с. 231; 8, с. 62—63; 9, с. 86—87], так и русско-болгарских [8, с. 84; 10, с. 114] отношений, авторов общих очерков внешнеполитического развития Болгарии этого периода [11; 12, с. 519—520; 13; 14, с. 372].

Общераспространенной является точка зрения, согласно которой враждебные действия болгар против Руси следует объяснять лишь их верностью союзному договору с Византией 927 г. [10, с. 114; 14, с. 372] в условиях войны Руси и Византии. Таким образом, проводится мысль о подчиненности внешней политики Болгарии того времени политике Византии, что связывается с тяжелым внутривнутриполитическим положением Болгарии. Однако это объяснение мы считаем правильным лишь отчасти. Действительно, Болгария рассматриваемого периода, когда во главе государства стоял царь Петр (927—970), сын царя Симеона, находилась в состоянии внутреннего социального и политического кризиса, вызванного процессами феодального развития страны. Рост крупного светского и церковного землевладения сопровождался увеличением количества феодально зависимых крестьян, усилением эксплуатации, обнищанием трудящихся масс [14, с. 352]. В то же время укрепление власти светских и духовных феодалов вело к появлению политического сепаратизма. Отказ правительства царя Петра — Сурсувула (его дяди) от прежней завоевательной политики царя Симеона вызвал раскол в среде господствующего класса. В правительстве получила преобладание группировка бояр — сторонников мирного развития страны. Оппозиционная боярская группировка из сторонников политической линии Симеона встала во главе заговоров против Петра и его братьев — Ивана (929) и Михаила (930) [14, с. 370—371]. Страну потрясали феодальные смуты. Напряженность обстановки усугублялась в связи с распространением социально-религиозного народного движения богомилов. Быстрое распространение богомилства серьезно беспокоило представителей светской и духовной аристократии [14, с. 375—377]. Царь Петр был вынужден обратиться к константинопольскому патриарху Феофилакту с просьбой о помощи в организации борьбы с «новопоявившейся ересью» [15]. Начавшимся ослаблением страны немедленно воспользовались ее соседи. В 931 г. выступил против царя Петра и признал верховную власть византийского императора сербский князь Часлав. В 30-е годы начинается вторжение в страну венгров [14, с. 371].

В этих условиях Болгария переходит в области внешней политики от войн и завоеваний, которые столь активно вел царь Симеон, к сохранению *status quo*, поддержанию мира на своих границах. Отказавшись от борьбы с Византийской империей, своим главным соперником за гегемонию на Балканах, Болгария сохраняет с ней мирные и союзные отношения, закрепленные договором 927 г. Но можно ли утверждать, что Болгария полностью следовала в фарватере византийской политики [9, с. 86]? Нельзя ли поставить вопрос о существовании в тот период и собственно болгаро-русских противоречий?

Для понимания характера болгаро-русских отношений указанного времени следует рассмотреть вопрос об отношениях князя Игоря с уличами и тиверцами — восточнославянскими племенами, через земли которых пролегал путь в Болгарию. Борьбу за покорение уличей и тиверцев и включение их в состав Киевского государства начал еще князь Олег. В «Повести временных лет» под 885 г. имеется упоминание о том, что Олег «с уличи и тиверци имяше рать» [4, ч. I, с. 19]. В летописном описании похода Олега на Константинополь в 907 г. уличи не упомянуты среди других участников экспедиции. Возможно, это свидетельствует о том, что они еще не были подвластны Олегу. О тиверцах же говорится как «о толковинах». По мнению большинства исследователей, этот термин следует переводить как «союзники» [2, с. 99—100].

Борьба за покорение уличей и тиверцев продолжалась и в княжение Игоря (912—945). Под 940 г., т. е. годом, предшествующим началу русско-византийской войны и первого похода Игоря на Константинополь, мы находим в Новгородской первой летописи следующее сообщение, относящееся к уличам: «В се лето яшася уличи по дань Игорю и Пересечен взят бысть. В се же лето дасть дань на них Свенелду» [16, с. 110]. Выше, после упоминания о смерти Олега, в Новгородской летописи уже говорилось о войне Игоря с древлянами и уличами, о том, что дань с уличей была отдана Свенельду, который осаждал их город Пересечен три года «и едва взял» [16, с. 109]. В это время, согласно летописи, уличи жили «по Днепру вниз». В «Повести временных лет» первоначальная территория, занимаемая уличами, указана более точно «по Днепру оли до моря» [4, ч. I, с. 14]. Итак, первоначально уличи жили на территории между Днепром и Южным Бугом, в нижнем течении Днепра, вплоть до Черного моря [17]. После взятия Пересечена они, согласно летописи, переселились «межи Буг и Днестри седоша тамо» [16, с. 109], очевидно, не желая подчиняться киевскому князю [18, с. 163]. Но когда произошло это переселение? Новгородская первая летопись упоминает о войне Игоря с древлянами и уличами в начале самостоятельного правления князя [16, с. 109]. В «Повести временных лет» война против древлян также отнесена к первым годам самостоятельного княжения Игоря, т. е. к 914 г. [4, ч. I, с. 31].

Можно предположить поэтому, что война с уличами, как и с древлянами, началась в 914 г. Осада уличского города Пересечена продолжалась 3 года, следовательно, он мог быть взят в 917 г., причем, право сбора с него дани было предоставлено Свенельду, воеводе Игоря.

Ряд исследователей допускают возможность основания уличами нового Пересечена, в память о старом, захваченном ранее [19, с. 252]. Таким образом, переселение уличей в междуречье Южного Буга и Днестра состоялось, по-видимому, после 917 г. и окончилось в 30-е гг. Вероятно, к этому же времени, к концу 30-х годов, относится покорение Игорем и тиверцев, западных соседей уличей, живших между Днестром и Прутом вплоть до Черного моря и устья Дуная [18, с. 168, 189—190]. В походе Игоря на Константинополь 943 г. тиверцы участвуют уже как составная часть войска, не выделяются из других восточнославянских племен, подчиненных великому князю, в то время, как участие наемных союзников-печенегов особо оговаривается в летописи [19, с. 253].

К началу 40-х годов с подчинением уличей и тиверцев все восточнославянские племена за исключением вятичей были уже объединены под властью киевского князя. Таким образом, была в основном решена важная государственная задача. Подчинение тиверцев и уличей, кроме того, приобрело важное стратегическое значение в условиях начавшейся русско-византийской войны и похода Руси на Константинополь, так как для успеха похода Игорю был необходим прочный тыл. Дело в том, что движение русских судов на Константинополь осуществлялось на значительном участке вдоль берегов Черного моря, заселенных этими племенами. И хотя в то время уличей и тиверцев уже начали теснить с берегов печенеги [20], движение мимо подвластной территории было более удобным, создавая возможность для безопасной высадки на берег с целью пополнения запасов продовольствия и воды и для ремонта поврежденных судов.

Покорив тиверцев, Игорь включил, таким образом, в состав Древнерусского государства земли между Днестром и Прутом. Однако на южную часть Пруто-Днестровского междуречья, по всей вероятности, претендовала в этот период и Болгария [21, с. 20; 22—24]. Источники не содержат данных о том, была ли в это время завоевана Русью именно эта, южная часть. По всей видимости, ее завоевание было ко времени русско-византийской войны лишь начато и продолжалось в 40—50-х годах. Так, на одном из городских центров на данной территории, археологически связываемом с Первым Болгарским царством, — Калфе следы разрушений оборонительных сооружений относятся к середине X в. [21, с. 5]. Из

письменных источников мы располагаем лишь сообщением византийского императора Константина Багрянородного, который в трактате «De administrando imperio» отмечает в качестве крайней северо-восточной границы Болгарии устье Дуная [25, 26]. Мы можем предположить, что столкновение интересов Руси и Болгарии в Прутско-Днестровском междуречье могло привести к обострению отношений между двумя государствами. Однако из-за тяжелого внутривосточного положения и появления угрозы венгерского вторжения царь Петр не имел возможности начать войну с сильным Киевским государством. Естественно, что в подобных условиях он, по всей видимости, стал искать иные пути противодействия активным акциям Руси в Северо-Западном и Западном Причерноморье. Именно такая позиция болгарского двора, по нашему мнению, и проявилась в 941 г., когда князь Игорь отправился во главе значительного войска в поход на Константинополь. Болгары, внимательно следившие из своих задунайских форпостов за положением дел на Руси, узнав о движении войска Игоря, немедленно известили об этом Константинополь, причем их вестник опередил даже посланных много ранее гонцов от херсонской стратегии. Об этом прямо сообщается в русской версии Жития Василия Нового: «По неколицех же днех приде весть о сих (войске Игоря. — В. Н.) и от Болгар ино по мнозех днех возвести и Корсунский стратег оуже тем явившемся и тоу ся им приближившем» [3, ч. II, с. 458]. Петр рассчитывал, по-видимому, на разгром русских войск византийским флотом и, таким образом, на срыв плана неожиданного нападения Игоря на столицу империи.

В свете болгаро-русских отношений того времени становится ясным и сам характер похода князя Игоря. Поход киевского князя Олега на Константинополь в 907 г. был осуществлен, как известно, «на конех и на кораблех» [4, ч. I, с. 24], т. е. являлся комбинированным — морским и сухопутным, причем болгары, заключив, как полагает А. Н. Сахаров, с Русью тайное соглашение, пропустили сухопутные войска киевского князя через свою территорию [27]. Был ли таким же комбинированным поход 941 г.? Ряд исследователей, опираясь на спорное толкование русским востоковедом А. Я. Гаркави одного отрывка сочинения арабского историка и географа Ал-Масуди (915—956) «Книга предупреждения и пересмотра» (956) (Гаркави отнес данные этого отрывка к походу Игоря 941 г.) [28], высказывали предположение, что этот поход был также морским и сухопутным [29; 6, с. 91]. Однако в настоящее время В. М. Бейлисом убедительно доказана полная возможность связать свидетельства Ал-Масуди с событиями более позднего времени (954—956) [30]. Ни в каких иных источниках известий о сухопутных войсках Игоря не содержится. В свете сказанного выше этот факт представляется вполне закономерным: в условиях напряженных отношений с Болгарией князь Игорь должен был отказаться от мысли использовать в походе сухопутное войско, поскольку рассчитывать на его свободное продвижение через болгарскую территорию было бы опрометчиво. Следует учесть при этом и сообщение «Повести временных лет» о том, что в 943 г. болгары известили Константинополь о движении русских сухопутных сил и морского флота, тогда как в 941 г., во время первого похода князя Игоря, болгары уведомили о приближении лишь морских сил, насчитывавших «скедий 10 тысяч» [4, I, с. 33]. Действительно, из летописи известно, что поход 943 г. был комбинированным — морским и сухопутным. Именно поэтому, в 943 г. болгарский двор известил императора о движении не только морских, но и сухопутных сил, представленных печенегами: «Идут Русь и наjali суть к собе печенеги» [4, ч. I, с. 33], тогда как херсонский стратег располагал сведениями о приближении только русского флота: «Се идут Русь бесчисла корабль, покрыли суть моря корабли» [4, ч. I, с. 33]. Поэтому мы склоняемся к мнению о большей обоснованности предположения, согласно которому поход 941 г. был лишь морским. Этот поход Игоря на Константинополь, как известно, окончился для Руси неудачно. Русский флот был разгромлен и сожжен византийцами у входа в Босфор. Игорю с небольшой частью войска удалось вернуться на родину [7, с. 231].

В 943 г. Игорь, наняв варягов и заключив союз с печенегами, вновь отправился во главе большого войска против Византии. Однако империя, переживавшая тогда серьезные внутренние и внешнеполитические затруднения, попыталась предотвратить столкновение. Послы императора, встретившие Игора на Дунае, предложили ему заключить мир, обещая выплачивать Руси дань, ббольшую, чем получал Олег; богатые дары были посланы и союзникам Игора — печенегам. Игорь заключил с империей мир и вернулся в Киев. Через год, осенью 944 г. был оформлен русско-византийский договор. Война с империей окончилась [2, с. 226—233]. Вернемся, однако, к основному сюжету статьи, а именно — вопросу о том, каковы были отношения Руси с Болгарией в 943—944 гг.

В «Повести временных лет» говорится, что Игорь, после заключения мира с империей, «повеле печенегом воевати Болгарску землю» [4, ч. I, с. 34]. Большинство исследователей рассматривают этот акт русского князя как попытку Игора как-то рассчитаться с печенегами за участие в походе, поскольку их надежды на военную добычу в Византии не оправдались. Действуя таким образом, Игорь, кроме того, отводил от Руси угрозу печенежского вторжения, толкнув воинственных кочевников против Болгарии [31; 12, с. 519; 10, с. 115; 32; 14, с. 372]. В историографии предпринята попытка также связать с этими событиями так называемую Добруджанскую надпись, выбитую кириллицей на известняковом блоке, который был найден в 1950 г. у села Мирча-Водэ (Добруджа, Румыния) румынским археологом Э. Комша [33]. Начало этой надписи не сохранилось, в оставшемся же тексте имеется дата — 6451 г. (т. е. 943 г.) и читается текст: «...против греков... при Дмитрии жупане» [34].

Уже М. Н. Тихомиров, связывая эту надпись с событиями второго похода Игора, сослался на близкую к надписи дату похода (согласно летописи — 944 г.) и место находки (Добруджу), через которое, по его мнению, «лежал обычный путь русских войск и печенегов, двигавшихся в Болгарию» [35]. В. Гюзелев при атрибуции надписи указывает также на датировку второго похода Игора Н. Половым 943 годом [36, с. 44—46]. Однако исследователь истолковывал факт нападения печенегов на Болгарию как дело рук только Византии. В ходе переговоров на Дунае Игорю было поставлено условие, чтобы печенеги напали на Болгарию. С этой целью император послал печенегам дары. Таким образом, печенеги действовали, согласно трактовке В. Гюзелева, как орудие не Киева, а Константинополя. Упомянутого в надписи жупана Димитра он считает правителем первой из болгарских областей, на которую тогда напали печенеги, полагая, что жупан находился в крепости, где и обнаружена надпись, что он одержал победу над печенегами и повелел увековечить это событие в памятной надписи [36, с. 46]. Точка зрения В. Гюзелева на болгаро-печенежские отношения того времени оспаривается, однако, И. Божиловым [37, с. 60]. По мнению И. Божилова, византийцы послали дары печенегам потому, что рассматривали их в качестве самостоятельной военной силы наряду с дружиной Игора, которой также были отправлены дары. Что же касается причин нападения печенегов на Болгарию, то И. Божилов поддерживает принятую большинством исследователей и упомянутую нами выше точку зрения.

Следует отметить, что ни один из названных исследователей не попытался установить причинно-следственную связь между нападением печенегов и отправлением, несомненно, по распоряжению Петра, вестника в Константинополь с сообщением о движении русских. Лишь А. Н. Сахаров, говоря о печенежском вторжении в Болгарию, писал: «Таков был ответ Руси на враждебные действия Болгарии во время русско-византийской войны 941—944 гг.» [9, с. 87]. Высказанная А. Н. Сахаровым гипотеза не была, однако же, в полной мере аргументирована данными источников.

Для анализа интересующих нас событий попытаемся выяснить значение сухопутных сил киевского князя в походе 943 г. Согласно летописи, цель похода состояла прежде всего в том, чтобы отомстить за поражение 941 г. В 943 г. болгарский двор снова продемонстрировал

свою враждебность по отношению Руси. Поэтому и в данном походе рассчитывать на свободный проход сухопутных сил через территорию Болгарии для последующего наступления на Византию также не приходилось. Мы предполагаем в связи с этим, что с самого начала похода Игорь отводил печенегам роль силы, способной нейтрализовать воинский потенциал Болгарии и не дать Петру возможности принять активное участие в военных действиях против Руси. Войско Игоря было остановлено византийцами на Дунае, здесь князь вступил в переговоры с послами императора. Это несколько отсрочило набег печенегов на Болгарию. Однако и после успешного завершения переговоров Игорь не отменил своего прежнего решения; заключив с Византией соглашение, он продолжал считать Болгарию враждебным государством. Рассматриваемые события крайне важны и для понимания общей направленности подлинного (нередко маскируемого дипломатической игрой) политического курса империи в отношении Болгарии. Вопрос о ней не мог встать в ходе переговоров на Дунае, но Византия не предприняла ничего в защиту своего союзника [38] подобно тому, как она поступала и в своих отношениях с венграми. вполне вероятно, что империя желала также отвести от себя угрозу печенежского вторжения, поспешив откупиться от печенегов дарами и бросив Болгарию на произвол судьбы. В числе болгарских областей, подвергшихся нападению, была, очевидно, и «административная область, включавшая Добруджу или часть ее» [33, с. 15], во главе которой стоял жупан Димитр³. В столкновении с войсками Димитра печенеги, по-видимому, действительно потерпели поражение, что и поспешил увековечить в надписи жупан, отметив при этом, что печенеги были союзниками киевского князя, выступившего «против греков», т. е. против Византии [33, с. 51]. Не исключено, однако, что дальнейшее ослабление Болгарии входило в расчеты императорского двора, и византийская дипломатия и на этот раз не упустила возможности содействовать организации еще одного удара чужими руками по своему северному соседу, недавнему опасному сопернику.

Проведенный нами анализ источников не дает, таким образом, права на заключение о полной подчиненности антирусской политики Болгарии 941—943 гг. интересам политики византийской, хотя этот фактор и сыграл в рассмотренных событиях известную роль, важное значение имели здесь также временно обострившиеся в этот период болгаро-русские противоречия, обусловленные столкновением интересов двух государств в Прутско-Днестровском междуречье.

Результатом действия двух упомянутых факторов и явилась, по нашему мнению, враждебная политика Болгарии в отношении Древней Руси во время двух походов русских войск на Константинополь. Как ответ Руси на эту политику следует, видимо, рассматривать печенежское вторжение в Болгарию по повелению князя Игоря, охватившее в числе других административных болгарских областей и Добруджу. Вряд ли будет слишком смелым предположение, что и Древняя Русь и Болгария извлекли урок из описанных событий и акций византийской дипломатии в ходе конфликта 943—944 гг.: уже в 945—946 гг., в начале правления княгини Ольги, добрососедские отношения между двумя славянскими государствами были вновь и надолго восстановлены [40].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII века. — В кн.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
2. Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
3. Вилинский С. Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. ч. I—II. Одесса, 1911—1913.
4. Повесть временных лет. Ч. I—II./Под ред. В. П. Адриановой-Перетц М.—Л., 1950.

³ Неизвестно, в силу каких причин Г. Б. Федоров и Л. Л. Полевой считают жупана Димитра союзником князя Игоря [39].

5. Половой Н. Я. О дате похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа.— Византийский временник, т. XIV. М., 1958.
6. Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников).— Византийский временник, т. XVIII. М., 1961, с. 92.
7. Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX—X вв.— В кн.: История Византии. Т. 2. М., 1967.
8. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
9. Сахаров А. Н. Балканские походы Святослава и дипломатия Древней Руси.— Вопросы истории, 1982, № 2.
10. Михайлов Е. Руси и болгары през ранното средновековие.— Годишник на Софийски университет, Исторически факултет, 1975, т. 66, кн. 3.
11. Дринов М. С. Южные славяне и Византия в X в. М., 1876, с. 69.
12. Златарски В. Н. История на българската държава през средните векове. Т. I, ч. 2. София, 1971.
13. Мутафчиев П. История на българския народ. Т. I. София, 1943, с. 325.
14. История на България. Т. 2. София, 1981.
15. Петровский Н. М. Письмо патриарха константинопольского Феофилакта царю Болгарии Петру.— Известия Отделения русского языка и словесности АН, т. XVIII, вып. 3 (1913), с. 356—372.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950.
17. Рыбаков Б. А. Уличи.— Краткие сообщ. Ин-та истории материальной культуры, 1950, вып. 35, с. 5—19.
18. Хынку И. Г. К вопросу о расселении тиверцев и уличей в Поднестровье.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Сборник статей, т. I. Кишинев, 1972.
19. Федоров Г. Б. Тиверцы.— Вестник древней истории, 1952, № 2.
20. Федоров Г. Б. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры юго-запада СССР.— Краткие сообщ. Ин-та археологии, 1965, вып. 105, с. 27.
21. Чеботаренко Г. Ф. Материальная культура Первого Болгарского царства в Прутско-Днестровском междуречье.— Автореф. диссерт. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1968.
22. Чеботаренко Г. Ф. Калфа. Городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, 1973, с. 76—87.
23. Коледаров П. Ст. Историческата география на Северозападното Черноморие по данните на Константин Багренородни.— Исторически преглед, 1977, № 3, с. 56—59.
24. Божилев Ив. Анонимът на Хазе. София, 1979, с. 97.
25. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. / Ed. Moravcsik G., Jenkins R. Budapest, 1949, vol. I, cap. 9, p. 62, 97—101.
26. Търкова-Заимова В. Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. София, 1976, с. 32.
27. Сахаров А. Н. За похода на Олег срещу Византия през 907 г. и за първия русско-български съюстен договор.— Исторически преглед, 1978, № 2, с. 72—74.
28. Гаркави А. Я. Неизданное свидетельство Масуди о походе русских на Царьград.— Журнал Министерства народного просвещения, ч. 40. СПб., 1872, с. 220—239.
29. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 141.
30. Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в.— В сб.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 28.
31. Rambaud A. L'empire grec au dixieme siècle. Paris, 1870, p. 379.
32. Коларов Хр. Средновековната българска държава (уредба, характеристика, отношения с съседните народи). Велико Търново, 1977, с. 67.
33. Божилев Ив. Надписът на жупан Димитър от 943. (Теория и факти).— Известия на Окръжния исторически музей и българското историческо дружество. Толбухин, 1973, т. I, с. 37—57.
34. Богдан Д. П. Добруджанска надпись 943 г. (Палеографический и лингвистический очерк).— Romanoslavica, I. București, 1958, p. 90.
35. Тихомиров М. Н. Начало славянской письменности в свете новейших открытий.— В кн.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 170.
36. Гюзелев В. Добруджанският надпис и събитията в България през 943 г.— Исторически преглед, 1968, № 6.
37. Божилев Ив. България и печенезите.— Исторически преглед, 1973, № 2.
38. Vrooping R. Byzantium and Bulgaria. London, 1975, p. 69.
39. Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973, с. 320.
40. Литаврин Г. Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв. (в печати).

СОФРОВА Л.

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛЬСКОГО ИСКУССТВА XVIII—XIX ВЕКОВ

Деятели культуры польского Просвещения, как и все европейские просветители, осознали свое время как особый период в истории культуры и, частично выполнив задачи будущих исследователей XVIII в., определили ее тип, основные цели, наметили путь дальнейшего развития. По их представлениям культура должна полностью отвечать требованиям общества — художественным, идеологическим, политическим; быть важнейшим средством его воспитания и иметь в основе национальные традиции. Создатель культурных ценностей обязан ставить и решать общественные задачи искусства, обладать высокой профессиональной техникой, служить примером идеального гражданина. В силу этого его произведение приобретает воспитательную функцию и правильность формы. Читатель, зритель, чтобы правильно воспринять произведение, должен иметь некоторую подготовку и видеть в искусстве не развлечение, а науку.

На протяжении своей истории польская культура выдвигала и выполняла подобные требования, хотя и не всегда последовательно, так как на первом плане в эстетической теории находились нормы художественного языка. Только в XVIII в. они были высказаны с такой полнотой и определенностью, что и превратило их в реальные факторы развития культуры. Зачастую уже известные суждения о роли искусства, о задачах художника, о взаимодействии искусства и общества перестроились, сгруппировались и превратились в идейно-художественную программу, правда, окончательно не сформулированную. Следуя традициям, одни просветители декларировали ее в поэтиках, как Ф. Дмоховский; другие, выполняя требования литературной культуры нового типа, выступали на страницах журналов, ставших основными проводниками философии и идеологии Просвещения («Монитор», «Забавы пшiemне и пожитечне»), как И. Красицкий, знакомили общество со своей программой в критических статьях, эссе, предисловиях, как А. К. Чарторыйский, Ю. Шимановский.

Критика в эпоху Просвещения занимала все большее место в культуре, превращая замкнутую теорию искусства, которой ранее владел только круг специалистов, в широко пропагандируемые знания о литературе, театре, культуре, их значении в истории народа и современной общественной жизни. А. К. Чарторыйский писал в предисловии к комедии «Кофе»: «Критика — это горнило, в котором закаляется талант... Только критика может определить ценность литературных произведений разных родов... Только критика может усовершенствовать наш вкус» [1].

Иногда различные способы изложения идейно-эстетической программы совпадали, сливались, что наметилось еще в сочинении Ст. Конарского «Об искусстве правильно мыслить и говорить», в трудах Ф. Голяньского, Ф. К. Дмоховского, М. Фиялковского.

Представления о литературе, и шире — о культуре, были не только результатом абстрактного теоретизирования, но и итогом изучения со-

временного искусства. Литература и театр в наибольшей степени сконцентрировались в себе характерные черты польской культуры последней трети XVIII в., и к ним обратились теоретики искусства, значительно расширив границы старой нормативной поэтики, введя в нее новый круг проблем. Литература была более привычным материалом, чем театр. Но теперь и в связи с театром делали выводы об отличительных свойствах польской культуры, об ее отношении к западноевропейским образцам, как А. К. Чарторьский в предисловии к комедии «Кофе». Кстати, эта комедия послужила Ю. Шимаховскому поводом для написания «Писем о вкусе» (1779). Театру был посвящен цикл статей И. Красицкого в «Мониторе».

Новое понимание культуры выкристаллизовывалось в пределах теории искусства XVIII в., в которой общее доминировало над частным и которая утверждала универсальную, единую художественную и идеологическую систему. Оно формировалось по мере решения таких проблем как искусство и природа, автор и произведение, по мере изменения отношения к эстетическим нормам, которые стали трактоваться не как абстрактные проблемы теории искусства, а как конкретные вопросы развития польского искусства, и получили новый, чрезвычайно важный аспект, определивший все дальнейшее развитие польской культуры XVIII—XIX вв., начали соотноситься с категорией национального, активно складывавшейся в трудах Ст. Сташица, Г. Коллонтая, Ф. С. Езерского.

Эти выдающиеся деятели культуры Просвещения определили понятия нации, народа, доказали, что обязательным скрепляющим звеном нации является не только государственная общность, но и ее моральное единство. Его, соответственно, может обеспечить только образование и воспитание народа, основанное на общности исторического опыта. Воспитывать народ должна не только школа, но и искусство. Излагая универсальную концепцию искусства, просветители декларировали необходимость приспособления ее к отечественным условиям. Но все же в эпоху Просвещения вопрос о национальных особенностях культуры еще не получил прав на самостоятельность, не полностью отделился от других. И хотя художественная практика, не всегда согласовываясь с теорией, опережала ее и уже давала образцы национального искусства, теория еще не вывела его формулу.

Мы попытаемся выявить национальный аспект эстетической теории XVIII в., проследить его развитие, показать, как оно привело к формированию новой концепции искусства. Для этого мы обращаемся к основным понятиям поэтики того времени: подражанию (образцам и природе), правилам и дидактической функции искусства.

В эпоху Просвещения теория искусства, поэтика, как и ранее, продолжала оставаться нормативной и представляла собой свод правил, по которым художник создавал произведения, но сам этот свод значительно упростился. Частные моменты построения текста, отдельные художественные приемы меньше занимали просветителей, чем их предшественников. Они больше интересовались общим смыслом, предназначением произведения, чем принципами его построения [2]. Стало иным соотношение между редуцированными правилами построения текста и общими вопросами содержания искусства, его общественной функции, всегда входившими в круг проблем поэтики, но теперь оказавшимися на первом плане. Они начали доминировать в теории искусства.

Эстетическая теория постепенно теряла характер доктрины, все больше опиралась на художественную практику и потому приобретала «польские» очертания, что находило соответствие и непосредственно в художественной жизни.

Писатели, поэты, драматурги быстро проходили этап переводов и адаптаций произведений западноевропейской литературы, приравнивая их к польским вкусам. «Пока не поднимется национальный гений на ту ступень, когда сам себе и другим может служить примером, нужно сначала, чтобы от других учился, так как и те не иначе совершенствовались», — сказал однажды И. Красицкий [3], и в этой фразе сконцентрировались

представления того времени и о необходимости обучения и об обязательности мастерства. Приспосабливает для нужд школьной сцены, почти непосредственно смыкающейся с национальной, французскую комедию Ф. Богомолец. По пути, намеченному им, пойдет затем в Национальном театре Ф. Заблоцкий, который перерабатывал для варшавской сцены итальянские и французские пьесы. Наблюдая окружающую его жизнь, из адаптатора он выросстал в подлинно национального драматурга. Ф. Заблоцкий вывел на сцену целый ряд олицетворений национальных недостатков и противопоставил им героев, неукоснительно выполняющих правила общественного поведения, выработанные просветителями.

Адаптация западноевропейских образцов, наполнение готовых схем, которые предлагал классицизм, польским содержанием, осуществлялись так активно потому, что и литература, и театр были подчинены единому заданию — распространению идеологической программы Просвещения. «Эстетическая концепция обосновывалась не столько в сфере теоретических спекуляций, сколько общественно-политической ролью литературы, трактуемой как орудие борьбы за реформы и преобразование человеческой личности» [4].

Чему и как должен был подражать художник Просвещения? Прежде всего — античному искусству. В трансформированном виде предлагал его образцы и французский классицизм. Собственные художественные традиции имели пока меньшее значение. Но деятели культуры во многих произведениях старопольской литературы видели примеры, достойные уважения и подражания. Такое отношение к ним послужило основой представлений о преемственности национальной литературы, так формировалась начала ее истории. Ф. К. Дмоховский интересовался, например, истоками польской литературы, колендами, «Богородицей», высоко ценил творчество Я. Кохановского, писателей и поэтов XVII в. — К. Опалиньского, В. Коховского, С. Твардовского, С. Потоцкого. Третью песню своего «Искусства стихосложения» он посвятил театру, определив задачи драматурга, различия между комедией и трагедией. Он остановился и на школьном театре, но, правда, говорил о нем только в иронических тонах, хотя и отметил значение для польской драматургии творчества Ст. Коварского, Ф. Богомольца. Число примеров в поэтиках увеличивается, простое перечисление постепенно превращается в историко-литературные экскурсии. Иногда сами писатели называли старопольские образцы, которым они следовали, как например, Г. Петровский, чье сатирическое произведение именовалось «Сатир против мнений и испорченности нашего века на манер Сатира Яна Кохановского, князя наших поэтов...» (1773). Поэты-просветители посвящали поэтам-классикам свои произведения, прославляя их как Ф. Д. Князьнин Я. Кохановского. Таким образом, категория примера, образца в польской культуре XVIII в. не была лишена национального содержания, что говорит об осознании просветителями роли отечественных культурных традиций, хотя в целом эпоха Просвещения к этим культурным традициям относилась отрицательно.

Каждая эпоха может отталкиваться от опыта предшественников, выдвигать свою художественную программу. Отношение подобного рода скрывает в себе не только оценку, но и тенденцию к развитию. Хотя сделанное предшественниками и отрицается, оно, тем не менее, входит составной частью в новое искусство, новую культуру. Оно становится точкой отсчета, собранием, если так можно выразиться, антиобразцов, в отталкивании от которых легче создавать новое. Таково соотношение Просвещения и барокко.

Так, Ф. Н. Голяньский решительно отказывался от барочной поэтики. Ф. К. Дмоховский выступал против романа, панегирика, стихов на герб, высмеивал барочные проповеди и вообще приемы риторики. И. Красицкому мишенью критики служили панегирики, акростиhi, «Гербы польского рыцарства» Б. Папроцкого, его мифологические поэмы. Т. К. Венгерский выступал против всеобщего увлечения стихами на случай. Но так как просветители стремились прежде всего к созданию нового содержания искусства, а не новых художественных форм, хотя как в их обще-

ственно-эстетическую программу в первую очередь входили идеологические, этические требования, они могли высказывать их, пользуясь средствами различных художественных систем, в том числе и барокко. Отдавая должное классицизму, уловив новые веяния рококо, сентиментализма, преромантизма, они часто обращались к барокко, язык которого был привычен и понятен обществу, во многом сохраняли идущие еще из XVII в. представления о мире и человеке, об искусстве. Потому, хотя Просвещение и противопоставляло себя предшествующей культуре, на самом деле содержало в себе ее пласт. Барокко еще не было изжито и функционировало, особенно в провинциальных культурных центрах. Его элементы можно найти и у ведущих писателей и драматургов конца XVIII в. — А. Нарушевича, Ф. Заблоцкого, поэтов барской конфедерации. Барокко сравнительно долго просуществовало в Польше, развилось в самостоятельный, национальный вариант, оказалось очень «польским». «Ни в одну эпоху нашей культуры, начиная от Ренессанса и кончая позитивизмом, Польша не создала столь оригинальных и своеобразных форм цивилизации, как именно в XVII в.» [5]. Проникновение барокко в эпоху Просвещения — одно из важнейших проявлений национальных традиций польской культуры в XVIII в.

Не только художественная система XVII в., но и элементы прежней идеологии продолжали функционировать в XVIII в. Обычно культуру Просвещения рассматривают как культуру нового типа, одной из основных отличительных черт которой называют борьбу с сарматизмом. Сарматизм содержал в себе наиболее характерные и преимущественно отрицательные черты польской идеологии, представления об истории, устройстве общества, о положении страны на карте Европы. Борьба с ним просветителей была сражением не только с прошлым, но относилась и к настоящему. Сарматизм в его различных вариантах одновременно с идеологией Просвещения входил в систему польской культуры второй половины XVIII в. и потому, видимо, эту культуру следует рассматривать как слагаемое двух противоборствующих начал, сарматского и просветительского [6]. Второе реализовало себя в противодействии с первым так же, как и в позитивной программе. Кроме того, сам сарматизм не был явлением однородным. Литература, театр, публицистика обличали проявления сарматизма, тормозившие развитие польского общества: консервативность, традиционализм, ксенофобию, приверженность к *liberum veto*, архаический тип бытового поведения, феодальный характер отношения к труду и богатству, отсутствие подлинного патриотизма. Но по мере углубления интереса к национальной истории, формирования оценок ее отдельных этапов, по мере развития современных политических событий, просветители обнаружили в сарматизме и достоинства — прежде всего в следовании национальным традициям.

В сарматизме обнаружили другие черты: сармат оказался мужественным воином, защищавшим родину и веру, пренебрегавшим легкомысленными европейскими новшествами, которые теперь сбивали с толку молодое поколение. Сарматизм переставал восприниматься как окостенелый организм, который просветители иногда пытались отнести к давно прошедшим временам, и стал составной частью идеологии, культуры второй половины XVIII в. Возникла категория просвещенного сарматизма, контаминирующая противопоставленные начала. Сармат стал интерпретироваться как носитель чисто национальных черт, как национальный характер (ср. «Предостережение Польше» Ст. Сташица, просветительские комедии). Таким образом, в столкновении просветителей с сарматизмом происходило осознание и оценка национальных традиций. Сражение, данное сарматизму, оказалось двойной победой польской культуры. Она, проходя следующий этап эволюции, сохранила свою основу, не разрушила полностью старое и сумела вычленив из него то, что способствовало росту нового.

Согласно теории XVIII в. не менее важные образцы, чем искусство, предоставляла художнику природа, которая понималась и как общий миропорядок и как сама жизнь. Обычно ей следовали, подражая худо-

жественным образцам и представляя ее создания в более современном облике. В русле идей подражания природе развивалась идея обращения к отечественному материалу, к той жизни, которая реально окружала художника. Распространились представления о том, что материалом для воспроизведения может служить не только античная, но и национальная история. Это прослеживается на развитии польской трагедии, которая, начиная со школьной и магнатской, все чаще обращается к сюжетам из польской истории. «Владислав под Варной» — это название трагедий В. Жевуского и Ю. У. Немцевича. Последнему принадлежит также драма «Казимеж Великий» (1792). Сюжеты, почерпнутые из иностранной истории, приобретают значение параллелей с польскими событиями. О Густаве Вазе написал трагедию Л. Кропиньский (1797) и посвятил ее борьбе с тиранией, развивая параллель: Ваза — Костюшко. Сюжеты мифологизированной истории разрабатывали поэты («Дума Лукерды» Ф. Карпиньского).

В меньшей степени, чем к истории художники обращались к современной им жизни, но и она постепенно занимает свое место и в художественном отображении и в теории. Г. Коллонтай выдвигает, например, требование показать в литературе национальный характер: «Знакомство с обычаями наших горцев, но знакомство только с хорошей стороны, должно быть темой польских идиллий» [7]. Правда, в литературе, театре сначала фигурируют антиобразцы. Современная действительность в отличие от истории, этого собрания положительных примеров, отображается в сатирических тонах (ср. «Сатиры» Ю. У. Немцевича, А. Нарушевича, бытовые комедии, комедии нравов).

Так польская жизнь и польская история входят в искусство, делая национальным его содержание. Постепенно частные обращения к истории и современности в нравоучительных или обличительных целях превращаются в общий художественный принцип, доказательством чего служит появление романов И. Красицкого «Приключения Миколая Досьвядчиньского», «Пан Подстолий» [8].

Успешно подражать природе и образцам можно было только верно следуя правилам и законам, которые просветители стремились выявить повсюду. Категория порядка была доминирующей, диссонанс был изгнан отовсюду. Гармонии добивались и видели ее во всем: гармонично был устроен мир, к гармонии — в идеале — стремился человек и общество в целом. Открытие законов, по которым идет жизнь природы, общества, привело бы к совершенной гармонии и преобразованию жизни человека. Столь разумное подчинение им могло обеспечить его личное и общественное счастье (Г. Коллонтай). Точно так же только выполнение правил могло привести к созданию совершенных произведений. Вспомним, что Дидро вообще оценивал искусство как «собрание правил следования природе способом соответственным для тех, кто ей следует», хотя нельзя преувеличивать неукоснительность действия этих правил (например, могли нарушаться законы жанра, на сцене необязательно соблюдались все три единства). Эти отступления иногда находили поддержку и у теоретиков, в частности анонима Театрального в «Мониторе» (1786), или Митцлера де Колофа в «Письмах ученого», в чем можно видеть первые признаки распада системы поэтических норм. Она не выдерживала натиска новых требований, обусловленных общими изменениями в теории искусства. Постепенно завоевывали свои права понятия вкуса, о котором писал Ф. Голяньский, и оригинальности. Они оказались важнее правил.

Требования оригинальности занимают все более заметное место в высказываниях критики. В этом смысле показательным замечание Ф. Дмоховского об Эдварде Юнге: «Враг всего того, что отдает подражанием, он последовал за своим воображением и стал оригинальным писателем» [9], или рассуждение Ф. Карпиньского о свободе поэта в выборе творческого пути. Универсальные качества произведения, благодаря которым оно могло быть отнесено к определенному жанровому ряду или поставлено наравне с произведениями других литератур, уже не считались его лучшими качествами. В системе оценок они были заменены другими достоин-

ствами — индивидуальным почерком писателя, национальными особенностями его творчества. Представления о личной и национальной индивидуальности складывались не сразу, примером чего могут послужить рассуждения И. Красицкого о поэтах, не рассчитавших свои силы и злоупотребляющих своим воображением во вред наукам и искусствам [3, S. 45]. Но все же медленный распад системы правил, выдвижение на первый план содержания, общественной функции произведения привели к тому, что от культуры стали требовать национального содержания и постановки общественных задач.

Таким образом, если в той части теории искусства, которая касалась вопросов подражания и образца, новая концепция складывалась на основе расширения круга этих образцов, включения в него примеров, почерпнутых из польского искусства, отечественной истории и современной жизни, то в части, связанной с правилами, она ее не дополняла, а полностью заменяла, отказываясь от правил вообще, акцентируя проблему содержания искусства, что и привело к складыванию его национального облика.

Просветительская философия усилила всегда существовавшую дидактическую линию польского искусства, сделала воспитание общества его главной задачей. В воспитании и образовании просветители увидели первую и необходимую ступень общественного развития. Получив должное воспитание — прежде всего моральное — не только в школе, но и в театре, и путем чтения, общество должно успешно перестроиться. Потому теоретики искусства искали способы воздействия на общество, с этой точки зрения рассматривали художественную форму. «Все прекрасное обязательно должно быть полезным», — писал Ст. Пирамович. Чтобы добиться этой пользы, усилить воспитательное значение искусства, деятели культуры «полонизовали» общепросветительскую программу воспитания человечества, приспособляли ее к местным требованиям, наполняли отечественным содержанием.

Искусство воспитывало общество в гражданском духе и потому преподавало ему урок отечественной истории. Дидактическая функция романов, драм приобретала патриотический аспект (ср. посвящение «Девушки на выданьи» А. К. Чарторыского). Просветители не только предлагали образцы для подражания, но и стремились раскрыть действие законов общественной жизни, более того — призывали к ее преобразованию («Возвращение депутата» Ю. У. Немцевича). Искусство эпохи Просвещения — это искусство актуальное, высоко патриотическое, с развитой общественной проблематикой, его герои — условные фигуры, олицетворенные пороки и добродетели, — быстро превращались в реальных, «польских» героев.

Стремясь к тому, чтобы их произведения были понятны и доступны всем слоям общества, просветители обращались к национальным художественным традициям, к народному творчеству. Народные мотивы можно встретить у Ст. Трембецкого, В. Богуславского, Ф. Карпиньского. Элементы фольклора очень скоро перестали быть частностями просветительского искусства, средством привлечения общества. В народном творчестве просветители сумели увидеть действенный фактор формирования национального искусства. Его достоинства были понятны уже Ф. Голяньскому. Г. Коллонтай утверждал, что в фольклоре таятся основные различия всех европейских народов, и следовательно, к нему стоит обращаться, чтобы эти различия определить. Он считал необходимым описать польские обычаи, диалекты, костюмы, обряды, поверья как реликты язычества. Ф. С. Езерский полагал, что народное искусство сохранило отличительные черты духовного облика польского народа. Включение проблем народного творчества в теорию искусства, в зарождавшуюся концепцию национальной культуры, обращение к нему в художественной практике помогало решить важнейшую задачу деятелей культуры конца XVIII в. — спасти страну от морального поражения, объединить духовные силы народа.

Дидактическая функция искусства, усиление которой способствовало развитию его общественно-политической роли, вызывало соответствова-

щие представления о месте поэта, писателя в общественной жизни. Он был обязан не только давать рекомендации и создавать образцы, но и служить образцом. И действительно, драматурги, писатели, поэты активно участвовали в политической жизни страны, как Ю. У. Немцевич, бывший депутатом Сейма, или Я. Бодуэн, драматург, переводчик, автор нескольких политических брошюр в защиту мещанства. Они должны быть этическим идеалом, о чем заявлял еще Ф. Дмоховский (ср. «Моральность духа в песнях, если она проникла в сердце (поэта.— Л. С.)»).

В программе просветителей значительное место занимал вопрос о национальном языке. Одним из первых проблемой языка занялся Ст. Конарский, затем обратился к ней Ф. Дмоховский (ср. «Что мне, если ты прекрасно слагаешь стихи, но нарушаешь согласие между словами, насилуешь язык... Без языка ты не можешь быть хорошим поэтом»). Выступил с «Беседой о языке польском» Ф. Богомолец. И. Красицкий в «Мониторе» («Против презрения к отечественному языку») четко связал представления о правильном польском языке с идейной установкой автора («Если гражданин любит свою родину, он любит и свой язык»), он видел большую опасность в подражании иностранным языкам и стилям. Одним из главных условий развития языка писатель считал сохранение его основы: «Очень полезным способом совершенствования в языке является чтение давно написанных на нем книг» [3, S. 46]. О значении родного языка для развития культуры писали и А. Нарушевич, и Г. Коллонтай, и Ф. С. Езерский, и Ю. У. Немцевич. Умение свободно, естественно выражать свои мысли в известной степени стало мерой патриотизма автора. В сохранении чистоты языка просветители видели одно из условий сохранения национальной культуры. «Национальность,— писал Я. Снядецкий,— стоит на языке и характере».

Итак, просветители наполнили универсальную схему XVIII в. отечественным содержанием. Их искусство было дидактичным, как того требовала эпоха, но эта дидактичность была национально-патриотической по духу. Все пункты их программы по мере ее развития приобретали характер национальных требований. В сложный период польской истории, на рубеже XVIII—XIX вв., искусство взяло на себя роль фактора, объединяющего национальные силы.

Программа просветителей жила еще довольно долго, до 20-х годов XIX в. и даже позднее, но она уже теряла свою силу, расплывалась изнутри, испытывала огромное давление извне, так как рядом с классицистической теорией искусства развивались программы сентиментализма, рококо, преромантизма. Как писал К. Бродзинский, «путь к святыне Аполлона раздвоился». Классики оказались в противоборстве с романтиками, последовательно отрицавшими систему их эстетических взглядов. Романтики отталкивались от классицистической теории искусства и одновременно испытывали зависимость от нее при создании своей собственной, построенной на принципе анализа, а не синтеза.

Они излагали свою систему взглядов на искусство не в поэтиках, а в критических выступлениях, эссе, историко-литературных трудах (А. Мицкевич. «О критиках и рецензентах варшавских», Я. Снядецкий. «О классической и романтических произведениях», Ф. Венжик. «О драматической поэзии»). Критика занимала все более важное место в литературной жизни. Появились профессиональные критики, которые регулярно печатались, как члены общества Иксов.

Борьба романтиков с классиками носила не только литературный характер. Романтики отрицали как эстетические, так и общественные взгляды своих предшественников, в пылу полемики не видя, что было сделано классиками по существу. Только романтизм объявляли единственным путем создания национальной литературы (М. Мохнацкий).

Национальная литература была призвана выразить самосознание народа, он должен был осознать себя в литературе,— считали они,— потому писатели и поэты обязаны воссоздать историческое прошлое своей страны, которое теперь представлялось цепью военных побед и политических удач. Старую Польшу воспевали, сармат оказался идеальным

героем. Он обладал всеми возможными положительными качествами: был суров, мудр, любил родину и науки (М. Мохнацкий. «Несколько слов о статье П. Жуковского об искусстве», 1828 г.).

Литература, искусство, по мнению деятелей культуры, были единственными эффективными средствами, с помощью которых лишенный государства народ мог сохраниться. Об этом писали и А. К. Чарторьский («Мысли о польской литературе»), и М. Мохнацкий («О польской литературе в XIX веке») и П. Я. Воронич («Исследование народных песен»), и Ю. У. Немцевич («История правления Зыгмунта III»). Они формирова-ли представление о нематериальной родине, «сердечной» отчизне. В обществе росла вера в избранничество народа, чей национальный дух могла выразить и поддержать только литература (М. Мохнацкий. «О польской литературе в XIX веке»). Теперь не только история, но и современная ситуация воспринималась как источник национального духа поэзии (И. Лелевель). Так из эстетического, исторического понятие национального превращается в идеологическое, наполняется национально-освободительным содержанием.

При всех различиях программ классиков и романтиков были и сходны. Ф. Голянский оперировал понятием вкуса. А. К. Чарторьский, хотя и декларировал необходимость соблюдения трех единств, выдвигал понятие чувства. И вкус, и чувство не были значимы в классицистической теории, они стали опорными точками эстетической программы романтизма, но зародились ранее и признавались прежде всего сентименталистами. Теоретики романтизма, отрицая программу классиков, не отказывались от дидактической функции искусства, хотя прежде всего их занимала проблема: поэт и общество. Часто эстетические взгляды романтиков и просветителей сплавились воедино как у К. Бродзиньского или В. Богуславского; часто при построении теории они оказывали одинаковое предпочтение одним и тем же видам искусства, как например, театру [40].

Выступая с критикой классицистической теории, романтики выступали против образцов и правил, требуя от польского искусства оригинальности. Категория оригинальности связывалась с занимающими все большее место понятиями чувства, простоты и вкуса, с представлениями о национальном в литературе.

Понятие образца исчезло не сразу. Если призывы к подражанию прекратились, то само подражание еще долго продолжалось, но уже не античным, а по мере возможности отечественным образцам. Подражание было далеко от копирования, художник приобрел большую свободу. Образцы не воспроизводились, на них смотрели как на стимулы творчества, способствующие созданию национальной традиции искусства, на которую затем и опирался художник. Потому меняется отношение к переводной литературе, интерес к ней значительно падает. М. Мохнацкий даже предлагал вовсе от нее отказаться, так как, по его мнению, она только мешает развитию национального духа.

Относительность эстетических правил, как и понятия образца, также осознавалась уже в XVIII в. Ю. Шимановский в «Письмах о вкусе» (1779) писал, что если бы «Поэтику» написал не Аристотель, а кто-нибудь другой, то и правила были бы иными. Он был уверен в том, что правила создаются на основе произведений, а не наоборот, т. е. наподобие теоретиков искусства XIX в. придерживался аналитической теории искусства. Ф. Карпиньский негодовал по поводу цепей правил, сковывающих творческую натуру; аналогично выступал Д. Князьнин. Правила сменил вкус. В отличие от них вкус не претендовал на неограниченные права, не был одинаковым для всех. Вкус определялся как свойство интеллекта, часть разума, которая следит за собственными творениями и анализирует их, или его относили к эмоциям, и тогда именовали «инстинктом сердца». Потому поэт мог не походить на предшественников или современников — его вкус определял его индивидуальность.

Вкусом должен был обладать не только поэт, но и читатель. Как индивидуален был акт создания произведения, так индивидуально было

его восприимчивость, зависящее от читательских вкусов. Это относилось как к отдельному читателю, так и к обществу в целом. Один народ имел право воспринимать искусство по-своему, не так как другие народы. По мнению К. Бродзиньского, поляки, например, сильнее сострадают литературным героям, чем другие европейские читатели и зрители. Им не нужны столь сильные возбудители для возникновения чувства сострадания, какие характерны, например, для драм Шекспира.

Отнесение вкуса к разряду эмоций, определения его как деликатного, чувствительного отражает влияние новой доминирующей категории эпохи — чувства. «Главным содержанием романтизма является борьба с отрицательными свойствами предыдущей эпохи, эпохи Просвещения, особенно с ее узким рационализмом, т. е. борьба за права чувства и интуиции. Борьба с односторонним рационализмом — вот бессмертная, надвосторонняя заслуга романтизма в истории духовной культуры» [11].

Как и в XVIII в., в XIX в. был силен интерес к отечественной истории. Он становится всеобщим, так как других возможностей для выражения интереса к национальным проблемам не существовало. Особенно интенсивно он проявлялся в театре, в драматургии Л. Кропиньского, Т. Лубеньской, А. Хоффмана, Э. Словацкого, А. Ходкевича, Ф. Венжика. Не только далекое прошлое, но и более близкие по времени исторические события интересуют романтиков. Изменилось отношение к XVII в., который был объектом суровой критики просветителей. Нашлись важные точки совпадения художественных и идейных программ романтизма и барокко. В отличие от просветителей, видевших в каждом человеке прежде всего члена общества, романтики вновь выдвинули на первый план личность, ее индивидуальные черты. Теперь все оценивалось сквозь призму личности: народ, государство, природа.

Еще более активно, чем в XVIII в., художники обращались к народному творчеству. Изучение и освоение фольклора, народной культуры стало важным пунктом эстетической программы. Как доминантную черту нового искусства критики отмечали тяготение к поэзии народа. Д. Князьнин переводил песни Оссиана, Залесский выпустил «Песни польские и русинские галицкого народа» [12].

Завоевав большую свободу, художник начала XIX в. в большей степени предоставлял ее читателю. Теперь он из пассивной стороны, только ждущей урока от художника, превращается в активную. Он свободен в интерпретации произведения, которая зависит от его литературной культуры, общественных настроений.

Дидактическая функция искусства явно ослабла. Романтики учили, но не претендовали исключительно на роль учителей, воспитателей общества, эталонов общественного поведения, что не снижало очень высокой оценки поэта. В эту эпоху с новой силой развивается сформировавшееся в античности и известное в средние века, в эпоху Возрождения и барокко представление о поэте-пророке (ср. рассуждение Ф. Венжика о поэтах, которые соединяют прошедшее с будущим).

Романтики по законам своего искусства воспроизводили действительность, и довольно часто это была не какая-то условная действительность, а конкретная национальная жизнь, жизнь одного народа. Искусство в отличие от науки, по мнению романтиков, не могло быть универсальным. Оно непосредственно зависело от объекта воспроизведения. Это воспроизведение не должно было стремиться к точности. М. Мохнацкий прямо писал о том, что сокровища чувства и творческого воображения не следует тратить на отображение дурных сторон жизни, что в стране волшебных иллюзий, какой является искусство, не место тому, что отвращает нас от жизни реальной, даже под прикрытием шумных лозунгов о воспитании общества [13].

Выступая против художественной и идейной программы просветителей, романтики обвиняли их в отсутствии национального духа. Они считали, что XVIII в. крайне узко понимал национальную жизнь и не сумел воссоздать ее в искусстве. Так, М. Мохнацкий называл польскую литературу эпохи Просвещения «копией копии, воспроизведением вос-

произведения». Романтикам казалось, что никаких характерных национальных черт, кроме польского языка и костюма, польская литература и театр XVIII в. не имели. Даже К. Бродзинский, стоявший на умеренных позициях, писал, например, о театре Просвещения: «Автор ... не старался ни о чем больше, как только изменить Париж на Варшаву, а мсье ла Флера на Шчерецкого» [14]. Романтиков пугал универсализм культуры Просвещения, стремление просветителей найти общие черты, объединяющие различные народы, их нежелание видеть индивидуальные особенности различных культур. Они не хотели признавать, что именно в эпоху Просвещения зародились понятия, которыми они оперировали при создании своей концепции, так как сделали решительный шаг вперед в понимании национального. Универсальные категории классицизма сменили новые, художник освободился от правил и образцов, стал оригинальным. Очевидно, что новая художественная программа давала большие возможности для развития идей национального искусства, чем прежняя, но все же смена художественных систем только способствовала усиленному развитию этих идей, а не вызывала их к жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Czartoryski A. K.* Przedmowa.— In: *Komedie*. Warszawa, 1955, s. 322.
2. *Krzyżanowski J.* Historia literatury polskiej. Warszawa, 1974, s. 420.
3. *Krasicki I.* O przekładaniu ksiąg.— In: *Pisma wybrane*. Warszawa, 1954, t. 3, s. 58—59.
4. *Лунатов А. В.* Возникновение польского просветительского романа. М., 1974, с. 25.
5. *Teksty*, 1974, I, s. 44—45.
6. *Problemy literatury polskiej okresu Oświecenia*. Seria druga. Wrocław, 1977, s. 12—16.
7. *Koźłataj H.* List do Jana Maja...— *Wybór pism politycznych*. Warszawa, 1952, s. 420—421.
8. *Лунатов А. В.* Формирование польского романа и европейская литература. Средневековье. Возрождение. Барокко. М., 1977, с. 254—255.
9. *Dmochowski F. K.* Sztuka gumotworcza. Warszawa — Wrocław, 1956, s. 45.
10. *Ростоцкий Б. И.* Адам Мицкевич и театр. М., 1976, с. 26.
11. *Chrzczanowski I.* Romantyzm jako czynnik rozwoju idei narodowości w Polsce.— In: *Optymizm i pesymizm polski*. Warszawa, 1971, s. 277—278.
12. *Виноградова Л. Н.* Первые польские этнографические программы.— *Советское славяноведение*, 1981, № 6, с. 78—90.
13. *Mochnicki M.* Niektóre uwagi nad poeją romantyczną.— In: *Pisma wybrane*. Warszawa, 1957, s. 83.
14. *Brodziński K.* Polska literatura dramatyczna.— In: *Pisma*, t. V. Poznań, 1873, s. 35.

ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ЖАНРА ДУМЫ-БАЛЛАДЫ В ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ И МУЗЫКЕ

Проблема развития жанра думы-баллады в польской художественной культуре — важная часть комплексного изучения различных областей данной культуры, причем аспекты этого изучения непрерывно расширяются. Так, на состоявшейся в Москве в ноябре 1974 г. Международной конференции ЮНЕСКО акад. Ю. Стажинский говорил о «балладности» некоторых произведений изобразительного искусства, в частности, о «наполеоновских» мотивах Коссака, переключаясь, например с балладой Гейне — Шумана «Два гренадера», а отчасти с «Ночным смотром» Глинки и «Воздушным кораблем» Цейдлица — Лермонтова.

Данная проблема разрабатывается как литературоведами, так и музыковедами, причем далеко не всегда учитывается взаимовлияние обеих исследовательских областей, как и национальное своеобразие генезиса этого жанра. В. А. Панкратова, например, справедливо говорит о романских народных балладах средневековья, указывая на их хороводный характер [1], т. е. на элементы пластических движений. Но термин *ballata* (по-прежнему сохранивший в итальянском языке значение «пляска» от глагола *ballare* — плясать) сам по себе не раскрывает генезиса жанра романтической баллады.

Правда, элементы движения, жеста (но не пляски) сохранились в славянской думе, к которой, собственно говоря восходит жанр баллады, как вокально-инструментальной, так и инструментальной, сыгравшей огромную роль в становлении и развитии польской классической музыки. Первые высокие образцы ее в этом жанре неразрывно связаны с творчеством Мицкевича, еще в юные годы задумывавшегося над этим жанром, о чем свидетельствуют его ранние критические опыты. Так или иначе, мы достоверно знаем, что первые две баллады Шопена, по его собственным словам, которые привел Шуман в одной из своих статей [2], были навеяны поэзией Мицкевича. И хотя, по мнению Шумана, Третья баллада несколько отличается от двух предыдущих, все же характерные для Шопена (не только в балладах, но и в сонатах, и в фантазии и в ряде других произведений) образцы определяются именно «балладностью» — и это жанровое определение установилось в международной музыкальной терминологии как «*Alla ballata*» (у немецких авторов — «*Im Balladenton*»).

Перед тем, как, благодаря прежде всего Шопену, установилось это понятие бытующее определение (в советской музыке можно привести в качестве примера «Героическую балладу» для фортепиано и оркестра Арно Бабаджаняна), жанр думы-баллады прошел длительный путь эволюции, на протяжении которого развивались и укреплялись черты его национального своеобразия.

Что касается хронологических рамок этого процесса, то по мнению ряда советских и польских исследователей, тот факт, что первые упоминания об украинских и польских думах относятся к XVI в., не может

исключать возможности существования этого жанра уже в XV в., а в зачаточном виде даже значительно раньше — в XI столетии. Так, проф. Э. Кухарский приводит в качестве наиболее ранних примеров, упоминаемых хронистами, «скорбную песнь», возникшую в связи с отравлением сына Болеслава Смелого в 1089 г. [3; 4] и думу, сочиненную после гибели Лукерды (Людгарды, Луидгарды), супруги Пшемислава II, причем Я. Длугош пишет о широком распространении этой думы, что наводит на мысль о наличии ранних традиций данного жанра, иными словами, о том, что упоминаемая Длугошем дума была не единственным произведением данного жанра, определение которого очень долго оставалось расплывчатым. Учитель Шопена Юзеф Эльснер написал, например, «Думу Луидгарды» на слова Францишка Карпиньского, а Мицкевич в своем «Курсе славянских литератур» назвал это стихотворение «одной из прекраснейших польских баллад» [5].

В период расцвета европейского романтизма, литература оказывала сильное влияние на музыкальное искусство как своей эстетикой, так и непосредственно тематикой, образами и сюжетами. Вокальная баллада вначале была представлена творчеством немецких и австрийских композиторов. В балладах К. Лева (1796—1869), не раз обращавшегося, кстати сказать, к текстам Мицкевича, выявляются характерные черты этого жанра: последовательное (не куплетное) отражение поэтического текста в музыке, наличие изобразительных моментов в фортепианной партии. Классическое развитие жанр вокальной баллады получает в творчестве Ф. Шуберта, Р. Шумана, Ф. Листа, И. Брамса и др.

В России первые профессиональные вокальные баллады были созданы А. А. Плещеевым в начале XIX в. Позже к жанру баллады в вокальной и оперной музыке обращается значительная часть выдающихся русских композиторов (А. И. Верстовский, А. Е. Варламов, М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, С. И. Танеев, А. С. Аренский и др.).

Классический уровень жанра инструментальной баллады в славянской музыке был достигнут впервые в творчестве Ф. Шопена, и, так же как в вокальной балладе, был зачастую стимулирован поэзией, прежде всего поэмами и балладами Мицкевича. Признаки жанра свойственны не только балладным произведениям Ф. Шопена, но и всему наследию великого польского композитора.

До настоящего времени жанр баллады в польском народном творчестве исследован недостаточно полно, о чем может свидетельствовать и первая общепольская конференция («Польская народная баллада» — октябрь 1979 г.), у участников которой «...преобладало стремление отождествить балладу с любой традиционной эпической песней...» [6]. Отчасти это объясняется тем, что сложность проблемы специфики польской народной и профессиональной баллады связана с близостью баллады к жанру думы, наиболее полно отражающему эпический элемент.

Если говоря о балладах, мы не можем указать единый путь их распространения и обмена, отмечая лишь, что «балладное творчество имело общеславянский характер» [7], то истоки возникновения жанра думы и эпицентром его распространения принято считать украинское народное творчество. Думы, как самобытный жанр народной украинской поэзии, возникли в XV—XVI вв. [8, с. 85] и в дальнейшем получили развитие на западнорусских и польских землях.

В известных нам «Анналах» («*Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituorum*») польского хрониста Станислава Сарницкого имеется первое упоминание о думах, относящихся к 1506 г. (году смерти братьев Струсов, о которых пели элегии-думы). Думы, как указывает Сарницкий, исполнялись народными певцами скорбным голосом (*voce lugubri*) и инструменталистами, в частности на свирелях. Пение сопровождалось щипковыми струнными народными инструментами (цитры, кобзы) и такими элементами хореографии, как раскачивание тела, покачивание головой, движения руками и т. п. В исполнении дум пение неразрывно сочеталось с музыкой, танцами, пантомимой, что говорит о

синкретическом характере этого жанра «музыкально-поэтического народного творчества» [9].

Попав на польскую почву, «украинская дума» видоизменила свои жанровые признаки под действием большой преобразующей силы национального фольклора и со временем получила вполне конкретное стилистическое оформление. Речитативность становится более «мягкой», наибольшее развитие получает второй тип формулы окончания думы (по классификации Б. Кирдана [8, с. 102]); в отличие от более суровых по колориту украинских дум в польских думах большое значение имеют личные переживания, что порой приводит к стиранию граней между получившимися распространение в польском народном творчестве, эпической «думой» (с скорбным запевом и драматическим повествованием) и лирико-драматической «думкой».

Исходя из вышеизложенного, мнение о влиянии украинской думы на польских романтиков [10] (в частности, на возникновение польской романтической баллады) мы разделяем лишь с той оговоркой, что это воздействие было не прямым, а опосредованным через польскую думу, имеющую свои отличительные черты.

Намечались и черты сближения жанров народной думы и баллады, которая, попав в репертуар кобзарей и лирников, «...приобретала местами характер свободного речитатива, свойственного думам» [8, с. 88]. Понятия народной думы и баллады не всегда разграничиваются особенно в связи как с украинскими, так и с польскими историческими песнями, которые возникли примерно в одну эпоху с балладами и «...пользовались с ними часто одними средствами» [8, с. 66]. В польском народном творчестве жанр исторических песен интенсивно развивался в XVII—XVIII вв.

Исследователи уже отмечали близость текстов польских исторических песен с думами и балладами [11]. Еще более тесное сближение не только сюжетов, но и образов, идейной направленности отмечается в украинских исторических песнях [12].

Так же как и в народном творчестве, в профессиональной польской литературе далеко не сразу наметились и разграничились жанровые признаки.

К жанру баллады примыкают «Исторические песни» Ю. У. Немцевича, который первоначально, однако, пользовался определением «дума» (например, «Дума о Стефане Потоцком», «Дума о Станиславе Жолкевском» и другие). Заметим, что подобно греческим рапсодам, исполнители декламировали их нараспев.

На это качественное отличие обратил свое внимание А. Мицкевич, с юношеских лет проявлявший неизменный интерес к «думе». 12 декабря 1818 г., на заседании кружка филоматов А. Мицкевич сделал доклад (не дошедший до нас полностью) «Замечания о Думе» («Uwagi nad Dumą»), в котором он одобрил замену Ю. У. Немцевичем названия «Дума» на «Исторические песни», считая, что лирико-эпический жанр исторических песен имеет песенную, а не речитативную природу.

Под влиянием «Исторических песен» Немцевича¹ были созданы «Думы» К. Ф. Рылеева, которыми поэт-декабрист ознаменовал введение в литературу особого вида поэзии. В «Думах» Рылеев ставил перед собой ту же цель, что и Немцевич, но «...стремился достичь ее средствами другого жанра» [14].

В польскую литературу термин «дума» вошел непрочно и многие произведения, имеющие жанровые признаки думы, получали название «баллады» или «балладной думы» (*duma balladowa*), что говорит о влиянии признаков этих жанров. Так, продолжая работу своих предшественников А. Ланге [15] и И. Гурского [16], Ч. Згожельский в своем исследовании «Дума — предшественница баллады», занимаясь изучением текстового содержания «баллад», а также «балладных дум», подчеркивает неопреде-

¹ Тенденция к преуменьшению воздействия Немцевича на Рылеева преодолена в статье Е. М. Двойченко-Марковой [13].

ленность применения в Польше термина «дума», что подтверждает и приложенный к работе указатель «Zestawienie bibliograficzne ballad i dum balladowych» [17].

Определение «балладная дума», или в русской транскрипции «дума-баллада», является более приемлемым, поскольку соответствует разновидности жанра в польском фольклоре и профессиональной литературе.

В советской научной литературе разработка жанровых разновидностей дум впервые была сделана В. Гацаком. Исследователь отмечает необходимость ограничения термина «баллада» и его «...неприменении к героическому эпосу и историческим песням» [18], и далее, указывая на бесспорную общность стиха и характера исполнения дум пишет: «В то же время их содержание и поэтика столь разнообразны, что правомерно говорить не о циклах дум, как это принято, а о жанровых их разновидностях, выраженных весьма четко: вполне различимы богатырские думы, думы-исторические песни, думы-баллады» [18, с. 215].

Термин «дума-баллада» указывает на определенное своеобразие характерных черт жанра польской романтической баллады, в которой усиливается эпическое начало и появляется элемент речитативности, свойственные жанру думы.

Первыми классическими образцами, в которых развивается принцип, характерный для думы-баллады², была польская романтическая поэма, основоположником которой стал А. Мицкевич. В его крупных поэтических произведениях («Гражина», «Конрад Валленрод», куда входит блестящий образец этого жанра — «Альпухарская баллада», а также «Рассказ вайделота») имеются жанровые признаки думы-баллады: 1) близость сюжета к жанру думы; 2) характерная идейная направленность — идея патриотической борьбы и героического подвига ценой самопожертвования; 3) эпический запев и драматическое повествование — эпическая приподнятость, с которой прославляется подвиг, остающийся в памяти народа, как, например, в заключительных словах «Гражины»:

Никого в Новогрудке не сыщется ныне,
Кто бы песни тебе не пропел о Гражине.
Повторяют ее дудари по старинке,
А долина зовется Долиной литвинки.

(Перевод А. Тарковского)

4) лирический элемент, который для жанра думы-баллады становится важным в драматургическом отношении, как образ Альдоны из «Конрада Валленрода»; 5) формула окончания думы (второй тип окончания по Б. Кирдану), — где воспевается подвиг, который не только остается в памяти людей, но становится гордостью всего народа и патриотическим призывом к освободительной борьбе (например, последний монолог друга Конрада — вайделота Хальбана):

Нет... И тебя я пережить обязан,
Мой сын, я и тебе глаза закрою.
Чтоб подвиг твой был людям всем рассказан,
Чтобы в веках прославиться герою.
Я по Литве промчу рассказ чудесный,
По хижинам убогим и палатам,
Пусть о тебе поют вот эту песню
Бард — рыцарям, а матери — ребятам
И пусть нашев ее поднимет в росте
В грядущем — мстителя за наши кости!

(Перевод Н. Асеева)

Для подтверждения жанровой принадлежности указанных сочинений А. Мицкевича к думам-балладам можно привести также сравнение по-

² Близок к этому мнению советский литературовед С. Советов [19].

И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.
Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Власть чужеземную в обломках [20].

Близость заключительных строк произведений А. Мицкевича и К. Ф. Рылеева сказывается не только в характерном для думы типе окончания, но и в основном мотиве сюжета, идейной направленности, эпической приподнятости, в близости их образного строя.

Эти предварительные замечания оказались необходимыми, ибо в известной нам литературе мы не могли найти определенной характеристики жанра думы-баллады и его претворения в профессиональной литературе, тогда как именно польская романтическая литература стимулировала зарождение и развитие жанра думы-баллады в вокальных и инструментальных сочинениях польских композиторов XIX столетия.

Наиболее ранние дошедшие до нас опыты польских композиторов, примыкающие к жанру баллады, относятся к первой половине XV в. Анализ произведения Миколая Радомского показал, что некоторые из его сочинений принадлежат к жанру вокально-инструментальной баллады. В их числе трехчастное произведение, не имеющее названия и обозначенное «O(rus) N(icola) de Radom», а также своеобразный «балладный мотет» для пения с двуголосным инструментальным сопровождением «Historigraphi», написанный в 1426 г. [21].

Развитие жанра думы в творчестве польских композиторов началось еще в XVI в., о чем свидетельствует произведение без заглавия неизвестного автора, датируемое 1589 г. и опубликованное в восьмом выпуске серии «Wydawnictwo dawnej muzyki Polskiej». Пометка в конце сочинения дошедшей до нас рукописи указывает — «Finitur Duma». Отсутствие литературного текста и инструментальный характер мелодии думы (написанной в четырех ключах: сопрановом, альтовом, теноровом и басовом) свидетельствуют о ее предназначении для инструментального исполнения, причем она отличалась от произведений, созданных для домашнего или придворного музицирования своей углубленностью, сосредоточенностью мысли, эпичностью повествования и художественным своеобразием.

Говоря о развитии жанра думы-баллады, необходимо помнить, что исследование этого процесса выдвигает ряд проблем, требующих самостоятельного изучения, которые не входят в наши задачи. Таковы проблемы развития жанра думы-баллады в сфере фольклора, литературы, профессиональной музыки.

Нас же интересует прежде всего развитие думы-баллады в области вокальной и инструментальной музыки.

Во второй половине XVIII в. своеобразный жанр думы проникает в раннее симфоническое творчество польских композиторов. Так, например, в си-бемоль минорной симфонии из четырех частей Антони Мильвида (вторая половина XVIII в.) вторая часть названа «Дума».

Развитие жанра инструментальной думы изучено до сих пор слабо, но в XIX в. слово «баллада» стало применяться к произведениям, примыкающим к жанру «дума», в отличие от того значения, которое придавалось балладе в эпоху Ренессанса.

В области вокальной музыки к ранним попыткам создания жанра думы можно отнести ряд песен Ф. Лесселя (1780—1838) — «Ян Тарновский», «Ян Казимеж» (приближающихся по своему содержанию и характеру музыки к думам) и ранние произведения М. Шимановской

(1789—1830) — «Дума о Михале Глиньском» и др. Эти сочинения Ф. Лесселя и М. Шимановской были созданы на тексты Ю. У. Немцевича и включены в его сборник «Исторических песен».

Оставляя в стороне анализ поэтического строя «Исторических песен» Ю. У. Немцевича, не входящий в задачу данной статьи, нельзя не отметить их выдающееся идейно-воспитательное значение.

В период утраты страной национальной независимости, когда Польша была фактически стерта с политической карты Европы, Немцевич задался целью создания «Исторических песен». Повествование о национальных героях, идеализация исторических лиц, воспевание их силы, мужества, бесстрашия в борьбе с врагом и подвига самопожертвования, не оставляли равнодушными польскую общественность, усиливали патриотические чувства.

«Исторические песни» находили отклик в творчестве многих польских поэтов, художников, композиторов (сюжет «Исторических песен» положен в основу оперы К. Курпиньского «Ядвига», использован и другими композиторами). Широкий отклик «Исторические песни» получили и за пределами Польши. Познакомившись с «Песнями», К. Ф. Рылеев написал письмо Немцевичу, называя его великим гражданином своей родины, «...возбуждающим в сердцах сограждан любовь к отечеству» [22], и причисляя Ю. У. Немцевича к знаменитым патриотам Польши (Костюшко, Коллонтай, Понятовский, Потоцкий и др.).

После поражения восстания 1830—1831 гг. популярность сочинений, использующих тексты «Исторических песен», не угасала. Своей патриотической направленностью они поддерживали и восстанавливали духовные силы народа, вселяли веру в освобождение Польши. Освободительные стремления пронизывали польскую литературу, поэзию, музыку, изобразительное искусство (картины Жана Пьера Норблена, «Присяга Костюшко на Краковском рынке» Михаила Стаховича и др.).

Предвестниками революционного подъема польского национально-освободительного движения, предшествующего восстанию 1830—1831 гг., и одновременно выражением освободительных стремлений были великие творения А. Мицкевича и Ф. Шопена, с которыми связано дальнейшее развитие жанра думы-баллады.

Значительное патриотическое влияние на широкие круги польского общества оказала поэма А. Мицкевича «Конрад Валленрод», план которой сложился под непосредственным воздействием поэзии декабристов и в частности, поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский». Опасаясь, что цензура разгадает политический смысл «Конрада Валленрода», Мицкевич писал своему другу-филолату М. Пясецкому о рукописи поэмы: «...если же она не подойдет целиком или будет урезана в значительной своей части, тогда, не обращаясь официально в цензуру, верни мне рукопись обратно. Смотри, чтобы никто кроме тебя не читал и не видел этой поэмы... Предосторожности необходимы» [23].

Поэма была мощным призывом польского народа к борьбе за независимость, и о таком понимании ее свидетельствуют слова друга А. Мицкевича, А. Ходзько, сказанные им о начале ноябрьского (29 ноября 1830 г.) восстания: «Слово стало плотью, а Валленрод — Бельведером». Революционный пафос этих слов характерен для всего направления польского романтизма, тесно связанного с польским национально-освободительным движением.

Идея патриотической борьбы и героического подвига ценой самопожертвования, положенные в основу «Гражины» и «Конрада Валленрода», стали характерными для жанра думы-баллады.

Творчество А. Мицкевича, его поэтическая речь отличаются особой музыкальностью, что подтверждают многочисленные произведения польских, русских и западноевропейских композиторов, созданные на его стихи.

Первым вокальным сочинением на слова А. Мицкевича и одним из первых опытов музыкального претворения польской романтической баллады явилась «Свитезянка» Марии Шимановской, напечатанная в Москве

в 1828 г. Как отмечает проф. И. Ф. Бэлза [24], музыкальные образы баллады «Свитезянка» М. Шимановской в некоторой степени предвосхищают образы, возникающие в начале Второй баллады Ф. Шопена, в основу которой, видимо, положена та же «Свитезянка» А. Мицкевича (их сближает тональность, метр, повторяющийся ритмический рисунок).

Во многих балладах, романсах и поэмах Мицкевич создавал эпический образ певца-музыканта, барда, ведущего повествование о судьбах польского народа и прославляющего великие подвиги героев. Образы произведений великого польского поэта вдохновляли не только драматургов, поэтов, композиторов, но и художников.

К трем песням М. Шимановской из «Конрада Валленрода» — «Вилия», созданная на основе ее популярного ноктурна «Murmure» («Шёпот»), «Песня из башни» и драматическая баллада «Альпухара», в которых польская пианистка продолжала поиски создания романтической баллады, — художник Валентий Ванькович (1799—1842), автор портретов А. Мицкевича и А. С. Пушкина, создал гравюру с изображением таинственного певца-сказителя Хальбана, воспевающего подвиг Валленрода.

Известно, что Мицкевич придавал большое значение силе воздействия изобразительного искусства и непосредственно наблюдал за выполнением литографий Винченция Смоковского (1797—1876) к первому изданию «Конрада Валленрода». Вслед за Смоковским и Ваньковичем к произведениям А. Мицкевича на протяжении XIX в. обращаются многие польские художники: А. Залеский (1824—1885), Ю. Коссак (1824—1899), М. Э. Андриолли (1836—1893) [25].

Наряду с А. Мицкевичем, сильное патриотическое воздействие на прогрессивные слои польской общественности имело творчество великого польского поэта и драматурга Юлиуша Словацкого, ярко отразившего национально-освободительное движение своего времени. В 1848 г. Словацкий создал первое в польской литературе сочинение (стихотворение «И выйдут сто рабочих»), «...приветствовавшее революционное выступление пролетариата...» [26]. Тема патриотизма и самопожертвования отражена в поэме Ю. Словацкого «Ангелли», для героя которой самые страшные страдания «скорбь за отчизну» [27].

В творчестве Словацкого плодотворно претворяются народно-фольклорные традиции и продолжается развитие своеобразного жанра думы-баллады. О своей любимой драме «Балладина» поэт пишет: «Трагедия моя напоминает старинную балладу, написанную так, как будто ее сложил простой народ» [28].

Наряду с романтической поэмой дума-баллада была одним из ведущих жанров польского романтизма и зачастую оказывалась неотделимой от народно-песенных традиций, как в «Балладах и романсах» С. Витвицкого (1802—1847), в «Золотой думе» В. Залеского (1799—1849), в творчестве многих польских поэтов и композиторов вплоть до начала XX столетия.

В музыкальном искусстве инструментальная баллада определяется как «...довольно развернутая, свободно построенная пьеса, в которой сочетаются повествовательные и лирико-драматические моменты» [1, с. 25]. Для жанра инструментальной думы-баллады, по нашему мнению, характерно перерастание «повествовательного момента» в широкое эпическое начало всей пьесы и наличие неторопливого вступления-запева (не обязательно отождествляемого с разделом музыкальной формы) как результат воздействия жанра думы.

Выдающимися классическими образцами жанра инструментальной думы-баллада стали, как уже было сказано, произведения Ф. Шопена. Многие советские и зарубежные исследователи предполагают, что поэмами «Гражина» и «Конрад Валленрод» Мицкевича навеяна Первая баллада Шопена, а «Свитезянкой» — Вторая баллада польского композитора.

В круг музыкальных образов Первой баллады нас вводит лаконичное, воспринимающееся как запев, вступление, которое заканчивается как бы вопросительной интонацией, придающей оттенок печали эпическо-спокойной мелодии вступления. Во Второй, Четвертой, отчасти в Третьей балладах и в большой Фантазии имеются сходные вступления, пред-

шествующие основному разделу, которые как бы открывают эпическое повествование от лица народного певца-сказителя.

Именно такая структура становится особенно характерной для жанра инструментальной баллады, восходящей к жанру думы. Медленный, большей частью скорбный зачин восходит к традициям лирико-эпического запева народного певца-сказителя, предваряющего этим драматическое (нередко с трагедийными кульминациями) повествование о героическом подвиге и гибели героя. Так Хальбан создает свою думу-балладу об Альфе-Конраде, так «песню о Гражине» будет петь весь народ (конечно, не только «в новогрудской гмине»), сочетая оплакивание погибшей героини с героическим рассказом о ее подвиге. Что же касается драматургии балладного жанра, то она характеризуется развитием и обобщением обеих тем. Именно такой тип драматургии определяет форму уже Первой баллады Шопена — его воздействие явственно ощущается не только в польской и не только в фортепианной, но и в симфонической музыке.

Тревожно-драматическое повествование обычно характерно в шопеновских балладах для средней части. Могучее аккордовое изложение придает грозную силу этому разделу сочинения. Лишь ненадолго приходит успокоение, а заключение вновь вносит напряжение, вводя слушателя в характерную для этого произведения атмосферу трагизма, рожденную настроениями, вызванными подавлением восстания. Здесь возникает драматизированный мотив запева, окруженный патетическими, призывными взлетами-возгласами, которые оттеняют в Первой балладе тяжелые, но приглушенные аккорды в низком регистре:

И с криком тем — навек сомкнулись губы.
Так струны лютни, под ударом грубым
Порвавшись, отдадут всю силу звука,—
Началу песни добрая порука,
Конца ж ее вовеки не узнают.

(А. Мицкевич. *Конрад Валленрод*.
Перевод Н. Асеева)

Как утверждение бессмертия «песни» громоподобно звучат нисходящие стремительные пассажи, предваряющие завершение баллады.

Вторая баллада Шопена начинается таинственной, неторопливой темой запева, развитие которой имеет важное значение в драматургическом решении баллады. Создавая внезапный контраст, врывается, как и в Первой балладе, вторая тема, полная тревоги, драматического порыва.

Буря стихает, возвращается первая тема, но уже более взволнованная. вновь вступает тема бушующих волн «дикого озера», и все более нарастая, переходит в полное драматизма, злое *Agitato*, музыка которого достигает большой трагической силы и внезапно обрывается:

В черную бездну, в глубь водяную
Скрылись охотник и дева...

(Перевод Б. Турганова).

Конкретизируя образную программность баллад Шопена, мы далеки от того, чтобы приписывать музыке «польского Моцарта» характер иллюстративности. Как известно, Шопен воздерживался от программы к своим произведениям (хотя она легко угадывается, например, в «гамлетовском» ноктюрне), но в музыке его «... господствует тенденция к обобщенной программной изобразительности» [29, с. 178].

Черты думы-баллады присущи и другим произведениям Шопена. Так, например, начало Полонеза-фантазии воспринимается как неторопливый запев; самостоятельный характер приобретает медленное вступление — сумрачный запев в Фантазии фа-минор, черты жанра думы-баллады заметны в виолончельной сонате и многих других инструментальных сочинениях, а также песнях для голоса с фортепиано. Среди них — «Две смерти», определенные композитором в жанровом отношении как «дума»; остродраматическая «Песнь скорби», написанная на слова

поэта-революционера Венценция Поля и отнесенная к жанру баллады. Последние слова «Песни скорби» как бы предвосхищают своей революционностью литературные программы симфонических поэм З. Носковского и М. Карловича: «Ах, когда же минут злые годы, и народ воспринет, час пробьет свободы».

Революционно-освободительный пафос этих слов не может вмещаться в рамки жанра европейской романтической баллады с ее мечтательностью, дымкой фантазии и таинственностью, — несомненно свойствен жанру думы-баллады.

Наряду с жанрами полонеза, мазурки, краковяка, жанр думы-баллады разрабатывается и в оперном искусстве польских композиторов. Ярким национальным своеобразием отмечен вступительный наигрыш думы в опере Юзефа Эльснера «Лешек Белый».

Мотивы жанра думы-баллады в своем творчестве развивал создатель польской национальной оперы Станислав Монюшко — это арии-думы и арии-баллады из «Гальки», «Призрачного замка» и других его опер. В четвертое действие оперы «Галька» композитор ввел народного певца-музыканта Волинщика, вокальная партия которого весьма коротка — всего 4 такта³. Можно предположить, что композитору в данном случае была важна не столько фольклорная тема (представленная, в частности, небольшим наигрышем), сколько введение в действие самой фигуры народного певца-музыканта, с которым связаны сказания о героическом прошлом страны, образы истории польского народа. Образ народного музыканта-певца Монюшко вводит в «Гальке» лишь перед единственной в опере «думкой», подчеркивая этим, далеко не случайным, совпадением характерную, специфическую черту жанра думы-баллады. Элементы жанра думы-баллады С. Монюшко развивает и в своем вокальном творчестве, которое представлено многочисленными песнями и балладами, большей частью на тексты А. Мицкевича («Три будрыса», «Дозор», «Свитезянка» и др.).

Вслед за Шопеном и Монюшко, многие польские композиторы продолжали в своем творчестве развитие жанра думы-баллады, обращаясь к поэзии Мицкевича. В вокальной музыке много песен, романсов, баллад было создано Ю. Зарембским, П. Машиньским, И. Падеревским, С. Невядомским и другими композиторами рубежа XIX—XX столетий.

Этот национально-самобытный жанр получил претворение в творчестве выдающегося деятеля польской музыкальной культуры, композитора, педагога, ученика С. Монюшко — Зыгмунта Носковского. Его романсы, кантата «Свитезянка», написанные на тексты Мицкевича, созданная в 90-х годах кантата-баллада «Jasio» свидетельствуют о развитии жанра думы-баллады в вокальном творчестве композитора. Однако основной областью его композиторской деятельности, где в полной мере проявилось мастерство Носковского, был симфонизм, представленный программной симфонической поэмой.

На рубеже XIX—XX вв. программные симфонические поэмы являлись основной и главенствующей формой инструментальной музыки в Польше, в которой был достигнут классический уровень симфонизма.

Среди произведений З. Носковского, наделенных чертами думы-баллады, следует отметить сочинение для малого симфонического оркестра «Думка»⁴, эпически величавую симфоническую поэмю «Степь», симфоническую поэмю «Из жизни» и другие произведения.

Написанная в 1901 г. симфоническая поэма «Из жизни» первоначально называлась «Из жизни народа», но из-за цензурных соображений последнее слово было опущено. Произведение это посвящено любимому композитору Носковского Фридрику Шопену и написано на тему его седьмой прелюдии.

³ Речитатив Волинщика и обращение Ионтека к народному певцу в оркестре подчеркнуты чисто славянскими сочетаниями аккордов (плагальные обороты).

⁴ Автограф неизданной партитуры хранится в Варшавском музыкальном обществе им. С. Монюшко.

Необходимо помнить, что под воздействием традиций Шопена проходило развитие всей польской музыкальной культуры вплоть до наших дней, и хотя сам Шопен не работал в области симфонизма, однако он указал пути его развития. Так, говоря о балладах Ф. Шопена, А. Соловцов отмечает их как «...крупные пьесы с широким, симфонического типа развитием музыкальных образов» [29, с. 228].

В литературной программе, предпосланной З. Носковским своей симфонической поэме «Из жизни», возникает эпический образ певца-поэта, сказителя думы-баллад, выразителя мыслей и чаяний народа: «Над могилой встал седовласый певец с арфой в руках и начал песнь полную жалобы». Народный певец-бард выступает как обобщенный образ польского народа, оплакивающего трагические события своего исторического прошлого. Здесь можно вспомнить предисловие А. Мицкевича к виленско-ковенским «Дзядам», в которых автор сближает слово «кудесник» (*guślarz*) со словом «песнетворец» (*geślarz*), создавая обобщенный образ народного певца-пророка.

Образ «певца» из симфонической поэмы Носковского напоминает фигуру Хальбана, изображенного Антонием Залеским на рисунке к поэме «Конрад Валленрод» (познаньское издание 1864 г.). Симфоническая поэма оканчивается радостным, оптимистическим, свойственным особенно украинским думам «славословием», выраженным в последних строках литературной программы: «После бури и мрака, вместе с радостным звучанием труб вновь заблестало яркое, сияющее солнце. И на все стороны света зазвучала могущественная песнь возрождения...».

Симфонической поэме «Из жизни» близок по образному строю литературного текста, общему настроению призыва к борьбе и победе заключительный раздел программы первой польской симфонии «Возрождение»⁵, созданной в 1902 г. выдающимся польским композитором, явившимся наряду с Каролем Шимановским одним из основоположников польского симфонизма, учеником З. Носковского — Мечиславом Карловичем: «...Желанный миг настал — вот лежат разбитые оковы. Торжествующая и светлая стоит душа, вглядываясь в рассвет и указывая всем народам путь к возрождению».

Литературная программа симфонии М. Карловича близка поэзии польских символистов, а, с другой стороны, — идеологии польского позитивизма. Но и здесь, как и в заключительных словах программы симфонической поэмы «Из жизни», ярко ощущается героический призыв и эпическая широта, столь характерные для жанра думы-баллады.

В конце XIX — начале XX в. наряду с З. Носковским и М. Карловичем, черты жанра думы-баллады ощутимы в программной симфонической музыке Людомира Ружицкого (1884—1953), отличающейся эпическим размахом. В 1904 г. им была сочинена «Баллада для фортепиано с оркестром», а в 1909 г. — высоко оцененная современниками симфоническая поэма «Ангелли», созданная по одноименному произведению Ю. Словацкого.

В дальнейшем жанр думы-баллады в польской литературе и музыке утратил свое значение, и со временем термин «баллада» (в значении дума-баллада) стал употребляться в основном в качестве образного названия для сочинений с выявленными чертами героики.

Таким образом, жанр думы, получив распространение на польских землях, приобрел своеобразные, отличительные по сравнению с украинскими думами черты. В польском народно-песенном творчестве и в профессиональной литературе наметились тенденции сближения думы и баллады, что привело к образованию нового национально-самобытного жанра «думы-баллады», со специфической тематикой патриотической борьбы. Стилистическое развитие этот жанр получил в поэзии А. Мицкевича.

Влияние первых классических образцов думы-баллады на творчество

⁵ Партитура М. Карловича «Возрождение» не издана. Автограф хранится в библиотеке Варшавского музыкального общества им. С. Монюшко.

польских и зарубежных композиторов и поэтов было чрезвычайно велико. Разработка думы-баллады в сочинениях А. Мицкевича и Ф. Шопена определила качественно новый уровень жанра баллады. Дальнейшее развитие баллады в инструментальной музыке не только в Польше, но и во всей Европе во многом было связано уже с трансформированным жанром (дума-баллада), достигшим своих высот благодаря гению Ф. Шопена. Под непосредственным влиянием Шопена были созданы две баллады Ф. Листа, своеобразная «балладность» характерна для фортепианной лирики Р. Шумана (один из отрывков «Танцев Давидсбюндлеров» обозначен «Balladenmäßigkeit», т. е. в «характере баллады», по своему стилю близки Шуману баллады И. Брамса и других композиторов.

Жанр думы-баллады плодотворно развивается в вокальной, оперной и симфонической музыке. Романтическая приподнятость, эпическая широта, сам образный строй музыки и предпосланных композиторами литературных программ к своим симфоническим поэмам указывает на то, что жанр думы-баллады не исчерпал себя к концу XIX в., а продолжал разрабатываться в творчестве крупных польских композиторов. Речь идет не об отдельных исключительных явлениях, не об анахронизме жанра, а о естественном процессе продолжения его традиций и о слиянии жанра думы-баллады с симфонической поэмой в польской музыкальной культуре на рубеже XIX—XX вв.

С начала периода своего становления непосредственно связанный с героическим прошлым своего народа и выросший на его революционно-патриотических устремлениях, жанр думы-баллады стал символом единства развития освободительного движения и национально-самобытной польской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панкратова В. А. Баллада. М., 1960.
2. Gesammelte Schriften über Musik und Musiker von Robert Schumann. Bd. 2. Leipzig, 1883, S. 227.
3. Pamiętnik Literacki, 1931, s. 3—4.
4. Zgorzelski Cz. Duma poprzedniczka ballady. Toruń, 1949, s. I.
5. Мицкевич А. Собрание сочинений. Т. 4, М., 1954, с. 360—362.
6. Смирнов Ю. И. Конференция «Польская народная баллада». — Советское славяноведение, 1980, № 2, с. 123.
7. Путилов Б. Н. Славянская историческая баллада. М.—Л., 1965, с. 149.
8. Специфика фольклорных жанров. М., 1973.
9. Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967.
10. Курдан Б. П. Думы. Украинские народные думы. М., 1972, с. 50.
11. Polska epika ludowa. Wrocław — Kraków, 1958.
12. Эпос славянских народов. Хрестоматия (общая ред. Богатырева П. Г.). М., 1959.
13. Двойченко-Маркова Е. М. Рылеев и Немцевич. Польско-русские литературные связи. М., 1970, с. 129—155.
14. Фришман Л. Г. Думы Рылеева. — В кн.: Рылеев К. Ф. Думы. М., 1975, с. 182.
15. Lange A. Ballada przed Mickiewiczem. Głos, 1899.
16. Górski I. Ballada polska przed Mickiewiczem. Praca historyczno-literackie, № 13. Kraków, 1923.
17. Zgorzelski Cz. Duma poprzedniczka ballady. Toruń, 1949.
18. Гацак В. М. Восточнороманский героический эпос. М., 1967.
19. Советов С. С. Адам Мицкевич. Л., 1956, с. 141.
20. Рылеев К. Ф. Стихотворения, статьи, очерки, докладные записки, письма. М., 1956, с. 142.
21. Sprawozdania P. A. V., t. I, № 7. 1949, s. 18—25.
22. Полн. собр. соч. К. Ф. Рылеева и А. И. Одоевского. СПб., 1913, с. 415.
23. Mickiewicz A. Dzieła wszystkie. Warszawa, 1933—1934. Skarb. Rzeczypospolitej polski, t. XIII, s. 328—329.
24. Вэла И. Ф. История польской музыкальной культуры. Т. 2. М., 1957, с. 206—211.
25. Острой О. С. Поэма Мицкевича «Конрад Валленрод» в иллюстрациях художников XIX столетия. — В сб.: А. Мицкевич и славянская филология. Л., 1957, с. 179.
26. Горский И. К. Об одной особенности поэзии Словацкого. — Славяне и Запад. М., 1975, с. 65.
27. Словацкий Ю. Избранные произведения в 2-х томах. М., 1960, с. 246.
28. История польской литературы. Т. I. М., 1968, с. 325.
29. Соловцов А. Шопен. М., 1956.

НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ЗАХАРИИ ОРФЕЛИНА

Захария Орфелин является одним из наиболее значительных сербских писателей XVIII столетия. Его творческая деятельность была достаточно многообразной. Богословские труды, исторические сочинения, первый сербский журнал, лирические стихотворения и даже трактат о виноделии, — вот далеко не полный перечень, отражающий литературное творчество Орфелина. Кроме того, писатель был искусным гравером и картографом, что позволило ему стать членом «цесаро-королевской венской Академии художеств». Такой широкий диапазон деятельности — не редкость для XVIII в.: эпоха Просвещения часто выдвигала энциклопедически образованных людей, достигавших значительных успехов в различных отраслях знания (в России — Ломоносов, в Англии — Дефо и Свифт, во Франции — Дидро и Руссо, в Сербии — Захария Орфелин, а позднее и Досифей Обрадович).

Ни в русском, ни в советском литературоведении не существует ни одной работы, посвященной изучению творчества З. Орфелина. Автор ставит своей целью восполнить этот пробел.

Захария Стефанович Орфелин ¹ родился в 1726 г. в Среме, в городе Вуковар. Срем в числе других районов Воеводины входил тогда в состав Австрийской империи. Собственно Сербия находилась в то время под турецким игом, препятствовавшим и культурной жизни. Воеводина же стала важным очагом культурной и литературной деятельности сербов в XVIII в.

О родителях, детстве и юности Орфелина неизвестно ничего; возможно, что отца его звали Стефан. Следует предположить, что Орфелин учился хотя бы в основной школе — либо в Вуковаре, в школе, основанной в 1733 г. русским учителем Тимофеем Левандовским, приехавшим в Сербию из Киева вместе с Эммануилом Козачинским, либо в той самой новосадской школе, где позднее, с 1750 по 1757 г., он был учителем. В 1750 г. 24-летний писатель, видимо, уже достаточно хорошо знал русско-словенский язык ², чтобы преподавать его [1, с. 137].

Думается все же, что школьные занятия не были регулярными, и основные знания были приобретены самообразованием. «Одно только чтение книг было мне Академиею и самую главною наукою», — писал сам Орфелин позднее [2].

¹ Орфелин — псевдоним писателя. Высказывались различные взгляды на его происхождение. С точки зрения П. Шафарика и других ученых он образован соединением имен двух древнегреческих мифических певцов Orpheus + Linus. Т. Остоич считает, что Орфелин взял в качестве псевдонима имя французского медальера, которого звали Orfélin. Наиболее вероятным представляется происхождение псевдонима из французского Orphelin, что значит сирота.

² Этот язык был в то время распространен среди сербов Воеводины благодаря влиянию русских книг и учителей из России и представлял собой русский язык «высокого» стиля с добавлением отдельных сербских слов и выражений.

У личной жизни писателя мы также знаем очень мало. Известно, что его жена Анна скончалась менее чем через две недели после рождения сына Петра. По имеющимся данным [3, с. 35], Орфелин много времени уделял воспитанию сына. В 1763 г. в Темпшваре он составляет для него «на простом сербском родном языке» малый катехизис «Апостольское млеко». Петр не оправдал надежд отца, он рос хилым и болезненным ребенком, неспособным к интеллектуальной деятельности. В 1773 г. Орфелин всю свою любовь обращает к племяннику Якову, который к тому времени уже заканчивает художественную школу при венской Академии и живет своим трудом. Впоследствии Яков Орфелин вошел в историю сербского искусства как гравер по меди и исполнитель церковных росписей [4, с. 23].

В августе 1757 г. Захария Орфелин приезжает в Сремские Карловцы и становится «архиепископо-митрополитским иллирическим канцелистом», т. е. техническим сотрудником митрополии. Эту должность он оставляет при митрополите Павле Ненадовиче в 1762 г. Сохранились записи в актах и протоколах Сремской митрополии, а также письма митрополита к разным лицам, написанные рукой З. Орфелина. Уже в это время он занимается граверными работами (например, выполняет для монастыря Привина глава в 1758 г. гравюру на меди «Святая Троица с архангелом Михаилом»).

Его первым известным литературным произведением считается «Маловажное приветствие» (скромное, низжайшее приветствие) Моисею Путнику на его избрание бачским епископом в 1757 г.— ода-панегирик, написанная тринадцатисловным силлабическим стихом и состоящая из различных хвалебных обращений, духовных стихов и песнопений (исследователь поэзии Орфелина Б. Джонсон выделяет в стихотворении 14 частей [1, с. 135]). Орфелин богато иллюстрирует рукопись, а также использует характерные для поэтики барокко акrostихи и параномасию, т. е. расположение стиха в виде определенной фигуры. Это стихотворение создавалось под большим влиянием русской литературы (Симеон Полоцкий, панегирики петровского времени), что вообще является отличительной чертой развития сербской литературы второй половины XVIII в. «Маловажное приветствие» можно считать одним из первых стихотворений русско-словенского периода в сербской литературе³. До нее была лишь «Стематография» Христофора Жефаровича, вышедшая в Вене в 1741 г., которая также содержит панегирик патриарху Арсению IV Шакабента и стихи, приложенные к гербам различных государств.

Гораздо интереснее для исследователя стихотворение «Горестный плач славных иногда Сербии, своих царей, князей, вождов, градовъже и земель лишенныя и на чужих пределах в жалостном подданстве сидящя», вышедшее отдельной книжечкой в венецианской типографии Дмитрия Феодосия в 1761 г. Содержание стихов хорошо передает уже приведенное заглавие. Интересно, что Орфелин дает здесь резкую критику как властей — венгров, немцев, австрийцев, заточивших Георгия Бранковича⁴, так и сербского высшего духовенства. Это было первое печатное произведение антиавстрийской и национально-патриотической ориентации в сербской литературе: Пророци с левиты/Гонятся от Стана/Ов же ищет быти/Высского сана/Забывши Общество/Свое Отечество/Нестъ уже надежды [5, с. 297]. (Пророки с левитами выгоняются из жилищ; кто же хочет иметь высокий сан, забывает общество, свое отечество, нет уже надежды.) Заслуживает особого внимания и 23 строфа: Ах, любезна чада/

³ Этот период объединяет различных сербских писателей (З. Орфелин, Й. Ранч, П. Юлинац и др.), общим для которых было использование русско-словенского языка, а также влияние русской литературы..

⁴ Георгий Бранкович (1645—1711) выдавал себя за последнего сербского деспота. Руководя освободительной борьбой сербов, он стал подозрителен австрийскому двору. В 1689 г. был арестован и до самой смерти находился в заключении, где написал свои исторические «Славено-сербские хроники». В глазах сербского народа несчастная судьба Бранковича была олицетворением тяжелого положения сербских переселенцев в Воеводине, угнетаемых австрийскими и венгерскими властями.

Сыны первородны! /Где пастырь от стада/Где вожди угонны; ... [5, с. 296]. Т. Остоич [3, с. 85], а за ним и Б. Джонсон [1, с. 147—148] не усматривают в этих стихах критики сербского клира, отчасти потому, что здесь не названы прямо ни митрополит, ни какой-либо епископ. Но ведь в то время и не была принята сатира на лица, а была широко распространена сатира обобщенного плана, сатира на пороки вообще. Вместе с тем отсутствие прямого адресата позволяло воспринимать эти строки как обличение всего духовенства в целом.

Н. Радойчич считает неоправданной и несправедливой критику Орфелина, если она относится к тогдашнему митрополиту Павлу Ненадовичу [6, с. 257]. Однако «венский двор относился к нему очень благожелательно. Это наводит на мысль, что он был тайным проводником намерений этого двора» [7, с. 259]. Орфелин мог понимать эту политику митрополита, а отсюда и резкая критика. В дальнейшем он продолжит ее с просветительских позиций в «Житии Петра Великого», с одобрением отзываясь о русских церковных реформах, а также в «Представлении» императрице Марии-Терезии (1778), где эта критика достигает наивысшей силы.

Через полгода, весной 1762 г., в той же типографии выходит «Плач Сербии Еяже Сыны в Различныя Государства разсеялися. Объявленный от С. С. С.». Это сочинение Орфелин также издает анонимно, а С. С. С. в литературе об Орфелине расшифровывается как Собственный Сын Сербии. Данное стихотворение представляет собой как бы перевод предыдущего, выполненный на сербском языке, правда все же с примесью славянизмов и русизмов [8, с. 189]. Но не только в этом отличие. Критика иноземцев здесь явно приглушена («венгры» заменено на «враги», «германы» — на «проклетии неприятели»), уменьшена здесь и критика духовенства: И сви мои пророци славу возлюбили,/с чадами мои у ропству мене оставили;/добро опшче презревше, преко мене гледи,/ само о том пекут се да славу наследе [5, с. 38]. (И все мои пророки славу возлюбили, с чадами моими в рабстве меня оставили; добро общее презрели, на меня не смотрят, только о том пекутся, чтобы унаследовать славу.)

Подобная строфа была и в «Горестном плаче»: Мои вси пророци,/Славу возлюбиша,/Мене со Отроци/Вплени оставиша:/Дом Общий презревше/ /Возненавидевше/О себе пекутся [5, с. 294]. Однако совсем по-другому выглядит строфа, соответствующая приведенной выше из «Горестного плача» [5, с. 297]: Цркве мое пропале от слободе свое,—/утеснени левити, жално срце мое!/Врази чада к трећему обору нагоне,/различными муками к западу догоне [5, с. 40]. (Церкви мои лишились своей свободы,— притеснены левиты, печально сердце мое! Враги детей в третье стадо сгоняют, различными муками к западу склоняют.)

Здесь речь идет о гонениях на православие и попытках австрийского правительства заставить сербов принять унию и тем самым ассимилировать их. Это была главная опасность для сербов, вплоть до 1781 г., когда император Иосиф II издает указ о равноправии всех верующих и веротерпимости.

И хотя далее и есть строки: Старешине све мое клоне се на страну... (Все мои старейшины меня сторонятся), эти слова как раз можно и не относить прямо к духовенству, ибо они допускают различные толкования. Возникает естественный вопрос, зачем Орфелин так изменил текст стихотворения? Кому-то, видимо, в Сремских Карловцах, стало известно об авторстве «Горестного плача», и «Плач Сербии» является в какой-то мере попыткой Орфелина реабилитировать себя в глазах сербского клира, кроме того, поэт опасался и репрессий со стороны австрийских властей. Но эта мера все же оказалась недостаточной — приблизительно между мартом и июлем 1762 г. писатель перестает служить в Сремских Карловцах и становится казначеем темишварского епископа Викентия Йовановича Видака. Обращает на себя внимание мягкость, проявленная в отношении Орфелина, однако это недостаточное доказательство того, что, как полагает Б. Джонсон, в этих стихах нет обличения. Наличие перифраза стихов библейского Плача Иеремии не может служить серьезным

аргументом. Вспомним, например, что в 1780 г. Г. Р. Державин создает известное стихотворение «Властителям и судиям», которое было переложением 81 псалма из Библии, но это не помешало Екатерине II усмотреть в нем «якобинские» настроения. Религиозная форма часто использовалась как ширма для выражения совершенно светских критических взглядов.

Вполне возможно, что Орфелин не всеми воспринимался как автор обоих стихов (в библиотеке в Сремских Карловцах не было «Горестного плача»). Тогда становится понятным, что к автору только «Плача Сербии» особых санкций применять не стоило, но на всякий случай следовало перевести его из Сремских Карловцев, где находилась сербская митрополия и он был на виду, в Темишвар.

Понятной становится тогда и цель ловкой, более поздней мистификации Орфелина, относящейся к 1765 г. В это время он работает в венецианской типографии Дмитрия Феодосия. Впечатление от «Плачей» уже позабылось. Орфелин как бы напоминает о них. Он заменяет часть текста в «Кратком введении в историю происхождения славеносербского народа» Павла Юлинца своим текстом, где от имени Юлинца резко критикует оба варианта «Плача», объясняя, что это нападки на митрополита и епископов. В то же время Орфелин говорит о том, что автором их является некий священник из Турции (видимо, имеются в виду сербские земли, находящиеся под турецким игом), который еще в 1759 г. якобы писал пасквили на сербское духовенство [9, с. 60]. Создается впечатление, что Орфелин хотел, чтобы опять обратили внимание на его стихотворения, хотя одновременно отводил от себя угрозу раскрытия авторства.

Не сохранилось ни одного экземпляра «Горестного плача» (последний из них сгорел в белградской народной библиотеке во время бомбежки города 6 апреля 1941 г. [10, с. 55, № 42]). Это и не удивительно, если учесть его острую критическую направленность. Сам Орфелин в «Истории» Юлинца сообщает о том, что издатель, поняв всю вредность «Плачей», уничтожает почти весь тираж. Скорее всего это тоже мистификация, имеющая целью оправдать издателя Дмитрия Феодосия в глазах митрополита или австрийских властей. Все же «Плач Сербии» имел более широкое распространение и даже продавался [10, с. 59, № 48].

В целом «Плач Сербии» представляет собой развернутое сравнение могущественного, «славного и угодного» некогда государства с современным автору, когда «серпске мое границе и земле ридают». Рассказ ведется от лица персонифицированной Сербии: она вспоминает то счастливое время, когда «восток, запад, полуноћ бояли се мене, славне, храбре Сербие, бивше тогда едне» (восток, запад, полуночь боялись меня, славной, храброй Сербии, бывшей тогда единой). А теперь она горько оплакивает потерю своей независимости: Ах, Сербие, пребедна! Сви тебе презрели... У поданство пали свуд, у велике беде... [5, с. 39—40] (Ах, Сербия, несчастная! Все тебя презрели... В подданство попали всюду, в великие беды...). Заканчивается «Плач» пессимистически — единственная надежда возлагается на бога.

Тематически сюда примыкает и «Песнь историческая какосу сербли с турци на Косовом Полю побилисе, на коем Полю Сербска Майка Княза Лазара с многими Сынами Сербскими изгубивши, и державе Сербске конечно лишивши се горке сузе пролива», вышедшая в Венеции в 1763 г. Поражение сербов в битве на Косовом поле в 1389 г. явилось началом утраты Сербией своей самостоятельности. События Косова поля — убийство Милошем султана Мурата, предательство Вука Бранковича, пленение и смерть князя Лазара служили темой для многих народных песен [11]. Существовали также и прозаические пересказы событий на Косовом поле, которые записывались в течение XVIII в. Этот материал был, несомненно, известен Орфелину, но, как справедливо указывает Б. Джонсон, народные песни и прозаические сказы повествуют о каждом событии в отдельности, в относительном хронологическом порядке. Орфелин нарушает этот порядок для достижения большего эмоционального эффекта, в его «Песне» «повествовательный элемент подчинен трагическо-патетическому, лирическому» [1, с. 167].

Не без умысла в «Песне» сохраняется напевность и лиризм устного народного творчества, тем самым усиливается ее воздействие на читателя: О Сербие! что за сие/так оскорблена;/Ни ли страна та попрана/Туркам по палена;/ (...) Сеци главу сербску славу,/сербског Кнез' Лазара,/Турци вичут гласно кличут/уби божиег дара. (О Сербия! За что ты так оскорблена; не попрана ли эта сторона, турками спаленная... Отсекши голову сербской славы, сербского князя Лазара, турки орут, громко кричат, убили божий дар.)

Интересно, что в первой и третьей строке каждой строфы Орфелин вводит внутреннюю рифму, что создает особый народный колорит. Использует он и постоянные эпитеты: «нощный вране», «божий дар» (последний — по отношению к князю Лазару) — тоже характерный для устного народного творчества прием.

До сих пор спорным остается вопрос об авторстве этой песни, изданной анонимно [6, с. 258—262]. П. Юлинац в «Кратком введении», писал о «Песне», что ее «пред неколикими летами некий сербский эромонах сочинил, которое потом Захария Орфелин ... на свет издал в Венеции...». Мы уже знаем о мистификации, осуществленной Орфелиным с книгой Павла Юлинца. Поэтому вполне можно согласиться с мнением Т. Остоича, что и здесь «Орфелин хотел замести следы» [3, с. 86].

Многие писатели лишь начинали свою литературную деятельность со стихотворства. Таким был и Захария Орфелин. Период его поэтического творчества продолжался всего пять лет (1760—1765). За это время он написал еще несколько лирических стихотворений, позднее обратился к исторической тематике, используя только прозаическую форму. Об углублении исторических интересов писателя, отразившихся в его главных творениях, свидетельствуют «Славяно-сербский магазин» и «Житие и славные дела государя императора Петра Великого».

В целом Захария Орфелин был создателем сербской национально-патриотической поэзии, вдохновляемой жизненно важными проблемами своего народа. Он явился здесь предтечей Досифея Обрадовича и Лукиана Мушицкого, значительно позже Орфелина написавших свои знаменитые «Песнь на восстание сербов» (1804) и «Глас народолобца» (1819).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джонсон Б.* Неки видови песништва Захарије Орфелина.— В кн.: Од барока до класицизма. Београд, 1973.
2. *Орфелин З.* Житие и славные дела государя императора Петра Великого. Венеция, 1772, с. 17 неагенированная.
3. *Остојић Т.* Захарија Орфелин. Живот и рад му. Београд, 1923.
4. *Медаковић Д.* Путеви српског барока. Београд, 1971.
5. *Лесковац М.* Антологија старије српске поезије. Нови Сад — Београд, 1964.
6. *Радојчић Н.* Захарија Орфелин као историчар.— Гласник Историјског Друштва у Новом Саду. Нови Сад, 1933, № VI.
7. *Богоявленский С. К.* Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв.— В кн.: Славянский сборник. М., 1947.
8. *Голстой Н. И.* Литературный язык у сербов в XVIII веке.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.
9. *Чурчић Л.* Једно аутентично издање и једна мистификација «Кратког увода у историју порека славеносрпског народа» Павла Јулинца.— Зборник Матице Српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1970, књ. XVIII/1.
10. *Михаиловић Г.* Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964.
11. *Караџић Вук. С.* Српске народне песме. Београд, књ. 2, 1955, № 44—51, 53; књ. 4, 1958, № 15.

ХЕЛИМСКИЙ Е. А.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СЛАВИКА» (США)

Объем публикаторской деятельности издательства «Славика Паблшерз», начатой в конце 60-х годов, несколько расширился со второй половины 70-х годов и в настоящее время составляет порядка полутора десятков названий в год (включая переиздания). Однако сосредоточенность тематики этого издательства — около двух третей выходящих книг посвящается славянским языкам, остальное приходится в основном на долю работ по литературам и культуре славянских народов — делает его важнейшим в США издательским центром в области славянской филологии.

Президентом издательства является Чарлз Э. Гриббл, специалист по истории русского языка и общей славистике, профессор Университета штата Огайо в Колумбусе. В этом же городе с 1977 г. действует и само издательство (раньше оно находилось в Кембридже, штат Массачусетс).

Предметом данного обзора является преобладающая часть книжной продукции «Славика» — его лингвистические публикации, с учетом, естественно, того факта, что в рамках обзора нет возможности уделить равное внимание каждой из нескольких десятков вышедших к настоящему времени работ (некоторые из них к тому же остались для нас известными только по названиям или кратким аннотациям). Хотелось бы надеяться, что этот обзор даст советским славяноведам и балканистам, а также русистам не только минимальные сведения об отдельных интересных работах, оставшихся, возможно, вне поля их зрения, но и в целом более полные представления о тематике и методологии исследований их американских коллег.

Список научных публикаций «Славика» открывает сборник статей, посвященных Р. Якобсону его учениками. (Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students, ed. by Ch. E. Gribble, 1968). Сборник отражает то значительное влияние, которое личность и идеи Р. Якобсона оказали на развитие славистики в США. Он включает 35 статей (наряду со славянским языкознанием, здесь представлены общее и английское языкознание, поэтика, литературоведение), среди которых можно выделить исследования Ф. Глэнди о фонологических правилах, описывающих явления назальности (чередование $a \sim \epsilon$, реализацию носовых гласных и сочетаний гласных с носовым согласным) в польском языке, Э. Скэттона «Об утрате праславянских дифтонгов на плавный» (различная судьба этих дифтонгов в отдельных диалектных зонах объясняется через дифференциальный порядок правил), М. Шапиро «Акцентологический комментарий к „Прогласу“ Константина», Р. Чэннона об анализе пассивных предложений русского языка с применением падежной грамматики Филлмора и др.

Статьи по фонологии славянских языков в сборнике «Topics in Slavic Phonology», вышедшем под ред. Д. Кубурлиса в 1974 г., основываются

на докладах, прочитанных на конференции американских славистов в Новом Орлеане (1970). Для сборника характерен значительный удельный вес работ по описанию морфонологических процессов в современных славянских языках средствами генеративной фонологии с использованием глубинных представлений, нередко приближающихся к формам праславянской (или даже глубокой дославянской) реконструкции: это, в частности, статьи Ф. Клиндта о долготном чередовании гласных в чешском словоизменении, Ф. Колумбуса о фонологических правилах в болгарском языке начала XIX в. (на материале произведений Софрония Врачанского), Р. Де Армонда о морфонологии украинских глаголов на *-ати, -яти, -оти*, два исследования (Г. Коутс и М. Флайер) о чередовании *j/v* в некоторых типах русских глаголов. Некоторые фонологические решения выглядят не только непривычными, но и не вполне естественными: так, Де Армонд приписывает глубинным представлениям ряда украинских глаголов суффикс /oh/ (например, /rūs + oh + e + mb/пишемо). Попытка Дж. Оджеро («Ять и болгарский глагол») построить систему правил, регулирующих чередование в случаях типа *вѣрен ~ вѣрна, грѣх ~ грѣшка* и т. д., свидетельствует скорее об исключительной сложности ситуации с рефлексами ятя — что обусловлено генетической неоднородностью лексики современного болгарского литературного языка — нежели о плодотворности избранного подхода.

Вторую значительную группу статей сборника составляют исследования по праславянской исторической фонологии: Р. Абернати об отражениях и.-е. *kt* в славянском, Л. Миклсена о генезисе и взаимном распределении показателей сравнительной степени, Г. Шевелева о рефлексах *dj* в украинском (где признается первичность $\check{z} < dj$ и рассматривается процесс постепенной замены $\check{z}$ на $\check{z}$), Э. Голомба (где анализ явлений «мазурения» и «сяканья» в польском языке служит основой для панхронической гипотезы — «закона диссимиляции палатальных», на основании которого объясняется, в частности, развитие и.-е. *k, ĝ >* слав. *s, z*).

К. Нэйлор вместил в узкие рамки своей статьи весьма насыщенный обзор по чакавско-сербскохорватской просодии, сосредоточенный на вопросах принципиального устройства просодических систем в отдельных чакавских говорах и на важнейших морфонологических явлениях в этой сфере. В статье Э. Перселла излагается модель расчета просодических параметров (контур частоты основного тона, длительность сегментов) для синтезирования сербскохорватской речи. Интерес для русистов представляют работы Д. Уорта, попытавшегося выделить по крайней мере некоторые регулярные словообразовательные типы среди совокушности случаев, трактуемых академической грамматикой 1970 г. как «нерегулярное соотношение основ», и М. Шапиро, где рассмотрены условия вставки гласного в ауслатное стечение согласных в русском именном словоизменении.

Под редакцией Т. Ф. Мэгнера издательство выпустило в 1976 г. сборник «*Slavic Linguistics and Language Teaching*» («Славянское языкознание и преподавание славянских языков»). Сборник включает четыре тематических раздела и открывается разделом «Акцентология», где опубликованы статьи П. Гарда (Франция) «Нейтрализация тона в общеславянском языке», Э. Станкевича «Славянские асиллабические глагольные основы и их акцентуация» (входит в цикл работ этого автора по акцентуации определенных морфологических классов, выполненных преимущественно в сопоставительном плане и с уделением основного внимания историческим судьбам целых просодических типов, а не отдельных основ), П. Ивича (Югославия) «Сербскохорватская акцентуация: факты и интерпретация» (посвящена фонологическому анализу слоговых тонов в свете новейших экспериментально-фонетических данных и в особенности вопросу о возможности трактовки восходящего тона в словах типа *вода* как реализации ударения на втором слоге — автор присоединяется к этой фонологической трактовке, предложенной в работах Дж. Мак-Коули, Э. Станкевича и П. Гарда), У. Дербишира (Англия) «Интонационные

модели эмоционально-оценочных предложений в русском языке» (предложены некоторые уточнения к разработанной Е. А. Брызгуновой классификации интонационных типов).

Исследования, вошедшие во второй раздел, «Кодификация языка», посвящены истории формирования славянских литературных языков (преимущественно польского и чешского) и проблемам современных норм; их авторы — Д. Буттлер, Р. Ленчек, Р. Оути, Дж. Перельмутер, Р. Ротстайн. В этих работах, носящих в основном обзорный характер, внимание авторов концентрируется на «экстралингвистических» аспектах рассматриваемых проблем, которые, вероятно, производят особое впечатление на читателя в англоязычном мире, где эти проблемы никогда не приобретали такой культурной значимости и тем более социально-политической остроты, как в славянских странах (ср. замечание Р. Ротстайна об отсутствии в английском языке адекватного соответствия понятию *kultura języka*, *культура языка* — с. 58).

Весьма разнообразна тематика третьего раздела, куда вошли статьи по описательной грамматике славянских языков. Л. Миклсен демонстрирует возможности генеративного подхода к классификации типов глагольного спряжения в западнославянских языках. М. Загурска-Брукс проводит сопоставление старославянских и польских аналитических конструкций с глаголами *chotěti/chcieć* и *iměti/mieć* (модальное значение, выражение будущего времени). Т. Батлер стремится доказать значение сербских и хорватских средневековых переводных текстов (которыми югославские филологи склонны пренебрегать) как литературных и языковых памятников. Э. Скэттон исследует вопросы лингвогеографии и относительной хронологии, связанные с развитием $\acute{e}$ > а после рефлексов второй регрессивной палатализации велярных (с, z и ж, s) в болгарских и македонских диалектах. Анализ синтаксиса и семантики русского дистрибутивного *по* дает Д. Крокетт. Работа Дж. Камминза посвящена видо-временной системе чешского глагола в памятниках XIV в. Тема статьи Дж. Бренкла (ее «славистичность» весьма условна) — относительная роль русских и английских заимствований в языке азиатских эскимосов.

В центре внимания статей из раздела «Педагогика», завершающего собой сборник — вопросы преподавания русского языка, который (несмотря на рост исследовательского интереса к южно- и западнославянским языкам) прочно остается ведущей славистической учебной дисциплиной в странах Запада.

В 1978 г. в связи с VIII Международным съездом славистов в Загребе и Любляне издательством были выпущены два объемистых тома с докладами американских участников съезда, один из которых посвящен вопросам лингвистики и поэтики (*American Contributions To The Eighth International Congress of Slavists, Vol. 1 — Linguistics and Poetics*, ed. by H. Birnbaum); ранее доклады американских славистов печатались в Голландии гаагским издательством Mouton. Со многими докладами советские специалисты уже знакомы благодаря личному участию в съезде или из опубликованных информационно-хроникальных материалов. Некоторое представление о распределении научных интересов американских языковедов-славистов могут дать следующие цифры: из 27 лингвистических докладов фонетике и акцентологии посвящены 5, морфологии — 7, словообразованию (в морфологическом и/или семантическом аспекте) — 4, синтаксису — 2, лексикологии — 1, проблемам литературных языков — 5, социолингвистической тематике — 3. В значительной части докладов привлекается славянский материал в целом (в сравнительно-историческом или сопоставительном плане) или материал отдельных групп славянских языков (12 работ), из отдельных языков наибольшее внимание уделено сербскохорватскому (7 — это, конечно, связано с проведением съезда в Югославии) и русскому (6). Поэтика (главным образом русская) представлена в сборнике 10 докладами.

«Морфосинтаксис в славянских языках» (*Morphosyntax in Slavic*, ed. by S. V. Chvany and R. D. Brecht, 1980) — последний по времени

из выпущенных «Славикой» сборников по славянскому языкознанию, в известной мере служащий продолжением «Славянского трансформационного синтаксиса», вышедшего в 1974 г. под той же редакцией в другом издательстве [4]. Статьи сборника довольно разноплановы не только тематически, но и в концептуальном отношении, и вряд ли можно согласиться с тем, что все они укладываются в рамки анализа «форм и значения через призму синтаксиса» и отражают «конвергенцию между структуралистской и генеративистской школами», о чем пишут в своем предисловии К. Чваны и Р. Брехт, обосновывая заглавие сборника. Статьи первого раздела посвящены явлениям маркированности. Х. Кучера исследует, в основном с позиций Пражской школы, возможность применения понятия маркированной оппозиции к противопоставлению чешских «детерминатных» (*jít, jet, nést*) и «индетерминатных» (*chodit, jezdit, nosit*) глаголов движения; вывод автора негативный: по его мнению, здесь представлена антонимическая (эквиолентная) оппозиция. Из трех предметно близких исследований о маркировании классификационных именных категорий (рода, одушевленности) в русском и других славянских языках одно (Г. Корбетт) сосредоточено на явлениях идиолектного варьирования, другое (Э. Кленин) — на диахронических сдвигах и третье (Р. Ротстайн) — на межъязыковых (русско-польских) различиях.

Для авторов большинства статей из двух следующих разделов («Движения, продвижения, клитики и следы» и «Еще о границе синтаксиса и морфологии») — Б. Комри, Р. Чэннона, Дж. Берента, Р. Сассекса — материал славянских языков служит главным образом «полигоном» для проверки и усовершенствования разнообразных операционных правил современного трансформационного синтаксиса в его реляционной и лексикалистической разновидностях. Доступность (и ценность) этих работ для слависта, не владеющего понятиями *equi-NP-deletion*, *S-pruning*, *scrambling*, *strong topicalization*, *reevaluation rule*, *place advancement*, *object adjustment* и под. (названия трансформационных правил), довольно ограничена. Особняком стоит статья Э. Скэттона, где показано, что экономичная и логичная с точки зрения порождающей фонологии запись болгарского определенного артикля ед. ч. м. р. в виде $\{tV\}$ эксплицитно присутствовала в исследованиях по описательной грамматике болгарского языка, но ... только до орфографической реформы 1945 г., когда переход от написаний *мостъ*, *мостътъ* к написаниям *мост*, *мостът* повлек за собой универсальное распространение трактовки этого артикля как *-ът*.

В четвертом разделе помещены исследования по русскому синтаксису, в которых за отдельными терминологическими инновациями отчетливо проступает достаточно традиционный подход к синтаксическому описанию. Л. Бэбби сопоставляет синтаксические особенности (порядок слов, употребление падежей) в утвердительных и отрицательных экзистенциальных предложениях. А. Тимберлейк показывает несостоятельность предположений, согласно которому антецедент возвратного местоимения обязательно должен являться явным или хотя бы скрытым субъектом. В работе О. Йокояма прослеживаются с точки зрения тематико-рематической структуры предложения процессы ликвидации субъективной самостоятельности деепричастных конструкций в русском языке XVII—XX вв., а исследование Дж. Раппапорта посвящено «подразумеваемым» субъектной и темпоральной соотнесенности деепричастий в конструкциях с обособлением и без него.

Лингвистическая тематика затрагивается и на страницах комплексных неперIODических сборников «Balkanistica» и «Papers in Slovene Studies». Так, в третьем выпуске сборника «Balkanistica» (1976), в целом посвященного проблемам соотношения традиционной (крестьянской) и новой (национальной) культуры в балканских странах, привлекает внимание статья К. Казазиса «Греческий язык и арванитика в Коринфии». Автор рассматривает нынешнюю социолингвистическую ситуацию в аграрных северо-восточных районах Пелопоннеса, где живут арваниты (арнауты) — потомки албанцев, переселившихся сюда около пятисот лет назад. Интенсивно идущий процесс вытеснения албанского диалекта (арванитики) греческим

языком трактуется, с одной стороны, как следствие полного отсутствия у его носителей этнического самосознания, которое противопоставляло бы их соседям-грекам, с другой стороны, как одно из проявлений общей тенденции к утрате специфически крестьянских элементов культуры в условиях современного общества.

Важной стороной деятельности «Славики» является начавшееся с 1977 г. издание специализированного журнала «Folia Slavica», посвященного изучению славянских (а также балтийских и балканских) языков и смежных вопросов филологии, поэтики и прикладной лингвистики; об общем характере и содержании первых двух томов этого журнала уже сообщалось на страницах «Советского славяноведения» [2].

Среди монографий, выпущенных в «Славика Паблшерз», преобладают переработанные и дополненные издания диссертационных работ, защищенных в последние годы в американских университетах. Многие из сравнительно молодых авторов этих книг группируются вокруг издательства и нередко выступают со статьями в выпускаемых им сборниках, а также входят в состав редколлегии «Folia Slavica». Наряду с этим, услугами издательства воспользовались и некоторые известные американские слависты — Г. Бирнбаум, У. Шмальштиг, Р. Якобсон.

В небольшой книге «Aspects of Russian Morphology. A Semiotic Investigation» (1969) М. Шапиро развивает идею Р. Якобсона о существовании изоморфных отношений между морфологическими категориями и способами их выражения, о роли иконической стороны языковых знаков в морфологии. Он, в частности, выдвигает гипотезы о корреляции между увеличением маркированности падежей в русском языке и убыванием сонорности в их окончаниях, о связи между местом ударения и качеством гласного в глагольных корнях, о морфологической нагруженности парадигматически подвижного ударения.

Изучение венгерского языка (который примыкает к «сфере деятельности» издательства) представлено монографией о чередованиях и других явлениях, нарушающих агглютинативное единообразие его морфологии (L. A. Rice. Hungarian Morphological Irregularities. 1970).

В 1975 г. вышла в свет монография Г. Бирнбаума «Common Slavic. Progress and Problems in Its Reconstruction», содержащая подробный анализ состояния науки о праславянском языке. Мы не останавливаемся на этом труде, поскольку он детально прорецензирован в «Вопросах языкознания» В. К. Журавлевым, отметившим, в частности, «редкую способность Г. Бирнбаума видеть взаимосвязи излагаемых концепций, их обусловленность предшествующими идеями и концепциями» [3].

Чисто генеративный подход резко отличает «Болгарскую фонологию» Э. Скэттона (E. A. Scatton. Bulgarian Phonology. 1975) от других работ со сходным названием. Цель автора — не описать звуковой строй, а «сформулировать главную часть фонологического компонента единой целостной трансформационно-порождающей грамматики современного болгарского литературного языка». Соответственно основными единицами анализа служат абстрактные (глубинные) фонемы, которых Э. Скэттон выделяет 38 : 10 гласных (i ĭ ä e u y ъ u a o, причем ĭ ä у ъ представлены только на глубинном уровне и только в морфемах исконного происхождения) и 28 согласных (p b m w t d s z c n l r ħ ľ í j k g x в исконных морфемах, те же с добавлением f z č ž š ž k ĝ x и за вычетом ħ ľ í в неисконных морфемах) — нетрудно видеть, что в такой интерпретации система болгарских фонем в известной мере сближается с праславянской. Переход от глубинно-фонологических представлений к поверхностным обеспечивает, в частности, система правил, описывающих сегментные морфологические чередования (перегласовка ятя, чередование гласного с нулем, группы CəLC ~ CLəC, велярные и альвеопалатальные — k/č, g/ž, x/s; велярные и денгальные — k/c, g/z, x/s, йотация — s/š, t/št, z/ž, d/žd, st/št, чередования в глагольной системе).

В русле генеративной грамматики лежит и вышедшая одновременно работа К. Чваны о синтаксисе предложений с глаголом *быть* в русском языке (C. V. Chvany. On the Syntax of BE-Sentences in Russian. 1975).

Автор детально анализирует соотношение между экзистенциальным и копулятивным употреблением глагола, ориентируясь на операционные, а не семантические критерии разграничения (замена на *нет* vs. *не* при трансформации отрицания и др.); предложения со значением обладания рассматриваются как подтип экзистенциальных. Существенную часть книги занимает построение формального аппарата, обеспечивающего выбор глубинно-синтаксических представлений и применение к ним трансформационных правил для порождения грамматически правильных предложений с *быть*. Представляют интерес и многочисленные примечания, выходящие за рамки непосредственно решаемых проблем и захватывающие большой комплекс явлений русского синтаксиса и приемов их трансформативного описания.

Монография Д. Крокетт о согласовании в современном русском языке (D. V. Crockett. Agreement in Contemporary Standard Russian. 1976) содержит обширный и довольно удачно систематизированный материал по трудным случаям согласования в роде и числе для атрибутов и предикатов, в основном почерпнутый из опубликованных в СССР исследований (хотя некоторые проблемы в имеющихся описаниях автор попыталась восполнить собственными наблюдениями и работой с информантами). Преимущественное внимание уделяется колебаниям и тонким синтактико-семантически мотивированным различиям в относительно редких типах согласования, что создает сложную и пеструю картину. Интересно, что полученные на материале русского языка результаты Д. Крокетт были оценены на страницах журнала «Language» как убедительное свидетельство ошибочности представлений «ранних» генеративистов о согласовании как о механическом поверхностном явлении, обеспечиваемом в трансформационной грамматике за счет облигаторных правил копирования признаков, которые действуют на поздней стадии порождения предложения [4].

В сопоставительно-аспектологическом исследовании М. Ридяновича (M. Ridjanovic. A Synchronic Study of Verbal Aspect in English and Serbo-Croatian. 1976) рассматривается соотношение сербскохорватских глаголов совершенного и несовершенного вида (которые автор, впрочем, переименовывает в «тотивные» и «нетотивные» — *totive, non-totive*) с английскими *ing*-овыми и обычными временами (по М. Ридяновичу — дуративный и точечный виды). Путем анализа сербскохорватского текста («Проклятый двор» И. Андрича) и его английского перевода автор демонстрирует существование статистически значимой корреляции между «тотивными» и «точечными», «нетотивными» и «дуративными» глагольными формами и делает из этого вывод, что видовые категории и подкатегории, выделяемые в сербскохорватском языке, должны быть постулированы равным образом и для английского языка.

«Введение в старославянский язык» У. Шмальштига (W. R. Schmalstieg. Introduction to Old Church Slavic. 1976) фактически представляет собой не столько учебное пособие для студентов, сколько обобщающий труд по грамматике древнейшего литературного языка славян в перспективе сравнительной индоевропеистики. Интересны в этой работе не само по себе изложение сведений о фонологии и морфологии старославянского языка — в целом достаточно традиционное и, к сожалению, не свободное от ошибок — а сопровождающие каждый из разделов длинные комментарии, посвященные индоевропейской и балто-славянской предьстории соответствующих форм и явлений. В комментариях автор приводит не только давно и твердо установленные факты, но и многие гипотезы, порожденные, в частности, его собственными исследованиями по внутривидовой причинности фонетических изменений балто-славянской и праславянской эпох.

Разработанную Р. Якобсоном технику анализа грамматических оппозиций славянского глагола [5] использует В. Фридман в монографии «Грамматические категории македонского индикатива» (V. A. Friedman. The Grammatical Categories of the Macedonian Indicative. 1977); развивая тем самым традиции, идущие от Х. Ланта — автора одного из первых и наиболее авторитетных описаний македонского литературного языка

[6]. Анализ употребления и значения отдельных форм в исключительно богатой (десятичленной!) системе индикатива осуществляется на довольно широком общепалканском фоне, а также с использованием приемов контрастной (преимущественно македонско-английской) грамматики и ориентирован на выявление бинарных оппозиций, которые образуют семантическую структуру македонского индикатива. Автор приходит к следующей матрице дистриктивных признаков (с. 115—116; в русской передаче по возможности сохранена терминологическая специфика оригинала); см табл.

Таблица

Грамматическая категория	Оппозиция ¹	Временные формы индикатива										
		Серия простых форм			Серия сум		Серия беше		Серия има			
		презент (права)	имперфект (правеше)	аорист (права)	а-имперфект (правел)	а-аорист (права)	беше-имперфект (беше-правел)	беше-аорист (беше-права)	има-перфект (има-правешо)	има-имперфект (има-правешо)	има-аорист (има-права)	
Результативность	Статальность ²	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+
Время/Референция	Прошедшее время	—	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+
Таксис	Предшествование	0	—	—	—	—	+	+	+	0	0	0
Статус	Утвердительность	0	+	+	—	—	0	0	0	0	+	—
Аспект	Длительность	0	+	—	+	—	+	—	—	0	0	0

Общеиндоевропейская тематика представлена изданной в 1980 г. монографией Д. Дистерхефт «Синтаксическое развитие инфинитива в индоевропейском» (D. Disterheft. *The Syntactic Development of the Infinitive in Indo-European*). Принимая традиционный взгляд об отсутствии в индоевропейском языке инфинитива как морфологически самостоятельной глагольной формы, автор признает возможным существование в нем дифференцированных в зависимости от синтаксической позиции абстрактных имен, связанных с глаголом (и особенно близких императиву) и функционально сходных с «истинными» инфинитивами, сформировавшимися уже позднее, в ходе самостоятельного развития отдельных групп языков-потомков. В отношении грамматики инфинитива наиболее близки предполагаемому праиндоевропейскому состоянию язык Ригведы и древнеирландский язык, которые (наряду с языком Авесты и хеттским языком) подвергнуты тщательному анализу.

Брошюра «Мозг и человек» по своему содержанию явно не укладывается в рамки славянского языкознания, однако вполне объясним выход с грифом издательства «Славика» этой новой работы Р. Якобсона, известного исследованиями в самых различных сферах гуманитарного знания. В данной работе (R. Jakobson, with the assistance of K. Santilli. *Brain and Language. Cerebral Hemispheres and Linguistic Structure in Mutual Light*. 1980) обобщены результаты новейших нейролингвистических исследований (с особым вниманием к работам советских специалистов — Л. Баллонова, В. Деглина, Вяч. Вс. Иванова).

Одна из последних книжных новинок «Славика» — «Обстоятельная грамматика А. А. Барсова» в критическом издании Л. Ньюмена (*The Comprehensive Russian Grammar of A. A. Barsov. Critical Edition by*

¹ Значение признака, обозначенное символом «+».

² Выражение состояния, являющегося результатом осуществленного действия.

L. W. Newman. 1980) — публикация выдающегося памятника русской грамматической мысли XVIII в. и ценного источника сведений о русском языке этой эпохи. Издание снабжено обширным предисловием и текстологическими комментариями на английском языке. Примечательно, что труд А. А. Барсова, написанный в 1783—1788 гг. и оставшийся в рукописи, наконец — по прошествии почти 200 лет — увидел свет одновременно в США и в СССР: с изданием Л. Ньюмена «конкурирует» публикация этой же грамматики, подготовленная Б. А. Успенским и М. П. Тоболовой и выпущенная в 1981 г. издательством Московского университета [7]. Мы не задаемся целью сравнить здесь потребовавшую немалых усилий работу московских и американского издателей, которые действовали независимо друг от друга; вероятно обе публикации грамматики А. А. Барсова — свидетельство интереса к лингвистическому наследию прошлого, столь наглядно проявленного и в нашей стране, и за рубежом — еще станут предметом внимания рецензентов.

Значительное место в издательской деятельности «Славика Паблишерз» занимает выпуск учебной литературы, в первую очередь — курсов и пособий по русскому языку для студентов американских колледжей и университетов. Из изданий такого рода можно назвать пользующийся большой популярностью учебник А. Липсона (A. Lipson. A Russian Course. 1977), а также учебные пособия: М. К. Лаунера (M. K. Launer. Elementary Russian Syntax. 1974; J. F. Levin a. o. Reading Modern Russian. 1979; A. D. Nakhimovskiy, R. L. Leed. Advanced Russian. 1980 и др. Изданы и специальные пособия по отдельным разделам русской грамматики — орфографии и орфоэпии (B. L. Derwing, T. M. S. Priestly. Reading Rules for Russian: A Systematic Approach to Russian Spelling and Pronunciation with Notes on Dialectical and Stylistic Variation. 1980), фонологии и структуре слова (W. S. Hamilton. Introduction to Russian Phonology and Word Structure. 1980), морфологии словоизменения (M. J. Levin. Russian Declension and Conjugation: A Structural Sketch with Exercises. 1978). Эти работы преследуют в первую очередь учебные цели, что отражается в способе подачи и систематизации материала, наличии упражнений и т. п. В то же время, пожалуй, даже специалист, знакомый с соответствующим материалом только в традиционном изложении, смог бы почерпнуть из этих работ немало нового: авторы названных пособий адаптируют для своих целей многие нетривиальные решения, предложенные в области русской грамматики школой Р. Якобсона и генеративистами, а в ряде случаев сами развивают соответствующую методологию описания. В еще большей мере это присуще работам по русскому словообразованию — описанию деривационной морфологии Ч. Таунзенда, где особое внимание уделено морфологическому аспекту, и словарю корней Ч. Гриббла — последний был подробно освещен в рецензии А. И. Кузнецовой [8] (Ch. E. Townsend. Russian Word-Formation. 1975, corr. repr. 1980; Ch. E. Gribble. Russian Root List with a Sketch of Word Formation. 1973).

Ч. Гриббл составил и выпустил также два пособия для изучения истории русского языка. Хрестоматия древнерусских текстов (Medieval Slavic Texts, vol. I. Old and Middle Russian Texts. 1973), содержит материал, заимствованный из аналогичных изданий, опубликованных в России и СССР (в особенности из хрестоматии С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова), а также из публикаций новгородских берестяных грамот. «Словарик русского языка 18-го века» (1976, на русском языке, с английским предисловием) — дифференциальный толковый словарь, включающий только ту лексику, которая уже не используется в современном русском языке и поэтому не может быть найдена в существующих толковых словарях. Материал (около 5 тыс. слов) выбран из 22 русских книг XVIII в., преимущественно художественных произведений. Естественно, для лексикологических исследований словарик Ч. Гриббла недостаточен и заведомо уступает подготавливаемому в Ленинграде «Словарю русского языка XVIII века» (см. [9]). Однако он во многом отвечает другой — вероятно, не менее важной — задаче: облегчить чтение русской литературы двухвековой давности.

Д. Уорт составил большую (стремящуюся к исчерпывающей полноте) библиографию по русскому словообразованию (D. S. Worth. A Bibliography of Russian Word-Formation. 1977). Охваченные в ней исследования сгруппированы в семь разделов: общетеоретические вопросы; морфология словообразования; деривационные типы и модели (с подразделением внутри раздела по отдельным префиксам и суффиксам); семантика словообразования; конверсия (словообразование с переводом в другую часть речи); диалектология; иноязычные влияния. Библиография доведена до 1973 г., однако автор сообщает о своих планах продолжения работы.

Балтийское языкознание представлено обратным словарем литовского языка (D. F. Robinson. Lithuanian Reverse Dictionary. 1976), который основан на материале словаря современного литовского языка АН Литовской ССР [10] и содержит около 45 тыс. слов. Имеются пометы об акцентных классах. Данная книга может служить важным подспорьем в исследованиях по словообразованию, морфологии, акцентологии.

В 1980 г. в издательстве «Славика» третьим, переработанным и расширенным изданием вышло «Руководство по славянским языкам» Р. де Брэя — наиболее популярное в англоязычных странах введение в изучение славянских языков (R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic Languages). В новом издании эта работа приобрела вид трех больших томов, посвященных соответственно южно-, западно- и восточнославянским языкам (подробнее о «Руководстве» Р. де Брэя см. в нашей рецензии [11]).

Сочетание в тематических планах сборников статей по славянскому языкознанию, монографий, учебной и учебно-справочной литературы позволяет с интересом ожидать появления новых книг с грифом «Славика Паблишерз».

ЛИТЕРАТУРА

1. Slavic Transformational Syntax. Eds. R. D. Brecht, C. V. Chvany. Ann Arbor, 1974.
2. Хелимский Е. А. Новый славистический журнал в США.— Советское славяноведение, 1980, № 5, с. 107—109.
3. Журавлев В. К. [Рец. на кн.:] Н. Birnbaum. Common Slavic. Progress and Problems in Its Reconstruction.— Вопросы языкознания, 1978, № 3, с. 135.
4. Babby L. [Review of:] D. B. Crockett. Agreement in Contemporary Standard Russian.— Language, v. 54, 1978, № 4, p. 958—963.
5. Яковсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 95—113.
6. Lunt H. G. A Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje, 1952.
7. Российская Грамматика Антона Алексеевича Барсова. Подготовка текста и текстологические комментарии М. П. Тоболовой. Под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского. М., 1981.
8. Кузнецова А. И. [Рец. на кн.:] Ch. E. Gribble. Russian Root List with a Sketch of Word Formation.— Филологические науки, 1975, № 1, с. 107—108.
9. Словарь русского языка XVIII века. Проект. Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.
10. Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954.
11. Хелимский Е. А. [Рец. на кн.:] R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic Languages.— Информационный бюллетень МАИРСК, 1981, № 5, с. 34—37.

ГАВРИШКОВ В. М.

СЛАВЯНСКАЯ ТЕМАТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕССИНГА

В России творчество выдающегося немецкого просветителя Готтольда Эфраима Лессинга (1729—1781) привлекло к себе внимание еще при его жизни. Первый русский перевод юношеской комедии Лессинга «Молодой ученый» был выполнен и издан Нартовым, сыном известного изобретателя в области механики, в 1765 г. В 1779 г. были опубликованы переводы пьес «Сокровище» (под названием «Клад») и «Минна фон Барнгельм» (под названием «Солдатское счастье»). Пятнадцать лет спустя трагедию Лессинга «Эмилия Голотти» перевели одновременно В. А. Петин и Н. М. Карамзин. Последователь школы Карамзина, предвестник декабристских настроений, писатель-сатирик А. П. Бенитский работал в 1806—1807 гг. над переводом одноактной драмы Лессинга «Филотас» [1, с. 4].

Произведения Лессинга знали и высоко ценили А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, идеолог народничества П. Л. Лавров, революционные демократы Н. В. Шелгунов, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен. Чернышевский посвятил Лессингу большую монографию «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (1857). В 1904 г. под редакцией П. Н. Полевого вышел вторым изданием десятитомник избранных сочинений Лессинга; после революции в России издавались его «Гамбургская драматургия» (1936), «Драмы» (1937), «Лаокоон» (1957), а в серии «Библиотека всемирной литературы» — басни и пьесы.

На Украине большим знатоком, почитателем и популяризатором творчества Лессинга выступил писатель, ученый и общественный деятель революционно-демократического направления И. Я. Франко [2, с. 115—119].

Несколько позже развернулось изучение художественного и теоретического наследия Лессинга в Польше. Результатом стало осуществленное польскими литературоведами и переводчиками трехтомное издание избранных произведений немецкого просветителя. Впервые на славянский язык были переведены социально-философские трактаты Лессинга «Эрнст и Фальк» и «Воспитание рода человеческого», а также знаменитый памфлет «Анти — Геде», направленный против тирании власть имущих и религиозного мракобесия [3].

При большой и неизменной симпатии, которую славяне проявляют к личности и творчеству Лессинга, вполне естественным и важным является вопрос об отношении Лессинга к славянам, их истории, культуре и литературе — ведь Лессинг был не только одним из родоначальников материалистической традиции в Германии, борцом за демократические идеалы, но и, по словам Чернышевского, «отцом немецкой литературы», причем «только очень немногие из людей XVIII в., столь богатого гениальными людьми и сильными историческими деятелями, могут быть поставлены наряду с ним по гениальности и огромному историческому значению» [4, с. 9—10].

К сожалению, в научной литературе данный вопрос недостаточно разработан [5—7]. Это объясняется, вероятно тем, что Лессинг не оставил нам более или менее обстоятельных высказываний о славянах, как это сделали, например, И. В. Гете, И. Г. Гердер или другие его современники. Об отношении Лессинга к славянам можно судить лишь на основании двух небольших драматических фрагментов («Гороскоп», «Джангир, или Отказ от трона») и двух-трех десятков строк, извлеченных из его писем, одной краткой газетной заметки (рецензии), двух историко-философских трактатов («Андреаса Виссоватиуса возражения против троицы», «Об Адаме Нойзере...») и «Гамбургской драматургии».

Главные персонажи трагедии «Гороскоп» (1758) — исторические личности: Петр Опалинский, подольский пфальцграф, и Лукаш Опалинский, его сын, кастелян из Кржечовиц [8, с. 539]. Другие действующие лица: жена Петра Опалинского, Анна Масальская, Зузи — султан-ага, Амрумурза, Коннор — врач-англичанин. Мы располагаем пятью сценами первого, второго и третьего актов, девятью сценами четвертого и тремя — пятого актов.

Лессинг предпосылает трагедии краткое пояснение: «Во времена Петра Опалинского (первая половина XVII в.— Б. Г.) на Подолию напали татары; Лукаш нанес им поражение под Кржечовицами. Преследуя их, Петр отбил уведенную ими из Львова в неволю Анну Масальскую. Или, вернее, Анна Масальская не совсем против своего желания последовала за одним татарским мурзой, а тот нынче добровольно дал себя поймать, дабы не расставаться со своей любимой Масальской, оказавшейся снова в руках поляков. Петр с первого взгляда насмерть влюбился в Масальскую, судя по тому, как он на нее поглядывал, Масальская произвела впечатление и на Лукаша, и ему сильно хотелось заполучить её.

Некий астролог, которого отец спрашивал когда-то о судьбе своего единственного сына, предсказал, что он, Лукаш, станет храбрецом и принесет отчизне великую пользу, однако впоследствии убьет собственного отца. На латинском языке гороскоп гласил: *Noc temporis momento natus vir fortis futurus est, deinde parricida*¹. Это предсказание до слова *deinde* отец сам частенько повторял сыну, стремясь сделать его самоуверенным на поле брани.

До совершения больших подвигов Лукаш думал только о первой половине гороскопа: *vir fortis futurus est*. Но как только он возвысился благодаря победе над татарами, как только, судя по всему, достиг высшей ступеньки славы и первая половина гороскопа исполнилась, ему сразу пришло на память *deinde*, на котором отец всегда обрывал свою речь, и сейчас он любой ценой хотел узнать вторую часть своего гороскопа. А поскольку отец, дойдя до этого слова, всегда замолкал, то Лукаш, естественно, заподозрил, что дальнейшие слова были для него крайне неблагоприятны.

Между тем, жена Петра и мать Лукаша, Марина Опалинская, не могла не заметить, как Петр восторгался Анной, хотя на самом деле он только о том и помышлял, как бы порадовать ею сына. В страхе потерять сердце мужа она решила всячески препятствовать этой, как ей казалось, опасной для нее любви, и она усиленно начала расхваливать Анну перед сыном, и даже намекнула: пусть он только ее требует от спасенного им королевства как награду за свои подвиги. Однако, увидев, что Лукаш весь поглощен единственной мыслью: что сказано о нем после слова *deinde* мать, дабы успокоить сына, обещает показать ему весь гороскоп.

Мать выполнила свое обещание, и Лукаш прочитал ужасное для него слово *parricida*. Легко представить себе, что происходит теперь в его душе. О том, что случилось далее, узнаем из самой пьесы» [8, с. 539—540]².

Содержание допешедшего до нас текста «Гороскопа» таково. Врач сообщает отцу, что встревожен состоянием Лукаша, становящегося все более

¹ Родившийся ныне муж отличится храбростью, затем станет отцеубийцей (лат., перевод автора статьи).

² Все цитаты из Лессинга, за исключением строк из «Гамбургской драматургии», приводятся на русском языке впервые (перевод автора статьи).

печальным. Отец тайком наблюдает за сыном, и, пытаясь спасти его от самоубийства, получает случайное ранение. Лукаш кончает с собой, несмотря на заверения врача, что отец вне опасности [8, с. 542—544].

Согласно историческим данным у Петра Опалинского (1587—1624), кастеляна, затем воеводы познанского, было два сына: упомянутый выше Лукаш (1612—1662) и Кшиштоф (1609—1655). Лукаш после обучения в Париже занимал ответственные государственные посты (кастелян, гофмейстер, воевода), был также писателем-сатириком, теоретиком поэзии. В своем диалоге «Беседа сельского священника с помещиком» (1641) он критиковал корыстолюбие шляхты, а в политической диатрибе «Нечто новое, написанное в 1652 году» выступил против краковского наместника великого канцлера Г. Радзеевского. Ему принадлежит также первый польский учебник поэтики («Новый поэт») и морально-философский трактат «Об обязанностях в трех книгах» (*De officiis libri tres*), ставший учебником этики в иезуитских школах [9].

Важную роль в общественно-политической жизни Польши играл и Кшиштоф Опалинский. Будучи воеводой, он основал гимназию, поддерживал дружеские отношения с Яном Амосом Коменским, знаменитыми арианами (об арианах см. ниже) — Вольцогеном, Руаром, Крузиусом. В 1650 г. появились его «52 сатиры» социально-политического и бытового содержания, осуждавшие угнетение крестьян, произвол и продажность магнатов и шляхты, другие отрицательные социальные явления [10].

17 апреля 1748 г. Лессинг задумал написать свою первую трагедию «Джангир, или Отказ от трона». Сохранились только три небольшие сцены первого акта. Этот фрагмент, возникший на десять лет раньше «Гороскопа» представляет для нас меньший интерес, так как нет уверенности, что Лессинг имел здесь в виду известный эпизод из истории славян. Действующие лица трагедии: император Сулейман, Роксолана — его жена; Мустафа сын Сулеймана от первой жены; Баязет, Джангир — сыновья Роксоланы; Темир.

Сулейманом и Роксоланой Лессинг заинтересовался еще в стенах Лейпцигского университета. Одновременно на эту же тему написал трагедию его однокурсник Х. Ф. Вейссе (1726—1804), опубликовав ее в 1762 г. под заглавием «Мустафа и Зеангир». Замысел «Джангира» возник у Лессинга, возможно, под влиянием трагедии Расина «Баязет» (1672), где главной героиней тоже выступает Роксолана (Роксана).

В первой сцене драматического фрагмента Лессинга Роксолана, стремясь сделать наследником трона своего сына, замышляет устранение Мустафы, сына Сулеймана от первой жены.

Во второй и третьей сценах Роксолана с сделанным прискорбием сообщает мужу, будто Мустафа предлагал ей стать его наложницей. Она разжигает гнев султана, высказывая сомнение, сможет ли он, отец, отомстить собственному сыну. Султан клянется судить сына не как отец, а как султан. Чтобы не поддаться отцовским чувствам, Сулейман решает вынести приговор, «не выслушав» обвиняемого. Напрасно Темир, воспитатель Мустафы, защищает юношу и готов понести наказание вместо него, воля султана непоколебима, и Мустафа должен умереть [8, с. 416—420].

Новейшими исследованиями установлено, что Роксолана — это Настя (Анастасия) Лисовская (1505—1561), уроженка г. Рогатина (теперь Ивано-Франковская область УССР). В 1520 г. она была захвачена крымскими татарами и продана ими в турецкий гарем. Красивая, умная, музыкально одаренная женщина, она стала вскоре любимейшей женой султана Сулеймана I (он же — Сулейман II) Кануни, играла важную роль в политической жизни Турции 20—50-х годов XVI в. Добившись смертной казни Мустафы, Роксолана проложила путь к престолу своему сыну Селиму II (11, с. 338; 12, с. 39).

К образу Роксоланы Лессинг возвратился двадцать лет спустя (1767) в «Гамбургской драматургии» (статьи 34—36), разбирая повесть Мармонтеля и комедию Фавара, современных ему французских писателей, избравших Роксолану центральным персонажем своих произведений. Лессинг характеризует Роксолану как «европейскую невольницу», которая сумела

до такой степени завладеть Сулейманом II, управляя им «по своей воле», «что он решился вступить с нею в законный брак и объявить ее императрицей (она носила официальный титул „гуррем-султан“.— *Б. Г.*), вопреки всем обычаям империи». «Роксолана по истории,— продолжает Лессинг,— была хитрая, честолюбивая женщина, которая для достижения своих гордых замыслов способна была на самые смелые и черные поступки. Своими происками и притворною нежностью она сумела довести султана до того, что он ожесточился против собственного рода и омрачил свою славу казнью невинного сына» [13, с. 126—127].

Следует отметить, что Лессинг не называет Роксолану украинкой. Это, однако, не должно нас удивлять: научно документированная биография Роксоланы — результат совсем недавних исторических изысканий, и еще в 1936 г. в примечаниях к русскому изданию «Гамбургской драматургии» она названа «полькой» [13, с. 425].

Говоря о славянских мотивах в художественном творчестве (в драматургии) Лессинга, нельзя не упомянуть о том, что самый обаятельный персонаж, из созданных Лессингом,— майор Телльгейм («Минна фон Барнфельд», 1767) связан своим национальным происхождением с прибалтийскими славянами. Телльгейм — курляндец, и Лессинг даже подчеркивает это в своей пьесе. Ординарец майора Юст говорит невесте своего хозяина, что тот «в течение последних шести месяцев дважды посылал его к своим родственникам в Курляндии» (действие II, явление 6). Более того: Телльгейм горько рассказывает, что поступил на военную службу к прусскому королю (Фридриху II.— *Б. Г.*), сравнивает свой поступок с поступком Отелло, предложившим свои услуги венецианской армии. «Разве мавр не имел родины?» — вопрошает майор как бы самого себя.— Зачем он тогда пошел служить чужому государству и проливал за него свою кровь?» (действие IV, явление 6). И когда невеста майора говорит о положительных качествах короля, Телльгейм раздраженно восклицает: «...какое мне до этого дело? Он не мой король» [14, В. 1, S. 165, 211, 266].

Напомним, что в эпоху Лессинга Курляндское герцогство (или Курляндско-Земгальское) являло собой феодальное государство на территории Литвы и было вассалом польско-литовского государства. Немецкое дворянство добилось значительного ограничения власти герцогов, и с 1617 г. Курляндское герцогство стало «дворянской республикой», находившейся с 1710 г. в сфере влияния России. В 1790 г. под воздействием Великой французской буржуазной революции «дворянская республика» превратилась в «бюргерскую республику», борющуюся за социальные реформы. По третьему разделу Польши (1795) Курляндское герцогство отошло к России и образовало Курляндскую губернию [15, с. 90—91].

Небезынтересно отметить, что Н. Г. Чернышевский разделял точку зрения «западных славянских ученых», считавших Лессинга «нашим соплеменником» и выводивших его фамилию от слова «лесник». И дело не только в фамилии, имевшей немецкое окончание, но не объясняющейся, по мнению Чернышевского, немецким языком. Дело еще в том, что Лессинг родился в городе Каменце, носящем, несмотря на «немецкую физиономию», «чисто славянское имя» и лежащем «ныне на границе земли, населенной остатками многочисленного в древности племени лужицких славян». «Сто лет тому назад,— пишет Чернышевский,— Каменец, вероятно, со всех сторон был еще окружен населением, говорившим по-славянски»; «не мешает вероятности славянского происхождения фамилии Лессингов» и то, «что в лужицком Каменце поселился только дед Эфраима, Теофил, а предки его жили в других сторонах Саксонии», ибо вообще «все саксонские земли были первоначально населены славянами».

Чернышевский, однако, не считает Лессинга славянином. С 1580 г., когда пастор Клеменс Лессинг подписал лютеранский символ веры, «Лессинги являются уже чистыми немцами», «и немцу Готхольду-Эфраиму славянская национальность была столь же чужда, как француженке Авроре Дюдеван чужда немецкая национальность, хотя предком этой писательницы и был Август, курфюрст саксонский» [4, с. 89].

Рассмотрим теперь высказывания Лессинга о России, Польше, содер-

жащиеся в его письмах, рецензиях, историко-философских трактатах. Особый интерес представляют для нас письма Лессинга, из которых явствует, что он был полон решимости сделать Россию своей второй родиной. Когда в 1755 г. по инициативе М. В. Ломоносова был основан в Москве университет, молодой Лессинг в письмах к отцу (от 11 апреля 1755 г. и др.) и в беседах с друзьями восторгался этим событием не меньше, чем развитием просвещения на своей собственной родине. Он не скрывал, что завидует Рейхелю, которого пригласили в Москву на должность профессора [4, с. 127]: надежду работать в новосозданном университете лелеял и сам Лессинг, получивший недавно ученую степень «магистра свободных наук». Из письма Лессинга к отцу от 30 ноября 1763 г. узнаем, что младший брат Лессинга — Готлоб — тоже мечтал устроиться в России.

В 1769 г. по приглашению Екатерины II выехали в Петербург гейдельбергский профессор математики и астрономии Х. Майер, теолог Г. Шталль, а еще раньше — профессор химии Й. Г. Леманн. Вернувшись в Германию, Майер и Шталль посетили Лессинга в Вольфенбюттеле, о чем он сообщает своей будущей жене Еве Кениг в письмах от 19 августа 1770 г. и от 5 марта 1771 г.; он радуется, что Майер обещал подарить вольфенбюттельской библиотеке, в которой работал Лессинг, книги, изданные в Петербурге и привезенные им в Германию.

Рецензируя в 71-ом «Литературном письме» (1759) «Новое собрание писем различного содержания», изданное франкфуртским профессором-юристом Й. Л. Улем, Лессинг относит к наиболее интересным и письма петербургского ученого-востоковеда Т. Г.-З. Байера (1694—1738).

Лессинг высоко оценил переводы на немецкий язык Кантемировых сатир, выполненные Г. Э. Шпилькером. Он посвятил Шпилькеру стихотворение, в котором восхищается «поэтическим дарованием, чутким сердцем и музыкальным слухом» переводчика [14, В. 1, S. 187]. «Опыты вольного перевода сатир князя Кантемира вместе с несколькими другими поэтическими переводами и собственными стихотворениями» Шпилькера издал в 1752 г. Х. Милиус (1722—1754), двоюродный брат, идейный наставник и друг Лессинга.

С русской княгиней А. А. Голицыной (1748—1806) Лессинг был знаком лично. Из письма Лессинга к немецкому философу-идеалисту Ф.- Г. Якоби (1743—1819) от 17 августа 1780 г. Лессинг сообщает, что княгиня прислала ему «давно обещанную книгу» — «Письма об аффектах», произведение французского философа-эклектика XVIII в. Ф. Хемстерхеймса, который оказал влияние на Якоби, Гердера и немецких романтиков.

Очень привлекала Лессинга личность Петра I. Еще в юношеские годы Лессинг переводит «Мелкие исторические произведения» Вольтера (1752), где, среди других, находился и очерк под заглавием «Тайные известия о царе Петре Великом». Обсуждая в «Берлинские привилегирте дайтунг» за 4 августа 1753 г. одну анонимную книгу («Письмо еврея к философу»), Лессинг говорит о большом значении для России проведенных Петром I реформ, характеризует его как «могучего, благородного и справедливого правителя», который, «в одинаковой мере заботился о всех своих подданных, независимо от их социального положения или религиозных убеждений». Положительно отзывается рецензент и о Ф. Я. Лефорте (1656—1699) — русском военном деятеле, который в 1675 г. переехал в Россию из Швейцарии; в 1696 г. он командовал русским флотом во втором Азовском походе, а после взятия Азова был назначен Петром I адмиралом русского флота.

В период Семилетней войны (1756—1763) отношение Лессинга к России несколько усложнилось. Дело в том, что Россия воевала сначала на стороне Саксонии против Пруссии, но при Петре III, в 1762 г., Россия заключила с Пруссией мир и возвратила ей завоеванные русскими войсками под командованием З. Г. Чернышева и Т. А. Румянцева территории. Лессинг, уроженец Саксонии, воспринял это болезненно. Петр III царствовал недолго: с декабря 1761 по июль 1762 г., однако его преемница Екатерина II Алексеевна, хотя и разорвала союз с Пруссией, но воевать против нее не стала.

И все же Лессинг неодобрительно отнесся к стихотворению своего друга поэта Й.-В.-Л. Глейма «К военной музе после победы под Кунерсдорфом» (в 1759 г. в битве под Кунерсдорфом русские войска вдребезги разгромили прусскую армию), автор которого восхваляет прусскую армию и шлет проклятия противникам прусского короля Фридриха II, в том числе и русским войскам. Резко критическая оценка Лессингом стихотворения Глейма тем более показательна, что вскоре, в 1760 г., Лессинг занял пост личного секретаря у прусского генерала Тауэнцина, губернатора Силезии, и пребывал на этом посту целых пять лет.

«...Отдельные места в стихотворении, — пишет Лессинг Глейму 16 декабря 1758 г. из Берлина, — мне ни за что не хотелось бы читать вторично, даже если бы это и принесло мне большую пользу. Допустим, что снова, раньше или позже, настанет мир, допустим, что государства, которые сейчас враждуют, помирятся — ведь должно же когда-нибудь прийти к этому, — что скажут тогда более трезвые читатели, а возможно и сам гренадер (дружеское прозвище Глейма. — *Б. Г.*) об отдельных преувеличениях, которые сегодня Вы считаете бесспорной истиной? Патриот слишком заглушает здесь поэта, к тому же такой вот солдатский патриот, обвинения которого совершенно необоснованы!» [14, В. 9, S. 182].

Прислушавшись к критике Лессинга, Глейм несколько смягчил отдельные места своего стихотворения, особенно те, которые были направлены против саксонцев и русских. В письме от 14 февраля 1759 г. Лессинг одобряет новый вариант стихотворения, сознается, что больше всего ему не понравилось то, что поэт прибегает к проклятиям, которым вообще не место в художественном произведении. Проклятия, — заявляет Лессинг, — приличествуют попам, а не поэтам, советует Глейму не брать пример с тех писателей, которые довольствуются минутной популярностью. Настоящий писатель, по мнению Лессинга, должен задумываться и над тем, как отнесутся к нему грядущие поколения, а одобрение последних вряд ли завоеует тот, кто играет на преходящих ура-патриотических настроениях [14, В. 9, S. 184—185].

Выше говорилось, что больше всего Лессинг интересовался Россией и Польшей. В рецензии, опубликованной в «Берлинише привилегирте дайтунг» за 1 июня 1751 г., он детально разбирает труд «Литературная Польша нашей эпохи», автором которого был Я. Яноцкий (1720—1786), личный секретарь киевского епископа и писателя И. А. Залусского (1702—1774). Когда в 1747 г. Залусский вместе с братом основал в Варшаве первую публичную библиотеку, насчитывавшую 230 тыс. томов, Яноцкий стал ее попечителем и главным библиографом.

«Господин Яноцкий, — пишет Лессинг в названной выше рецензии, — уже послужил польской литературе рядом исследований. Самое интересное среди них — „Литературная Польша“. Оно знакомит нас с состоянием художественной литературы страны, которую большинство все еще считает варварской. В прошлые эпохи Польша тоже могла похвалиться выдающимися ораторами и поэтами, выступавшими на латинском языке, недостатка в которых нет в Польше и сегодня. По примеру других стран она настойчиво совершенствует свой родной язык, с большим успехом используя его как в художественных, так и в научных книгах» [14, В. 3, S. 57—58].

В цитируемой рецензии Лессинг называет также имена Я. Бельского (1714—1768), автора трагедии на польском языке, поэта С. Яворского, написавшего белым стихом трагедию «Ионатан», поэтессу А. Немижечову, издавшую в 1743 г. «Отечественные песни», переводчиков с французского — С. Орловского, И. Чосновского, Ю. А. Яблоновского, герцогиню Озинскую и др. В письме к Иоганну Иоахиму Эшенбургу от 18 января 1780 г. Лессинг вспоминает имя польского ориенталиста К. Г. Войды (1725—1790), составителя «Египетско-латинского словаря» [14, В. 9, S. 847], а в 45-м «Письме антикварного содержания» — имя польского астронома Вителио [14, В. 5, S. 555].

Борясь одновременно против ортодоксии в католицизме и протестантизме, Лессинг глубоко изучает еретические течения в Западной Европе,

Польше, России и на Украине. Он хорошо был знаком с трудами польских еретиков, именовавших себя социнианами, арианами, унитариями³.

Об Анджее Вишоватом (Виссоватиусе), жившем в XVII в., известном польском ученом в области теологии, философии, логики и этики, издатель многолетней «Библиотеки польских братьев»⁴, Лессинг рассказывает в своем научном трактате под заглавием «Андреаса Виссоватиуса возражения против троицы» (1773) [14, В. 7, С. 489—535]: «Автор многих произведений Виссоватиус бежал из Польши от преследований со стороны церкви и жил за границей в невероятной нищете. Тем не менее, он не отрекся от своих убеждений до последних дней жизни».

В другом своем произведении — «Об Адаме Нойзере, несколько подлинных известий» (1774) [14, В. 7, С. 585—650] Лессинг называет польских ариан дейстами, противниками правоверного христианства. Петр Витровск был руководителем общины польских ариан, которых власти изгнали из Польши в 1658—1660 гг. Витровск, по утверждению Лессинга, поддерживал связи с немецким дейстом Адамом Нойзером, талантливым механиком, работавшим над созданием автомобиля.

Через своего друга — профессора Гаска, женившегося на польке, Лессинг подружился с сестрой его жены — художницей Анной Доротеей Лишевской-Тербуш (1722—1782), проживавшей в Берлине. Дружба Лессинга с семьей Гасков была продолжительной, о чем свидетельствуют его письма к поэту К.-В. Рамлеру (от 6 декабря 1760 г., 16 июня 1776 г.) и др.

Как видим, выдающийся немецкий драматург, критик, публицист, теоретик литературы и философ Г. Э. Лессинг в течение всей своей жизни проявлял заметный интерес к народам России и Польши и их культуре. Неудивительно поэтому, что Н. Г. Чернышевский, которого Ф. Энгельс в статье «Эмигрантская литература» назвал наряду с Добролюбовым «социалистическим Лессингом», утверждал, что Лессинг «ближе к нашему веку, нежели сам Гете» [4, с. 11], высоко ценил широту и гуманность взглядов Лессинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубасов И. А. А. П. Бенитский. — Журнал министерства народного просвещения, № 4. СПб., 1900.
2. *Gaerlich B.* Перегук чере віки. — Жовтень, 1970, № 8.
3. *Lessing G. E.* Dzieła wybrane, t. 1—3. Warszawa, 1959.
4. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 4, М., 1948.
5. *Raab H.* Deutsch-russische Literaturbeziehungen in der Zeit von der Aufklärung bis zur Romantik. Neue Deutsche Literatur, № 5, 1957; *Winter E.* Die Aufklärung bei slawischen Völkern und die deutsche Aufklärung. Zeitschrift für Slawistik, № 2, 1957; *Enders C.* Der geistesgeschichtliche Standort von Lessings «Horoskop». Euphorion. Zeitschrift für Literaturgeschichte, № 50, 1956.
6. Europejskie związki literatury polskiej. Warszawa, 1969.
7. *Berkov P. N.* Literarische Wechselbeziehungen zwischen Russland und Westeuropa im 18. Jahrhundert. Berlin, 1968.
8. *Lessing G. E.* Sämtliche Schriften. Bd. 2. Leipzig, 1853.
9. *Opaliński L.* Wybór pism. Wrocław, 1959.
10. *Opaliński K.* Satory. Wrocław, 1953.
11. Українська Радянська Енциклопедія, т. 12. Київ, 1963.
12. Wielka Encyklopedia Polska, t. 10. Warszawa, 1966.
13. *Lessing G. E.* Гамбургская драматургия. М. — Л., 1936.
14. *Lessing G. E.* Gesammelte Werke in 10 Bänden. Berlin, 1954—1958.
15. БСЭ, т. 14, М., 1973.

³ Социниане — представители рационалистического направления в Реформации, приверженцы учения Фауста Социно (XVI в.). Отрицали христианское учение о троице, провозглашали Христа человеком, отстаивали свободу совести, отбрасывали догматы о первородном грехе и обреченности человечества. Социнианство получило распространение в Польше, Литве, на Украине. Ариане — от имени пресвитера Арии (IV в.) из города Александрия — оспаривали церковное учение о единой сущности божественной троицы. В XVI в. в несколько измененном Ф. Социном виде это учение развивали социниане. Унитарии признавали существование бога в едином лице и тоже отрицали церковный догмат о троице. Общины унитариев возникали в период Реформации. На Украине они были известны под названием «социниане».

⁴ «Польские братья» — последователи сначала арианства, затем социнианства (XVI—XVII вв.). На Украине общины «польских братьев» существовали в Чернигове, Хмельнике, Гоце.

АЛЕКСАНДР ПОТЕБНЯ И МАРИН ДРИНОВ (ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ)

Счастливая судьба свела во второй половине XIX в. на историко-филологическом факультете Харьковского университета двух замечательных людей, чьи дела принесли им бессмертье и мировую славу — Александра Потебню и Марина Дринова.

Встретились они в 1872 г., когда каждый из них уже был полностью сформировавшейся личностью с яркой индивидуальностью, с четким сознанием своего предназначения, но в той части жизненного пути и духовного развития, которую они прошли порознь, до встречи, было так много общего, что это обстоятельство и послужило прочной основой их дружбы в последующие годы, на протяжении почти двадцатилетней совместной работы на родственных кафедрах.

Постоянное личное общение в университете и свойственная им обоим сдержанность привели к тому, что непосредственных свидетельств их взаимоотношений почти не сохранилось. В архиве А. Потебни есть лишь три деловых письма М. Дринова [1]. По той же причине, вероятно, архив М. Дринова, существенная часть которого находится в Болгарии, также лишен материалов, связанных с А. Потебней.

По мере ухода из жизни тех, кто лично знал и Дринова, и Потебню, забывались обстоятельства, их объединяющие, и в современных биографиях А. Потебни имя Марина Дринова, первого человека, предсказавшего великое будущее его трудам, почти не встречается. И лишь в некоторых давно забытых изданиях можно найти заметки, посвященные отдельным моментам научных биографий А. Потебни и М. Дринова, по которым можно судить о глубине и искренности их взаимного уважения. Марин Дринов долгое время был одним из тех, кто, по крайней мере, в мире русской науки, олицетворял исконные связи России и Болгарии. В его личной дружбе с А. Потебней отразилась общность научных идеалов и личных судеб. Попробуем же отобрать те черты образов и факты биографий этих двух выдающихся ученых, которые сделали их встречу и взаимную симпатию закономерной и неизбежной.

А. Потебня родился 10(22) сентября 1835 г. в селе Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии в обедневшей украинской дворянской семье, все достояние которой состояло из одного дома в Ромнах и хутора в 100 десятин земли с пятью крестьянами [2, с. 95].

В семье были сильны культурные традиции, и несмотря на бедность детям давалось хорошее образование. В 1851 г. Александр блестяще закончил Радомскую гимназию и поступил на юридический факультет Харьковского университета. В 1852 г. под влиянием университетских украинофилов (проф. А. Л. Метлинского, студента-медика Неговского и других) он

переходит на первый курс историко-филологического факультета, хотя в его прошении ректору было сказано, что переход осуществляется «по воле родителей» [3, с. 130].

В конце 1856 г. А. Потебня представил сочинение о войнах Богдана Хмельницкого и был выпущен из университета со степенью кандидата. Александр в период учебы не мог рассчитывать на помощь родителей и был в числе беднейших студентов, находящихся на казенном содержании («казеннокоштных»). По этой же причине после окончания университета он должен был немедленно приступить к работе, но из-за отсутствия учительских мест вынужден был согласиться на должность комнатного надзирателя в 1-й Харьковской гимназии. Через год под влиянием братьев П. А. и Н. А. Лавровских он стал готовиться к магистерскому экзамену по славянской филологии, сдал его и был принят в университет для подготовки к профессорскому званию.

В 1860 г. А. Потебня успешно защитил магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (она же стала его первым печатным трудом), после чего был назначен адъюнктом Харьковского университета, а в 1862 г. уехал в годичную командировку за границу для работы в библиотеках Германии, Чехии, Австрии. Его возвращение было омрачено тяжелой утратой. 4 марта 1863 г. в бою с царскими карателями под местечком Песчаные Скалы в Польше погиб его младший брат Андрей, подпоручик 15-го пехотного Шлиссельбургского полка, член «Земли и воли», руководитель подпольной организации русских офицеров в Польше, достойный представитель тех, кто в критический момент русской истории не посрамил, как говорил А. Герцен, имени русского. В своих «Письмах к противнику» А. Герцен писал об Андрее Потебне: «Личности больше симпатичной в великой простоте, в великой преданности, в безусловной чистоте и бескорыстности своей, в трагическом понимании своей судьбы — я редко встречал» [4, с. 292]. И далее А. Герцен писал об Андрее и его друзьях: «Русские юноши смертью в польских рядах засвидетельствовали не рознь свою с народом русским, а единство славянского мира, понимающего все отрасли одного дерева» [4, с. 296].

Это понимание было глубоко свойственно и Александру, ибо таково было воспитание в семье их отца Афанасия Потебни, известного всей губернии своей честностью, бескорыстием и добротой.

Когда Александр был за границей, Андрей зимой 1863 г. тайно ездил в Лондон к А. Герцену. Встречались ли братья, читал ли потом Александр огаревский некролог и статьи Герцена в «Колоколе» — остается неизвестным, но судьба брата оказала определенное влияние на его мировоззрение: он становится убежденным сторонником мирных преобразований, спокойной и постепенной эволюции общества и верит в преобразующую роль науки. Это глубокое убеждение и вера слышатся и в его словах, обращенных к студентам, о том, что «успехи человеческого развития выражаются в сознании, что чистые науки, свободные от каких-либо утилитарных целей, способны сами по себе удовлетворить человека, способны дать ему такое удовольствие, какое, например, доставляет искусство; но в то же время нет знания, которое рано или поздно не принесло прямой ощутимой пользы» [2, с. 101], и в адресе по случаю установки в Москве памятника А. Пушкину, в котором он от имени Харьковского университета писал, что образование русского народа должно расти свободно и «рука об руку с благосостоянием», и чтобы русская литература расширялась, но «лишь силою своих собственных достоинств» [2, с. 97], и в лекции, посвященной памяти Достоевского, где он высказал убеждение, что развитие просвещения и «усилия личных волей» приведут к созданию нового общества [5].

Опубликованные в 1862 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» первая крупная работа Потебни «Мысль и язык», а в 1865 г. в «Чтениях Московского общества истории и древностей» большое исследование «О мифическом значении некоторых обрядов» принесли ему всероссийскую научную известность, и он мог бы перейти в один из столичных университетов. Но Потебне представлялись узкими рамки существующих языковых

школ, там уже сложившихся, — он нуждался в свободном выборе тем и методов в своих исследованиях, и, кроме того, он не хотел покидать родную Украину. Это были главные соображения, по которым он всю жизнь оставался верен Харьковскому университету, где с годами постепенно складывался круг его единомышленников и в их числе — Марин Дринов.

Марин Дринов родился в 1838 г. в небольшом болгарском городке Панагюриште в северной Фракии, в небогатой семье. Он получил хорошее начальное и среднее образование. Среди учителей Марина преобладали люди русской ориентации, и поэтому отъезд его в Россию в 1858 г. для поступления в университет вполне закономерен.

Подготовка заняла три года, проведенные Марином в Киеве и затем в Москве. В 1861 г. он был зачислен в число студентов Московского университета, где слушал лекции выдающихся славистов О. М. Бодянского и Ф. И. Буслаева и под их непосредственным руководством в 1865 г. получил степень кандидата. Закончив университет, Марин стал домашним учителем в доме кн. Е. А. Голицыной, что дало ему возможность в течение последующих шести лет посетить вместе со своими питомцами Прагу, Вену, Женеву и Рим. Поездки эти Марин использовал для работы в европейских архивах, послужившей основой многих его дальнейших исследований. В этот же период он публикует свою первую работу «Иезуиты и фанариоты» (журнал «Время», Константинополь, 1866); позже — работы по истории Болгарии, сразу получившие международное признание.

В 1872 г. он вернулся в Россию, где выдержал магистерский экзамен в Московском университете и защитил магистерскую диссертацию «Заселение Балканского полуострова славянами», после чего принял приглашение Харьковского университета занять кафедру славянских наречий.

Ранние научные успехи Дринова открывали перед ним (как по тем же причинам и перед Потемней) возможность работать в столичных университетах, но Дринов, как и Потемня, предпочел провинциальный Харьковский университет. Оба они пришли к этому решению, стремясь к независимости, однако, если Потемня не хотел стеснять себя рамками сложившихся научных школ, которые он опередил, то Дринов искал не только научную, но и практическую независимость, так как всю свою исследовательскую деятельность он связывал с судьбами Болгарии, веря (как и Потемня) в прикладную силу научного знания и в преобразующую роль просвещения. Так по стечению обстоятельств провинциальный Харьковский университет оказался желанной обителью для двух талантливых молодых ученых.

Сейчас трудно датировать первую личную встречу Дринова и Потемни. Скорее всего, она состоялась в 1872 г. Одно можно с уверенностью утверждать, что с первой минуты очного или заочного знакомства с Дриновым, Потемня почувствовал к нему глубокую симпатию.

Отзыв Потемни был заслушан в университете 2 мая 1873 г. и начинался словами, показывающими, насколько глубоко понимал и как высоко оценивал он научную деятельность Дринова: «Перед нами три сочинения г. Дринова: 1-е — „Взгляд на происхождение болгарского народа и на начало болгарской истории“, Вена, 1869 г., 2-е — „Обзор истории болгарской церкви от ее начала и до ныне“, Вена, 1869 г., 3-е — „Заселение Балканского полуострова славянами“, Москва, 1873 г. ...

Первые два сочинения написаны по-болгарски и имеют в виду, по крайней мере, отчасти, цели практические. Вследствие тяжелых обстоятельств болгарский народ „увидел себя как бы отрезанным от света, сиротою между другими народами, без прошедшего, без истории, без предков. Поэтому одно чувство должно было обнять душу болгарина — самоуничтожение, решительно препятствующее самостоятельному развитию болгар“ (слова М. Дринова. — *И. Л.*) и мешающее им пользоваться более благоприятными условиями жизни. Этому чувству думал противодействовать г. Дринов изданием от времени до времени для своих соотечественников сочинений, относящихся до их истории.

Третье сочинение г. Дринова есть его магистерская диссертация, одобренная историко-филологическим факультетом Московского университета, написанная по-русски и показывающая в авторе совершенное знаком-

ство с русским языком. Здесь г. Дринов не находил нужным высказывать интимные побуждения, заставившие его выбрать тот, а не другой предмет, и — не без основания, так как для нас вполне достаточно того, что сочинение трактует о весьма важных вопросах первых веков (до VII в. по Р. Х.) истории славян. Все три сочинения, особенно последнее, наиболее зрелое, обнаруживают в авторе основательное знакомство с обширным кругом источников на греческом и латинском языках и с ученою литературою предмета на немецком, французском, итальянском, не говоря уже о славянских языках» [3, с. 271—272].

Далее Потебня остановился на основных достоинствах и некоторых недостатках работы. Все члены факультета единогласно выразили свое согласие с отзывом Потебни, и Дринов был избран доцентом кафедры славянской филологии.

Уже в следующем 1874 г. Дринову представилась возможность выступить с оценкой научного труда А. Потебни. Этот сохранный историей эпизод был связан с неудачной попыткой Потебни еще в 1865 г. защитить докторскую диссертацию «О мифическом значении некоторых обрядов и наречий», вызвавшую суровый отзыв П. А. Лавровского. Потебня признал справедливость отдельных замечаний Лавровского и стал работать над другой, чисто лингвистической темой. Работа эта затянулась и отразилась во многих трудах, опубликованных в 1865—1874 гг., принесших Потебне широкую известность среди специалистов, и университет неоднократно предлагал ему степень доктора без защиты, но Потебня оставался верен своим научным принципам и в 1874 г. представил докторскую диссертацию «Записки по русской грамматике» (части 1 и 2). К моменту защиты в печати уже были опубликованы положительные отзывы об этой работе И. И. Срезневского, И. В. Ягича, В. Т. Ламанского, Б. М. Ляпунова и многих других. Официальный отзыв для защиты диссертации подготовил Марин Дринов. В своем отзыве основное внимание Дринов уделил новаторству Потебни, его полемике с ведущими языковедами XIX в. А. Х. Востоковым, Ф. И. Буслаевым, И. И. Срезневским, Р. Шлейхером, Ф. Миклошичем и другими. Заканчивая отзыв, Дринов писал о том, что исследование Потебни «бесспорно составляет важное приобретение для науки о русском языке». Современники Дринова высоко оценили диссертацию Потебни и отзыв Дринова. Так, Н. Ф. Сумцов по этому поводу писал, что Дринов, оценивая труд Потебни, «сохранил ясность мысли и стройность построений и, вместе с тем, проявил полемическую сдержанность и доброжелательство личного отношения, свои обычные, дорогие черты» [3, с. 141].

Через год Дринов уехал в заграничное путешествие, во время которого он посетил Болгарию. После возвращения в Россию он в 1876 г. представил в Московский университет докторскую диссертацию «Южные славяне и Византия в X в.», а в это время в его родной Болгарии раздался выстрел Георгия Тиханека, возвестивший начало Апрельского восстания (20 апреля 1876 г.), в котором участвовали братья Дринова. Так семья Дринова, как и семья Потебни, оказалась лично причастной к освободительным восстаниям славян.

В Болгарии еще шли бои, когда ученый совет Харьковского университета в мае 1876 г. рассматривал вопрос об утверждении Марина Дринова в звании экстраординарного профессора. И здесь в поддержку его кандидатуры выступил Александр Потебня: «В дополнение к отзыву об ученых трудах М. Дринова, представленному мною до его избрания в доценты, честь имею сообщить следующее: упомянутые в этом отзыве сочинения, а главным образом, магистерская диссертация „Заселение Балканского полуострова славянами“ (Москва, 1873) доставили г. Дринову весьма почетную известность. Благоприятные отзывы об этих сочинениях встречаются в нескольких изданиях, пользующихся всеобщим уважением (...) Из отчета о заграничных занятиях М. Дринова, доставленного им в факультет, я заключил, что занятия эти весьма плодотворны. Составляемое М. Дриновым собрание образцов средне- и новоболгарского языка обещает дать разрешение некоторым спорным вопросам славянского языкознания, важ-

ным, между прочим, для истории церковно-славянского языка вообще и, в частности, на русской почве. Вообще я считаю вправе думать, что в лице М. Дринова наш университет приобрел весьма крупную ученую силу» [3, с. 274—275].

Этот отзыв дает представление не только об искреннем уважении, которое испытывал Потебня по отношению к Дринову.

20 декабря 1876 г. М. Дринов был возведен советом Харьковского университета в звание ординарного профессора.

К этому времени его взгляд на пути освобождения Болгарии изменился, и он уже не исключал вооруженной борьбы за свободу. Более того, в своей публичной лекции «Болгария накануне ее погрома» он практически признавал необходимость освободительной войны. Все это привело к тому, что Дринов на несколько лет покинул Харьков и принял участие в болгарском освободительном движении. Эта сторона его деятельности хорошо известна.

Тем временем в Харькове в 1877 г. Потебня возглавил созданное в 1873 г. Историко-филологическое общество при Харьковском университете, где Дринов был секретарем. После возвращения Дринова из Болгарии начался десятилетний плодотворный период его работы совместно с Потебней и в Историко-филологическом обществе.

Безвременная смерть Потебни в 1891 г. была для Дринова тяжелым ударом. Он принял руководство Историко-филологическим обществом и стал деятельно заботиться об увековечении памяти своего друга. В 1892 г. им был подготовлен сборник «Памяти А. А. Потебни» и в этом же году переиздан капитальный труд Потебни «Мысль и язык». В своей записке Историко-филологическому обществу М. Дринов писал:

«Сочинение „Мысль и язык“, обнаруженное тридцать тому назад в журнале Министерства народного просвещения за 1862 г., в настоящее время сделалось большой библиографической редкостью и даже совсем почти позабыто. Между тем, оно имеет важное значение, которое с течением времени будет только возрастать, так как трудам покойного Александра Афанасьевича Потебни по изучению русского слова принадлежит еще будущность. . .

Развитые здесь взгляды покойный автор проводил во всех последующих своих трудах, находящихся вследствие этого в столь тесной связи с его сочинением „Мысль и язык“, что читателю, незнакомому с последним, многое будет представляться неясным, недосказанным» [6, с. 69—70].

Дринов писал также и о том, что Потебня в этом труде опередил западных исследователей. Дальнейшая судьба этой книги (с тех пор она переиздается постоянно, последнее издание вышло в 1976 г.) подтвердила пророческий смысл слов Дринова и его безукоризненно правильное понимание сущности и динамики научного прогресса в области языкознания.

Дринов никогда не говорил о своей роли в сохранении научного наследия Потебни. Об этом мы узнаем из статьи ученика Потебни известного ученого В. И. Харциева «Посмертные материалы Потебни»: во избежание даже ничтожных искажений, «по мысли М. С. Дринова, пока ведется только механический процесс переписки; каждый из участвующих в переписке, не выходя из положения трости в руке книжника, по мере своих сил старается, проверив по памятникам, передать в более доступном для прочтения виде содержание рукописи, не заботясь о группировке фактов, исправлении описок, недомолвок, неизбежных в черновой работе» [6, с. 79]. Этот продиктованный Дриновым подход к работе над архивом Потебни позволил сохранить в точности мысли ученого в его незавершенных трудах.

В 1906 г. оборвалась жизнь и деятельность Марина Дринова. Его хоронили делегации России, Украины и Болгарии, и на похоронах были люди, знавшие лично и Потебню и Дринова. Один из них, Ф. А. Павловский, на обеде в честь болгарской делегации сказал: «Сегодняшняя речь одного из наших милых болгарских гостей (профессора Софийского университета Л. Милетича.— *И. Л.*) закончена была дорогими всем нам и нашему родному университету именами: Потебни и Дринова. Тесная дружба

соединяла этих выдающихся представителей университета, и я не могу не вспомнить того трогательного участия, какое Дринов принимал в сохранении дорогой памяти Потебни» [3, с. 24].

До настоящего времени эти слова были единственным свидетельством о дружбе Александра Потебни и Марина Дринова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потебня О. О.* Опис документальних матеріалів особистого фонду, № 781. Крайні дати документальних матеріалів 1827—1922 р. Київ, 1960.
2. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования. Ч. II Харьков, 1908.
3. Почеть: Сб. статей по славяноведению, посвященных профессору Марину Степановичу Дринову его учениками и почитателями. Сб. историко-филологического общества, состоящего при императорском Харьковском университете. Т. XV. Харьков, 1908.
4. *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти томах, т. XVIII. М., 1959.
5. *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976, с. 590.
6. Памяти Александра Афанасьевича Потебни. Харьков, 1892.

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕШСКО-СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX ВЕКОВ

Рукописное наследие словацкого просветителя, евангелического проповедника в Венгрии Юрая Рибай (1754—1812), хранящееся в Государственной библиотеке Сечени в Будапеште, содержит богатый историко-культурный материал [1, с. 155—165; 2]. В корреспонденции Рибай с «учеными мужами Чехии и Моравии» (1785—1800), в том числе с И. Добровским, В. Дурихом, К. Унгаром, Фр. Пельцелем и другими просветителями, в его письмах венгерскому ученому и общественному деятелю Ф. Сечени, Проекте «Общества словацко-чешского среди словаков в Венгрии» и других документах затрагиваются важные вопросы общественно-культурной жизни Чехии и Словакии того времени: издания научной периодики, словарей, художественной литературы, постановки театральных пьес, славянской археологии и мифологии, чешско-словацкого языкового родства, славянских заимствований в венгерском языке и пр.

Несомненный интерес представляет также переписка Ю. Рибай с венгерским ученым Миклошем Янковичем. Прежде всего, она позволяет дополнить и глубже понять деятельность и просветительскую программу самого Рибай, а также проливает свет на некоторые моменты чешско-словацко-венгерских научных и культурных связей конца XVIII — начала XIX в.

Ю. Рибай известен как страстный и неутомимый собиратель книг, владелец уникальной для того времени библиотеки славянских книг и рукописей. Уже в годы учения в Германии он разыскивает и покупает старые книги и рукописи у чешских протестантов, изгнанных из страны после 1620 г. Во время пребывания в Праге (1782, 1793) он устанавливает тесные контакты с чешскими просветителями, которые впоследствии, когда Рибай возвращается в Венгрию и живет в с. Цинкота у Пешта (1785—1795), в самом Пеште (1796—1797), а затем в с. Торже (комитат Бач-Бодрог, 1798—1812) регулярно по его просьбе посылают ему каталоги, а также все вновь вышедшие книги и переводы¹.

Неоднократно Рибай предпринимает поездки в Пожонь (Братислава) и другие города Австрийской империи с целью «выискывать и спасать от гибели старые чешские книги и рукописи» [3, с. 54]. Рибай ратовал и за

¹ В каталоге библиотеки, составленном Рибай, озаглавленном: «Библиотека славянско-чешская, или рукописный каталог книг, излагающий как изданные, так и рукописные книги славянские, различного рода, преимущественно чешские, отысканные в различных местах и собранные воедино с большим трудом и большими затратами священником Георгием Рибай, словаком из Тренчина, священником в Цинкоте... Годе 1800», нами были найдены все театральные пьесы — оригинальные и переводные, которые ставились на сценах пражских театров в последней трети XVIII в. Видимо, их посылал из Праги один из корреспондентов Рибай — Вацлав Там — активный деятель чешского просветительского театра.

регулярный обмен книгами между Карловым университетом в Праге и университетской библиотекой в Пеште. Уже в конце XVIII в. его библиотека насчитывала «много сотен томов и рукописей» [4]. Согласно Каталогу, составленному Рибай по совету Й. Добровского [3, s. 55] таким образом, чтобы собрание его книг могло стать основой *Bibliotheca Bohemica Universalis*; она содержала в 1800 г. 2030 книг, из которых около половины (1103) были *Libri bohemici*.

В 1800 г. обстоятельства вынуждают Ю. Рибай продать свою библиотеку. Непременным условием его было передать все собрание в одни руки с тем, чтобы книги продолжали составлять «чешско-словацкую библиотеку» и были доступны для работы. Создание открытой публичной библиотеки чешских и словацких книг и рукописей было одним из главных пунктов просветительской программы Ю. Рибай — наряду с организацией школ с обучением на родном языке, литературного общества [1, с. 158—159], журнала (*scriptum aliquid periodicum*) на словацком языке, который бы информировал население о деятельности Общества и стал важнейшим органом просвещения, типографии.

Миклош Янкович (1773—1846) — венгерский аристократ, ученый-археолог, владелец огромной коллекции рукописей, монет, портретов. В 1836 г. все его коллекции и книги, в том числе славянская библиотека, приобретенная им у Рибай в мае 1807 г., перешла в собственность Национального музея в Пеште. М. Янкович — автор многочисленных статей в ежегодниках венгерской Академии наук и ряда книг: «Введение в классическую литературу» (1811), «Письма Яноша Беше» (1829), «Коллекция памятников эпохи расцвета Венгрии» (1830), «Образование венгерских слов в пятидесяти примерах» (1832) и др.

Велики заслуги М. Янковича в деле развития венгерского театра, которому он посвятил ряд статей. Янкович принимал непосредственное участие в открытии Национального театра в Пеште (1837), неоднократно оказывал материальную поддержку его актерам и драматургам, в том числе, известному венгерскому переводчику театральных пьес Анталу Зехентеру, кстати, долгое время жившему в Праге.

М. Янкович проявлял большой интерес к чешской письменности и культуре. Это сблизило его с Ю. Рибай, который в 1794 г. обратил внимание Й. Добровского на наличие в библиотеке венгерского ученого редких славянских рукописей и книг, в том числе чешских грамот 1450—1480 гг. Не удивительно, что именно к Янковичу обратился Ю. Рибай с предложением продать ему свою славянскую библиотеку [5].

Из 12-ти писем Рибай М. Янковичу, хранящихся в рукописном отделе Государственной библиотеки Сечени (Будапешт), мы выбрали пять наиболее интересных², проливающих свет на судьбу чешско-словацкой библиотеки Рибай, свидетельствующих о его усилении спасти свое собрание, оставив его в одних руках, а также получить место библиотекаря, чтобы «до последних лет своей жизни не разлучаться с этими книгами».

1. Высокородный, достопочтенный и высокочтимый господин мой!

Весьма сожалею, что по вине господина профессора Шедиуса каталог моих книг, предназначенных для продажи, задержался и не был напечатан. Если бы это было сделано до начала войны, то книги, хранящиеся у высокородного господина моего, я смог бы вместе с другими выставить на аукцион. Теперь же господин профессор сообщает мне, что ни свой, ни мой каталог он издавать не собирается. Каталог мой, тщательно составленный, все еще остается у него, и если высокородный господин мой добавит к нему свой собственный и позаботится напечатать оба, то уже ближайшим летом можно будет назначить распродажу. В противном случае мне все же придется летом ехать в Пешт, чтобы отвезти мою славянскую библиотеку графу Сечени. Тогда же я сделаю надлежащие распоря-

² Перевод писем с латинского языка сделан В. К. Рониным.

жения относительно книг, помещенных в доме высокородного господина моего, обращаясь к нему в то же самое время с низжайшей просьбой, дабы он покамест, со своей стороны, не счел за труд предоставить у себя место для моих книг. Прежде чем закончится дело с графом Сечени я считаю нужным сообщить высокородному господину моему, что после оценки некоторых рукописей и книг, приобретенных мною после 1800 г., цена этой чешско-словацкой библиотеки составляет 2500 флоринов. И меньше чем за 2000 я ее никоим образом не уступлю. Если высокородному господину моему угодно согласиться на эту последнюю цену, с тем, чтобы половина суммы была выплачена сразу, а другая половина — в два приема — в течение года, то мне будет приятно украсить своим собранием его библиотеку, особенно если бы мне довелось стать ее хранителем, дабы до последних дней своей жизни не разлучаться с этими книгами. Пусть высокородный господин моей соизволит известить меня о своем намерении на этот счет, и, если ему будет угодно, написать письмо на имя господина Габриэля Рутткаи Данко в типографию Инститориса, каковой господин Данко на ярмарку в праздник святого Иосифа привезет его мне.

С уважением и почтением остаюсь
высокородного и высокочтимого господина моего
усерднейший слуга Юрай Рибай.

В Торже, 23 февраля 1806 г.

2. Высокородный, достопочтенный и высокочтимый господин мой!
Каталог моих книг, хранящийся в доме высокородного господина моего, был составлен уже год назад и отправлен господину Шедиусу, который однако не позаботился его напечатать. Ныне же каталог находится у господина Рутткаи Данко. Если бы высокородный господин мой соизволил составить также каталог своих книг, а затем смог бы издать его вместе с моим, то на аукцион я поехал бы сам. В противном случае книги будут проданы без аукциона, а работа с этой целью над каталогом будет предложена кому-нибудь другому.

Если же высокородный господин мой пожелал бы, пока не подрастет его крестник, учредить под своим покровительством должность библиотекаря, то я, со своей стороны, уверяю, что библиотека была бы приведена мною в такое цветущее состояние, в какое иначе и кем-либо иным она никогда приведена не будет. Я предназначил для продажи четыре связки книг, среди которых есть ценные и весьма редкие.

Как мне кажется, к покупке моей славянской библиотеки высокочтимый господин мой относится недостаточно серьезно, хотя подобного ей собрания книг, как он соизволит удостовериться из представленного ему каталога, ему не приобрести никогда за всю его жизнь. Если он принужден будет отложить оплату на два года, то для меня это все равно, как если бы я вообще ничего не продал. Поскольку ныне на место библиотекаря при высокородном господине моем уже нет никакой надежды, я не могу и не хочу иного, как только тщательнее распорядиться своими книгами. /.../ Пусть высокородный господин мой окончательно определит мне в письме свое последнее решение. Дело следует довести до конца этим летом. Граф Сечени, даже если и не купит все собрание целиком, установленную цену не понизит и деньги выплатит сразу же.

С особым почтением остаюсь
высокородного и высокочтимого господина моего
усерднейший слуга Юрай Рибай.

В Торже, 31 марта 1806 г.

3. Высокородный, достопочтенный и высокочтимый господин мой!

Весьма сожалею, что письмо, которое я написал в ответ на полученное 28 апреля сего года, не было против обыкновения отнесено на почту и потерялось. Вот вкратце его содержание. Что касается места библиотекаря, то за 100 флоринов я принять его никак не могу, ибо отказ в предоставлении приюта заставляет меня подумать о строительстве дома. Если высокородный господин мой соизволит назначить мне жалование в 250 флоринов /.../ — я согласен, иначе нет. Ведь добывая себе пропитание иным образом, я эту обязанность исполнять не смогу. Высокородный господин мой легко наймет кого-нибудь за меньшую плату, но — скажу без хвастовства — это уже будет не Рибай, а тот, кто возможно нанесет ущерб библиотеке.

Что до моего собрания, то если высокородного господина моего оно устраивает, он может переслать 2000 флоринов в Пешт этим летом. /.../

Господин Данко передаст высокородному господину моему каталоги моих венгерских книг, хранящихся частично в Пеште, частично же у меня. Эти каталоги были предназначены для опубликования. Те книги, что перечислены в красном каталоге, отобрал для себя граф Сечени. Однако он их пока еще не получил. Поэтому, если высокородному господину моему будет угодно, он может приобрести их, но по установленной цене, без всякой скидки, особенно если будет куплено и славянское собрание. Кроме того, деньги должны быть выплачены сразу. Каталоги, в которых описаны прочие мои венгерские книги, я постараюсь напечатать. Если высокородный господин мой пожелает и позаботится до ближайшего моего приезда переписать и свои книги, то все каталоги могут быть изданы вместе. Пусть высокородный господин мой соизволит дать мне на этот счет удовлетворительный ответ и вручить его господину Данко, дабы тот на первую же ярмарку мне его переслал.

С наивысшим уважением остаюсь
высокородного и высокочтимого господина моего
усерднейший слуга Юрай Рибай.

В Торже, 26 мая 1806 г.

4. Высокородный и высокочтимый господин мой!

Усерднейше прошу переданный господином Данко каталог моей чешской библиотеки вручить господину Инститорису, который, пользуясь весьма удобным случаем, собирается переслать его мне. Ведь я должен просмотреть и каталог и книги, дабы, приведя их в порядок, мог с божьей помощью предложить их покупателям.

Засим с должным уважением и почтением остаюсь
высокородного и высокочтимого господина моего
преданнейший слуга Юрай Рибай.

В Торже, 6 марта 1807 г.

5. Высокородный, достопочтенный и высокочтимый господин мой!

Сожалею, что на ярмарке, состоявшейся в прошлом августе в Пеште, я не получил ответа на письмо, написанное тогда же. Вместе с ним я отослал назад из взятых на время книг «Spicilegium vocum Bohemicarum», а некоторые из сочинений попросил разрешения переписать. Ныне я вновь обращаюсь с еще более настоятельной просьбой об этом, особенно в отношении книги о чешском календаре.

Я передаю господину Гибриэлю Данко все полномочия, дабы он мог от моего имени взыскать оставшиеся 800 флоринов и при удобном случае переслать их мне в Торжу. /.../ Тем же путем я посылаю обратно и некоторые из книг, до сих пор не возвращенных. Что же касается остальных книг, о которых шла речь, то господин Данко будет иметь при себе мое письмо на этот счет и со всей добропорядочностью и справедливостью заключит соглашение с высокородным господином моим. При этом я сохраняю за собой право обсудить впоследствии те пункты, с которыми я, быть может, не смогу согласиться.

Засим с особым почтением остаюсь
высокородного и высокочтимого господина моего
преданнейший слуга Юрай Рибай.

В Торже, 6 ноября 1807 г.

Одно время Ю. Рибай надеялся продать свою библиотеку графу Ференцу Сечени — крупному деятелю эпохи венгерского Просвещения, основателю Национального Музея и Национальной библиотеки.

В письме Ф. Сечени от 10 августа 1805 г. [1, с. 157], в котором Рибай горячо откликнулся на создание Музея и библиотеки, он подчеркивает, что эти национальные институции помогут венграм догнать «иноземные народы» в области культуры и искусства, вернуть «славные времена Матиаша Корвина». Он счастлив, — пишет Рибай, — что принимал участие в этом «патриотическом событии», но доля его участия возрастет еще больше, если Ф. Сечени приобретет для Национальной библиотеки «собрание чешско-словацких книг» Рибай. Ведь им «по праву надлежит находиться в отечественной библиотеке», ибо «в этом случае славяне, говорящие на любом языке и пребывающие под венгерской короной, получают все условия для процветания своего языка и литературы, для возбуждения безмерной патриотической любви» [1, с. 157].

Рибай хлопочет о месте библиотекаря Национальной библиотеки. Для этого он знакомит Ф. Сечени со своей деятельностью и трудами в письме, озаглавленном: «Добавление к благодарственному письму за подаренный печатный каталог отечественной библиотеки, основанной Сечени. Жизнеописание Иржи Рибай содержащее и посланное вместе с письмом его сиятельству графу Франтишеку Сечени». Несмотря на то, что Рибай был хорошо известен в венгерском научном мире³ и был знаком с Ф. Сечени, места этого он не получил, а вопрос о передаче его книг Национальной библиотеке все время откладывался.

Одно время, как видно из писем, Рибай готов был часть книг, которые ему негде было хранить⁴, послать на аукцион, однако не решался на последний шаг, надеясь избежать продажи собрания по частям и сохранить библиотеку целиком.

Вину за задержку издания каталога своей библиотеки Рибай возлагает на профессора Шедиуса. Лайош Шедиус (1768—1847) — преподаватель пештского университета, поэт, литератор, лингвист, драматург, активный деятель общественно-культурной жизни Венгрии конца XVIII — начала XIX в., основатель журнала «Урания» (1794), с которым Ю. Рибай, работавший в 1796—1797 гг. корректором университетской типографии, был близко знаком, обещал ему свое содействие в публикации каталога. Сразу же после выхода каталога в свет Рибай послал его своим чешским друзьям в Прагу и Брно [6].

³ В письмах чешским будителям упоминается обширный круг венгерских знакомых Рибай, в том числе профессор пештского университета Л. Шедиус, создатель трехтомного словаря венгерских писателей Э. Хораньи, редактор журнала «Венгерская библиотека», автор первых учебников на венгерском языке Я. Мольнар и др.

⁴ В письме М. Янковичу от 24 мая 1807 г. Рибай сетует на то, что у него пропали латинские, немецкие и венгерские книги, «размещенные частично в Пеште, частично в подвале дома одного из знакомых».

Чешско-словацкая библиотека Рибай была продана М. Янковичу за 1800 флоринов — сумму, уступающую цене отдельных книг в каталоге. Но главное, — пишет Рибай Й. Добровскому, — «собрание осталось в одних руках!» [3, s. 278].

В настоящее время большая часть чешско-словацкой библиотеки Рибай хранится в Государственном музее Сечени в Будапеште.

Активная научная и организационная деятельность Ю. Рибай, его борьба за создание общедоступной библиотеки чешско-словацких книг и рукописей, которая стала бы центром славянской духовной жизни в Венгрии, позволяет высоко оценить роль этого словацкого просветителя в развитии чешско-словацко-венгерских культурных и научных связей на рубеже XVIII—XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тимова Л. Н.* Из наследия словацкого просветителя Ю. Рибай. — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.
2. *Тимова Л. Н.* Из наследия чешского будителя Яна Рулика. — Советское славяноведение, 1980, № 6, с. 104—107.
3. Josefa Dobrovského korespondence. IV. Vzájemné listy Josefa Dobrovského a Jiřího Ribaje z let 1783—1810. Praha, 1813.
4. *Szabó Z.* A cseh-tót szellemi közösség kezdetei. Ribay György életműve. — Filológiai Közlemények. 1937, № 4—9, 205. old.
5. Fond 16/547. Ribay György — Jankovich Mikloshor.
6. *Menšík F.* Jiří Ribay. Kapitola z dějin literárních. Vídeň, 1892, s. 32.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. С. ПАРСАДАНОВА. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1982, 279 с.

История советско-польских отношений в годы войны привлекает пристальное внимание ученых. К ней обращаются политики, ею интересуется широкая общественность. Исследователи-марксисты в своих многочисленных работах стремятся воссоздать правдивый образ межгосударственных отношений СССР и Польши. Имperialистические силы и обслуживающая их буржуазная наука не прекращают попытки, направленных на фальсификацию всех событий, связанных с развитием советско-польских отношений. Мы являемся свидетелями того, как в наши дни буржуазная печать и пропаганда, стремясь воздействовать на создание соответствующего «климата» в капиталистическом мире, стремясь реанимировать и разжигать антисоветские настроения, используют «материал» из истории отношений СССР и Польши. Появление книги В. С. Парсадановой — факт научно и политически злободневный, это аргументированный ответ нашим идейным противникам. В монографии документально и обоснованно освещается процесс развития советско-польских межгосударственных отношений, начиная с середины 1941 г. и кончая апрелем 1945 г. — днем заключения Договора о дружбе и взаимной помощи, основные принципы которого действуют и в наши дни.

В. С. Парсаданова не первый ученый, взявшийся за эту тему. Она не умаляет трудов своих предшественников, напротив, раскрывает и объективно оценивает все то, что сделано в марксистской науке до нее, выявляет этапы развития историографии вопроса, основные направления исследований, круг изучаемых проблем.

Вместе с тем, историографический обзор лишний раз убеждает: впервые появилась работа, не имеющая хронологических и проблемно-тематических кулуаров.

Анализируя историографию ПНР, В. С. Парсаданова прежде всего обращается к книгам, созданным польскими коммунистами и представляющим «лицо» польской науки. Но не обойден ею и работы, выполненные членами партий — союзниц ПОРП, а также монографии, вышедшие из тех общественных кругов ПНР (в основном католических), которые не признают марксизм, но участвуют в формировании политических настрое-

ний, политико-философских убеждений и в распространении знаний среди широких слоев поляков. Именно из этих кругов выходят порой книги, которые идейно-политически перекликаются с работами польских эмигрантов, стремящихся доказать «правильность» действий польского правительства, находившегося в годы войны в Лондоне.

Книга В. С. Парсадановой написана на материалах, выявленных в архивах СССР и ПНР, использованы многочисленные публикации документов, материалы советской и польской прессы. Широкая документальная база книги является основой достоверности приводимых фактов и сделанных автором выводов. В рецензируемой монографии подробно представлен процесс формирования и развития советско-польских политических, военно-экономических и дипломатических контактов. Причем В. С. Парсаданова дает сопоставительный анализ связей СССР с так называемым лондонским лагерем, и с революционно-демократическими, руководимыми ППР, силами польского общества.

Следует подчеркнуть, что в научный оборот вводится много новых документов, раскрывающих слабо или вообще не изученные вопросы, касающиеся сотрудничества Советского правительства с представителями польского эмигрантского правительства на территории СССР. В качестве примера можно привести представленный в книге материал о помощи Советского государства польскому населению, находившемуся во время войны на советской земле. На основе новых документов автор раскрыл и проблему формирования польской армии в СССР в 1941—1942 гг. Касаясь истории заключения советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г., В. С. Парсаданова показала, как СССР, стремясь к обеспечению максимально благоприятных международных условий, необходимых для быстрого разгрома фашизма и восстановления независимости поработанных государств (в том числе и Польши), счел возможным и желательным, несмотря на разногласия по территориальным вопросам, урегулировать советско-польские межгосударственные отношения.

В книге документально доказано, что усилиями польской стороны, не желавшей глубокой и прочной нормализации

отношений в СССР, эти отношения с самого начала сужались и сводились, по сути дела, к контактам по двум вопросам: создание польской армии в СССР и помощь польскому гражданскому населению, рассеянному по территории СССР. В. С. Парсаданова на основе опубликованных и архивных материалов показала, что Советское правительство оказывало всю возможную в тех тяжелых условиях для нашей страны помощь в формировании польской армии, способной сражаться с гитлеровцами; польское же правительство рассматривало эту армию как орудие политических спекуляций и на международной арене, и в борьбе различных польских буржуазных и мелкобуржуазных сил за власть в будущей Польше. Естественным итогом такой политики было уклонение от принятых на себя обязательств перед СССР и вывод польской армии на Ближний Восток. Нежелание совместной борьбы с фашизмом и глубокий антисоветизм в деятельности польского эмигрантского правительства, как известно, стали причиной разрыва отношений СССР с представительным органом буржуазной Польши.

Для советского читателя особый интерес составят те страницы книги, где В. С. Парсаданова показывает реакцию советской и польской общественности на различные повороты во взаимоотношениях двух стран.

Советско-польские отношения исследованы автором как совокупность многих направлений деятельности и СССР и Польши. Через всю книгу прослежена линия, показывающая, как связи с СССР воздействовали на расстановку классовых сил в оккупированной Польше и в ее эмигрантских кругах, какие под влиянием этого происходили перегруппировки, как по мере роста революционного лагеря в Польше, заявившего о том, что союз с СССР должен стать принципиальной основой польской внешней политики, усиливались антисоветские тенденции буржуазного лагеря.

Становление новой внешнеполитической концепции Польши, борьба польских коммунистов за ее принятие народом, за превращение ее в государственную внешнюю политику составляет содержание 2-й и 3-й глав монографии. В. С. Парсаданова показывает, как Советский Союз, неустанно выполняя все принятые на себя обязательства на международной арене, принимая во внимание общие задачи антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, прилагал все возможные тогда усилия, чтобы помочь борющемуся с оккупантами польскому народу. Политика «лондонского» лагеря и эмигрантского правительства, направленная на срыв межгосударственного советско-польского взаимодействия и на сужение сопротивления оккупантам, привела к тому, что единственной, оказывающей вооруженное сопротивление гитлеровцам силой стала партия польских коммунистов и объединившиеся с ней в этой борьбе радикально левые партии и организации. Именно этот факт стал причиной того, что помощь СССР в борьбе польского народа против оккупантов вылилась

во взаимодействие и затем союз только с революционно-демократическим лагерем Польши. Не подлежит сомнению вывод В. С. Парсадановой о том, что отказ от действительной борьбы с фашизмом на главном фронте второй мировой войны — советско-германском — причина сначала изоляции, а затем и поражения внешнеполитической концепции «лондонцев». Самоотверженная борьба с оккупантами, предложение революционными силами Польши соответствующей интересам народа программы действий и послевоенных преобразований стали, как утверждает автор, основой зарождения, становления и укрепления новой народной власти в стране. Совпадение принципов и близость целей этой власти во внешней политике с внешнеполитическим курсом СССР, покоящимся на признании права наций на самоопределение, на уважении суверенитета любого государства и на невмешательстве во внутренние дела, создавали такие условия, когда становилось возможным согласовать позиции сторон по основным, принципиальным вопросам советско-польских отношений.

Освобождение Польши от гитлеровских захватчиков Красной Армией, установление революционно-демократической власти, развертывание революции, выросшей из национально-освободительной борьбы польского народа, осуществление глубоких преобразований во всех сферах общественного бытия означали рождение нового государства, открывали возможность оформить союз, сложившийся между СССР и революционным лагерем Польши, государственными актами. В. С. Парсаданова анализирует все основные соглашения, заключенные между СССР и первым правительством народной Польши в июле — августе 1944 г., и считает, что они урегулировали основные проблемы взаимоотношений между двумя государствами.

Серьезное внимание уделено в книге показу борьбы Советского Союза за международное признание новой Польши. Движимый принципами пролетарского интернационализма, СССР, как подчеркивается в книге, отстаивал право польского народа на самостоятельное решение своих государственных дел. Глубоко понимая общность государственных интересов Советского Союза и Польши, связанных с предотвращением новой агрессии и национальной безопасностью, советское руководство, обоснованно утверждает В. С. Парсаданова, сделало все возможное для обеспечения благоприятных условий возникновения и укрепления демократической, дружественной и национально целостной Польши.

Безусловно, книга В. С. Парсадановой не останется незамеченной советской и зарубежной научной общественностью. Она послужит добрую службу в деле укрепления дружественных отношений двух социалистических государств, развеет многие мифы и легенды, сфабрикованные ранее и фабрикуемые теперь империалистическими антисоветскими силами всех мастей и оттенков, явными и тайными врагами Польской Народной Республики.

Носкова А. Ф.

Монография научного сотрудника Института истории АН МССР Л. И. Степановой посвящена изучению роли России в подготовке болгарской интеллигенции в период после Крымской войны до освобождения Болгарии от османского ига. В рамках этой тематики Л. И. Степанова сосредоточила внимание на выяснении культурной политики официальной России по отношению к Болгарии, формировании системы государственных мероприятий по организации обучения болгарской молодежи в русских учебных заведениях, на анализе реальных итогов помощи России в деле подготовки болгарской интеллигенции. Все эти проблемы поставлены впервые, хотя в советской и болгарской историографии накоплено достаточно большое количество исследований по смежным вопросам. Монографическое изучение выделенной темы как бы заполняет имеющийся пробел между многочисленными исследованиями о военной и дипломатической помощи России болгарскому национальному движению, с одной стороны, и богатых общественно-политических и революционных связей, развитию которых способствовали и контакты болгар, обучавшихся в России, — с другой. Отталкиваясь от достижений историографии в этих направлениях, Л. И. Степанова акцентирует внимание на политических аспектах русско-болгарских культурных отношений, опираясь на документальный, по преимуществу архивный, материал российского министерства иностранных дел, министерства просвещения, синода, попечителей учебных округов и т. п. Эта источниковая основа широко дополняется разноплановыми материалами русского и болгарского происхождения, которые используются автором для характеристики воздействия общественности двух стран на культурную политику России, для реконструкции судеб русских воспитанников.

В первой главе — «Национально-культурное движение в Болгарии и балканская политика России в 50—70-е годы XIX в.» автор раскрывает задачи и нужды болгарского просвещения и останавливается на политических мотивах деятельности русской дипломатии по развитию культурных связей с Болгарией. Изменение после Крымской войны внешней политики России на Балканах хорошо выяснено в историографии, однако в рецензируемой книге впервые в концентрированном виде показана эволюция культурной политики русской дипломатии в связи с развитием национально-освободительного движения. Национально-религиозные мотивы расширения духовных связей со славянскими народами европейской Турции сменились на рубеже 60—70-х годов XIX в. задачами подготовки кадров для будущего Болгарского государства. К сожалению, этот новый этап в политике России не нашел развернутого освещения в работе, однако его

выделение и установление рубежных вех значительно обогащает картину научных представлений о развитии русско-болгарских отношений. Автор конкретизирует и факты культурно-просветительской деятельности русских дипломатических представительств в Болгарии. Это, кстати, более обстоятельно было сделано Л. И. Степановой в других ее работах [1; 2]. В контексте замысла исследования этот компонент позволил автору отметить, что русские программы упрочения культурных связей и их содержание «выражали объективную потребность Болгарии в подъеме образования, развитии литературы и науки» (с. 78).

Во второй главе — «Формирование системы обучения болгарской молодежи в России (1856—1876)» рассматриваются мероприятия правительственных органов по организации направления на учебу в Россию болгарских юношей и девушек, их социальный состав, обобщаются данные о характере их профессиональной подготовки. Автор не останавливается на уже изучавшихся вопросах о влиянии русской общественности на болгарскую молодежь, о процессе обучения болгар в русских учебных заведениях и т. д. Вместе с целенаправленным освещением выделенных аспектов автору удалось восстановить имена значительной части молодых болгар, обучавшихся в России (в приложении названы имена 548 юношей и 75 девушек). Эти данные, опирающиеся на архивный материал, не полные, тем не менее масштабы помощи России в деле подготовки болгарской интеллигенции впервые представлены в работе Л. И. Степановой убедительно и аргументированно. Отмечая разносторонний характер подготовки болгар, автор указывает, что болгарская молодежь обучалась в 72 русских учебных заведениях (60 светских и 12 духовных). Из светских высшее образование давали 13 заведений, среднее — 32, среднее специальное — 8; в числе духовных были 3 академии, 5 семинарий и 4 училища. Результаты исследования Л. И. Степановой позволяют скорректировать соотношение доли русских воспитанников в общей массе болгарской интеллигенции периода 50—70-х годов XIX в.

В заключительной главе монографии рассматривается участие болгарских воспитанников русских учебных заведений в общественно-политической и культурной жизни своего народа в 50—70-е годы XIX в. Здесь автору пришлось столкнуться с определенными трудностями, поскольку практически не учитывалась та часть русских воспитанников, которая обучалась в России в конце 70-х годов XIX в., и в то же время в 50—70-е годы велика была и роль болгар, обучавшихся в России еще в период до Крымской войны [3].

В кратком очерке о вкладе болгар, учившихся в России, автор подчеркивает, что их деятельность в качестве учителей, пи-

сателей, переводчиков, публицистов, ученых, а также в рядах революционной эмиграции и революционных комитетов «идеологически подготавливала национальное освобождение» (с. 163). В этой связи справедливо звучит и вывод о том, что болгаро-русские связи в области просвещения явились важной составной частью не только культурных, но и общественно-политических отношений двух стран. В структурном отношении в этой главе впервые выделен также и вопрос об участии русских воспитанников в создании основ национальной государственности.

Суммируя результаты исследования, автор подчеркивает, что «по своим объективным результатам помощь России болгарскому просвещению, формированию национальной интеллигенции имела прогрессивное значение и сыграла положительную роль в истории борьбы болгарского народа за освобождение от османского ига, а также в создании основ национальной государственности» (с. 168).

Высоко оценивая работу Л. И. Степановой, отмечая ее аналитический характер, тщательность и скрупулезность в обращении с источниками, хотелось бы сде-

лать некоторые замечания. Так, автор считает П. Оджакова первым болгаринном, высказавшим в 1868 г. мысль о «возвращении» Россией «нравственного долга» болгарам, ранее давшим восточным славянам веру и письменность (с. 5). Еще в 40-е годы XIX в. к этому эмоциональному тезису был близок В. Априлов, а в 1858 г. эта идея составила основу введения кандидатского сочинения Т. Бурмова, окончивавшего тогда Киевскую духовную академию. Многократно использованная в книге «Записка относительно мер по образованию славян в России» упоминается по современному болгарскому изданию 1970 г., между тем, этот интересный документ был опубликован в виде брошюры еще в 1865 г. и имеется в советских библиотеках. Помимо частных уточнений относительно списка болгар, обучавшихся в России, можно высказать пожелание об указании и учебных заведений, времени учебы и т. п.

Научные достоинства книги Л. И. Степановой позволяют говорить о результатах проведенного исследования как о новом значительном успехе в изучении болгаро-русских отношений.

Билунов Б. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанова Л. И.* Учреждение представительства России в Болгарии в 50—60-х годах XIX в. и их задачи в области русско-болгарских культурных связей.— В кн.: Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977, с. 24—40.

2. *Степанова Л. И.* Культурные связи с Болгарией в политике России после Крымской войны.— В кн.: 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878—1978. М., 1978, с. 63—81.

3. *Поглубко К. А.* За да бъдат полезни на народа си. София, 1976.

Новый вклад в изучение культурных связей между Россией и южными славянами в XVI—XVII веках

История культурных связей между южными славянами и Россией в XVI—XVII вв. освещалась в трудах ученых XIX—XX вв.: А. И. Муравьева, С. Дмитриевича, Й. Иванова, Н. М. Дылевского, М. Н. Тихомирова и др. Однако эта тема далеко не исчерпана, и ярким свидетельством тому может служить рецензируемая книга болгарского профессора Б. Ангелова [1].

Она состоит из четырех глав: «Михаил митрополит Коласийский», «Русский книжник Силуан и южные славяне», «Из истории Рассказа о зографских мучениках» и «Послание патриарха Фотия болгарскому князю Борису».

В первой главе рассматривается жизненный путь и дело Михаила Коласийского — Кюстендильского митрополита XVII в., неоднократно бывавшего в России и прожившего в Москве в общей сложности несколько лет. Точная дата рождения Михаила неизвестна. Б. Ангелов гипотетически относит ее к первому десятилетию XVII в. путем сопоставления некоторых исторических данных. Бол-

гарский ученый сравнивает и анализирует сведения о деятельности Михаила Коласийского, содержащиеся в многочисленных приписках к рукописным и старопечатным книгам XVII в. из собрания софийской Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия, афонского Хиландарского монастыря, Государственного Исторического музея (Москва) и других древлехранителей, восстанавливая биографию Кюстендильского митрополита.

Первый его приезд в русскую столицу, судя по приведенным в книге фактам, следует датировать 21 ноября 1651 г. В соответствии с данными Посольского приказа, архивы которого находятся в ЦГАДА, Михаил Коласийский приехал в Россию вместе со своим братом Вениаменом Николаевым, архимандритом Дионисием и двумя дяконами — Дамаскином и Никодимом. В письме, адресованном царю Алексею Михайловичу, он просил принять его на государеву службу вместе со свитой, и эта просьба была удовлетворена. В Москве Михаил Коласийский провел неполных три года,

встречаясь с высшими светскими и духовными лицами, неоднократно удостоившись чести присутствовать на званых царских обедах и других торжествах. За это время он побывал в Троице-Сергиевой Лавре, где оставил приписки на некоторых рукописях. 1 апреля 1654 г. Михаил Коласийский покинул русскую землю и отправился в Иерусалим, чтобы посетить святые места. Путь его проходил через Балканы и именно здесь осела значительная часть подаренных ему в Москве рукописных и старопечатных книг. Б. Ангелов проделал кропотливую работу, установив современное местонахождение некоторых из этих ценных подарков России южным славянам. Они хранятся ныне в Болгарии, Югославии и в монастырских библиотеках на Афоне.

Через три года Михаил Коласийский вместе со свитой, в которую входили его племянник Дамаскин, дякон Дамаскин и два послушника Николай и Петр, возвратились из длительного путешествия и снова оказались в Москве. Б. Ангелов обильно цитирует документы о вторичном пребывании Михаила Коласийского в русской земле, используя архивы ЦГАДА (ф. 52, «Греческие дела»). В этих исторических источниках отмечено повторное посещение митрополитом Троице-Сергиевой Лавры, где он находился в течение девяти месяцев. Именно во время этого визита скончался племянник Михаила иеромонах Дамаскин, о чем сообщается в одной из приписок в рукописи из собрания Лаврской библиотеки. О судьбе другого родственника митрополита — брата Вениамина, бывшего светским лицом и поступившим на государеву службу, по констатации Б. Ангелова науке ничего не известно.

В 1661 г. Михаил, судя по данным Посольского приказа, покинул русскую землю и отправился на родину, увозя с собой жалованную царскую грамоту Лесновскому монастырю, подтверждавшую право монастырской братии приезжать каждые пять лет в Москву за сбором пожертвований. По возвращении на родину он обосновался в указанном монастыре, а умер на Афоне где-то около 1666 г.

В Приложении к первой главе Б. Ангелов прилагает тексты прошения митрополита Коласийского царю Алексею Михайловичу, интерпретации прошения писцами Посольского приказа, письма хиландарского иеромонаха Дамаскина митрополиту Михаилу, грамоты Алексея Михайловича Лесновскому монастырю, данные о последующем приезде монастырской братии в русские земли, послания святогорцев патриарху Никою от 1655 г. и ряд других документов из архивов ЦГАДА и других древлехранящих.

Во второй главе Б. Ангелов проследживает судьбу и деятельность литератора Силуана, работавшего под руководством Максима Грека. Этот книжник был монахом Троице-Сергиева монастыря и слыл знатоком греческого языка. Его перу

принадлежит несколько рукописей с сочинениями Иоанна Златоуста, часть которых довольно рано проникла на славянский юг. Ученые допускают, что перевод Силуана (или силуановские копии переводов Максима Грека) был осуществлен между 1524—1525 гг., и не позднее второй половины XVI в. появился на Балканах. Во всяком случае до нашего времени дошли четыре южнославянских списка с силуановскими переводами, датируемые первой половиной XVI в. (1615, 1616 и 1622 гг.). Они находились в Западной Болгарии, Дубровнике, Студеничком и Хиландарском монастырях. Б. Ангелов приводит подробные сведения о современном местонахождении рукописей с данными списками, высказывает свои наблюдения о распространении в древнерусской книжности силуановского предисловия к его сочинениям.

Третья глава монографии посвящена истории «Рассказа о зографских мучениках» — небольшому произведению, в котором повествуется о разгроме одного из афонских монастырей в период обострения отношений между восточной и западной христианской церквями. Карательная «латинская» операция была проведена в 1275 г. и сопровождалась жертвами со стороны Зографского монастыря. Реминисценции рассказа обнаруживаются в «Рае мысленном» (М., 1659), «Сказании о Святой горе» Стефана Святогорца, «Повести о разорении Святой горы», полемических сочинениях украинского писателя Ивана Вишенского и других произведениях. Б. Ангелов устанавливает еще один коррелят: «Послание из Святой горы Великому князю Василию Васильевичу». Отправляя это сочинение, являвшееся отголоском реакции святогорцев на Флорентийский церковный собор, в русское государство, митрополит Исидор пытался склонить Москву к признанию религиозного главенства папы римского (1441). Б. Ангелов сопоставляет тексты Послания и Рассказа, выявляя текстуальную зависимость первого от второго. Он делает вывод о том, что «Рассказ о зографских мучениках», очевидно, возник в начале XIV в. Однако, по мнению ученого, автором данного произведения едва ли можно считать Григория Цамблака (как полагает другой болгарский исследователь К. Мечев). Сама тематика и стилистика произведения противоречит подобному предположению.

В Приложении к этой главе издаются тексты посланий святогорцев Великому князю Василию Васильевичу и его ответ им.

В четвертой главе Б. Ангелов сообщает сведения о новых списках послания патриарха Фотия к болгарскому князю Борису. К девяти спискам памятника, опубликованным В. Златарским, Б. Ангелов добавляет пять новых. Кроме того, он приводит сведения о греческих списках указанного произведения и различных ссылках на него в древнерусской книжности.

Рецензируемая книга Б. Ангелова про-

должает серию работ ученого по древнеболгарской литературе. Приводимые в ней новые фактические данные весьма ценны для исследователей, изучающих

литературные и культурные связи между южными славянами и Россией в средневековый период.

Калиганов И. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелов Б. Руско-южнославянски книжовни връзки. София, 1980, 128 с.

Новые публикации по истории далматинского города

Трогир — один из самых старых далматинских городов, его история восходит ко временам греческих колонистов, вероятно, [они и дали городу название (от греч. «трагос» — козел). Место Трогира в истории хорватского народа значительно. Именно те привилегии, которые пожаловал городу Коломан Венгерский, стали образцом коммунальных хартий, под его стенами закончился поход татар, преследовавших Белу IV, а в начале XV в. Трогир долго сопротивлялся венецианцам. Крошечный городок на острове (он занимает всего 15 га) может гордиться своим прошлым. Однако это прошлое до сих пор не стало предметом монографического изучения, хотя недавно изданная библиография о Трогире насчитывает 1067 названий [1]. Правда, общее и очень неплохое представление о городе, его облике и художественных памятниках дают путеводители по Трогиру (авторы: И. Делалле, М. Сладе-Шилович [2, 3]), а трогирскую культурную среду отлично представляет недавно изданный альбом [4], но исследовательского характера эти публикации не носят. В конце 1980 г. в Сплите вышел в свет двоянный номер (10—11) журнала «Mogućnosti», целиком посвященный Трогиру.

Насколько нам известно, это первая попытка осмыслить исторические судьбы города за последние десятилетия. В издании участвуют 22 автора, среди которых такие известные ученые, как искусствоведы акад. Ц. Фискович и К. Приятель, историк Н. Клаич, архивист Д. Божич-Бужанчич, многолетний руководитель трогирского музея М. Сладе-Шилович и его нынешний директор А. Бабич и др. Первая представленная в журнале тема — сохранение города как художественного центра, имеет сугубо актуальное значение: многие памятники старины в Трогире разрушаются или перестраиваются, город меняет свой облик и несколько лет назад югославская общественность вынуждена была призвать к их спасению (публикация «SOS: трогирское наследство» — [5]). Ряд статей в рецензируемом издании носит именно такой призывный характер (см. статью Цвито Фисковича «Трогир требует защиты своих культурных ценностей»). Впрочем, читателям журнала предоставлена возможность познакомиться

не только с современным состоянием памятников, но и с их прошлым. К. Приятель популярно и лаконично рассказывает об изобразительном искусстве Трогира, Т. Марасович — о его средневековой архитектуре, Игорь Фискович — о готической культуре. Жаль только, что последняя работа написана предельно усложненным языком, нередко мешающим понять содержание.

Значительнее и серьезнее развивается на страницах этого выпуска «Могучности» вторая — археографическая тема. Д. Божич-Бужанчич повествует об архивных собраниях, происходящих из Трогира, но в наши дни, к сожалению, рассеянных по разным хранилищам, об истории создания знаменитой библиотеки семейства Гаранин-Фанфонья. Здесь же публикации ранее не изданных латинских стихотворений XV—XVII вв. (Колумбич Н.), рукописей ряда трогирских гуманистов — Н. Стафилича, М. Валаресо, И. Липовича (С. Юрич), кодекса 1705 г., содержащего текст средневековой мистерии (Х. Морович), перевода «Молитвы против турок», принадлежащей перу Транквила Андроника (В. Глиго). Эти публикации вводят в научный оборот много неопубликованных данных, их познавательная ценность велика.

Третья тема — собственно история города. О древнем Трогире написал Н. Камби, о крестьянских волнениях, возникающих в городе и окрестностях в 1797 г. после падения Венецианской республики, — В. Омашич, сводку извлечений, касающихся истории города с 438 по 1097 г., из текстов древних памятников подготовил М. Иваншиевич. Они приводятся на языке оригинала и в переводе, даны ссылки на архивы и издания текстов, но эта работа скорее хрестоматийного свойства, ибо все приводимые данные уже были опубликованы. Вдумчиво, но в рамках одних лишь церковно-политических событий исследована средневековая история города (Н. Клаич), изучено положение на трогирско-турецкой границе в начале XVII в. (В. Рисмондо). Любопытную просопографическую работу проделала Н. Божич-Божанчич, составившая списки всех ремесленников, трудившихся в городе и упомянутых в нотариальных актах и судебных протоколах в 1263—1299 гг.

Этот перечень полностью подтвердил подсчеты, сделанные в советской науке [6], но почему автор назвала свою статью «Архивные свидетельства...»? Все эти данные давно опубликованы и ни одной ссылки на архивы сама Н. Безич-Божанич не приводит.

Выход в свет журнала, целиком посвященного трогирскому прошлому, только один из показателей интереса югославской общественности к истории города. В 1979 г. был переведен на современный сербо-хорватский язык и издан известный труд «отца хорватской историографии» Ивана Луцича (Луциуса) «Исторические свидетельства о Трогире» [7]. Это произведение занимает почетное место не только в далматинской, но и во всей южнославянской историографии XVII в. Напомним, что Иван Луцич (1604—1679) происходил из старинной патрицианской семьи, первоначальное образование получил в Трогире, затем учился в Риме и Падуе, последние годы жизни провел в Риме, где и умер. Многочисленные друзья и соратники как в Италии, так и в Далмации помогли Луцичу собрать все доступные им источники по истории Трогира и опубликовать книгу в 1673 г. [8]. «Историческим свидетельствам» предшествовал труд «О королевстве Далмация и Хорватия», открывший новый этап в развитии исторической науки в южнославянских землях [9]. Идея книги «О королевстве...» была подсказана Луцичу в связи с тем, что Венеция, в ходе Кандийской войны потерявшая Крит, лишилась статуса королевства в международно-правовых отношениях того времени. Обоснование ее прав на «королевство Далмация» должно было сохранить за Венецианской республикой этот ранг.

В «Исторических свидетельствах» Луцич не ограничился публикацией имевшихся в его распоряжении текстов, но впервые в южнославянской исторической науке дал их критическое истолкование. Работая с разнородными источниками, он создал основы ряда вспомогательных исторических дисциплин: латинской палеографии, сфрагистики, геральдики и др. Для современного исследователя труд Луцича о Трогире является важным сводом исторических источников, большая часть из которых сохранилась до наших дней. Стремление автора показать целостную картину истории родного города привело его к публикации огромного количества документов об организации управления, об отношениях с соседними далматинскими городами, хорватскими и венгерскими династиями, Венецией, о расположении города, его застройке, архитектуре, об обычаях горожан и т. д. Сочинение, включавшее события со времени основания города до 1420 г., т. е. до начала венецианского правления,

состоит из шести книг и 55 глав. Назовем для примера содержание только первой книги: положение города, его основание, происхождение названия Трогир, история города во времена Римской империи, его территория, жизнеописание св. Иоанна Трогирского.

Переводу книги предшествует обстоятельная вводная статья М. Курелаца. Автор рассказывает о трудной личной судьбе Луцича, его отношениях с друзьями и соотечественниками, правда, о Павле Андрее, авторе «Истории Трогира», он не упоминает. М. Курелац высказывает обоснованное предположение о том, что политические взгляды Луцича на венецианское господство определялись во многом его происхождением из среды трогирского патрициата и общественно-политической ситуацией, в которой находился Трогир (с. 39—41). Далее Курелац показывает основные этапы в изучении «Исторических свидетельств», отметив положительные стороны исследования сочинения в буржуазной историографии (работы Ф. Рачки, В. Брунелли, Б. Понарича). Обстоятельный анализ труда Луцича в предшествующей литературе XX в. освободил Курелаца от необходимости выполнять источниковедческую работу. Труд Луцича показан Курелацом в тесной связи с предшествующей историографией, при этом выявлено его влияние на последующие исторические сочинения.

В предисловии переводчика Я. Стипишича отмечено влияние итальянской историографии на работы Луцича, показаны характерные особенности итальянского языка сочинения (с. 9). Переводчику удалось передать современным языком сложные обороты венецианского диалекта, что облегчило чтение, но не изменило смысл, на это достоинство перевода обращено внимание в рецензии Т. Раукара [10]. К переводу дан обстоятельный исторический, филологический и реальный комментарий, свидетельствующий о широкой эрудиции издателей, которые привлекли значительный круг исследований для разъяснения всех имен, названий, реалий и исторических фактов. Второй том сочинения завершает полный список трогирских епископов и князей, составленный Луцичем (с. 1131—1142), и обширный указатель имен и географических названий, составленный М. Матиевичем (с. 1143—1220). Следует отметить прекрасное полиграфическое исполнение книги, тщательно подобранные иллюстрации. Редакционная коллегия «Сплитского литературного круга» подготовила хорошую публикацию, которая, без сомнения, будет широко использоваться советскими специалистами по истории южных славян позднего средневековья.

Воробьева И. Г., Фрейденберг М. М.

1. *Bezić-Božanić N.* Građa za bibliografiju Trogira.— In: Muzej grada Trogira, sv. II. Trogir, 1978.
2. Trogir. Zagreb, 1964.
3. Trogir i okolica. Zagreb, 1976.
4. Trogir. Zagreb, 1976.
5. SOS. SOS. Za bastinu. Trogir.— In: Arhitektura, broj 160—161. Zagreb, 1976.
6. *Фрейденберг М. М.* Ремесло в Трогире XIII века.— В кн.: Уч. зап. Великолуцкого пединститута, вып. 24. 1964.

7. *Lucić Ivan.* Povijesna svjedočanstva o Trogiru. Split, 1979.
8. *Lucio G.* Memorie istoriche di Tragurio ora detto Traù. Venezia, 1673.
9. *Lucius J.* De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex. Amstelodami, 1666.
10. *Raukar T.* Od legendi srednjovjekovlja do početka hrvatske historiografije (u povodu prva tri kola edicije «Splitski književni krug»). Split, 1977—1979.— In: Historijski zbornik. Zagreb, god. XXXI—XXXII, s. 398—407.

Труды М. Коевой об архитектуре болгарского Возрождения

Среди трудов М. Коевой, много и плодотворно работающей над изучением болгарского зодчества XVII — начала XX в., наиболее значительное место принадлежит исследованиям, посвященным архитектуре национального Возрождения. Начало им было положено серией статей 1966—1976 гг., содержащих анализ композиционных приемов храмового зодчества и особенностей процесса его развития, классификацию храмов, характеристику их основных типов. Итогом, одновременно обобщавшим и развивавшим сделанное, явилась капитальная работа — «Памятники культуры болгарского Возрождения» [1].

В книге органически слились солидность фактографической базы, живое ощущение художественного своеобразия материала с отчетливо выраженным стремлением к теоретическому осмыслению его и неизменным влечением к методологической проблематике. Теоретический подход и методологические проблемы намечают основные направления исследования, в соответствии с которыми ведется анализ конкретных памятников архитектуры.

Усилия исследовательницы направлены на то, чтобы выявить своеобразие и общие закономерности процесса развития болгарской архитектуры на протяжении почти двух столетий, показать, как реагировало зодчество на изменения в социально-политической жизни и общественные устремления, в частности каким образом сказалось на архитектуре включение Болгарии в состав Османской империи.

Во времена турецкого владычества единственно доступной формой проявления общественной жизни у народов, захваченных Османской империей, оставалась религия. Для болгар средства и способы выражения приверженности к своей религии приобретают особое значение. Турецкое завоевание повлекло за собой не только утрату болгарами политической независимости, но и угрозу духовной и культурной ассимиляции со стороны греческого духовенства. В основной на религиозном принципе Осман-

ской империи за самостоятельные признавались только народности с собственными церковными институтами, у болгар отсутствовавшими. Движение за национальную церковь, как бы материализующееся в строительстве храмов, превращается в специфических для болгарского Возрождения условиях в первый этап движения за политическое освобождение, определяя таким образом одну из характерных особенностей болгарской национальной революции. Именно поэтому ведущим типом архитектурных сооружений, наиболее полно выражающим изменения в социально-экономической структуре общества, пробуждение и рост национального самосознания, являются храмы. Культурное зодчество превращается в знамя, символ и орудие освободительной борьбы.

Исследовательница обращает специальное внимание на социально-политический аспект архитектуры в контексте сложного и неоднородного целого, которым являлась Османская империя. Это делается в болгарском искусствоведении едва ли не впервые. Она рассматривает болгарское искусство как часть болгарской художественной культуры, а ее в свою очередь соотносит с характеристиками художественной культуры Османской империи, отмечая также особенности и степень восприятия европейской художественной культуры, пути и время проникновения европейских влияний.

Стремление с максимальной полнотой представить своеобразие художественной культуры болгарского Возрождения заставляет исследовательницу сосредоточиться еще на двух важных в методологическом отношении проблемах. Первая из них — отношение болгарского национального Возрождения к европейскому Ренессансу (Коева настаивает на идентичности обоих явлений, видя особенности болгарского варианта в экстремальности ситуации, в которой происходит его зарождение и развитие). Вторая — вопрос о природе болгарской художественной культуры. По справедливому мнению исследовательницы,

она представлена в системе культур Османской империи только в форме народной, как ее второй уровень (первый образует официально господствующая турецкая). Обе культуры не существуют изолированно, находясь в сложных отношениях взаимодействия и отталкивания. Степень того и другого в разных сферах искусства различна. Культовое зодчество и религиозное искусство фокусируют в себе всю возможную меру самобытности и силу сопротивления процессам ассимиляции.

Такие методологические установки заставили автора отказаться от распространенного в болгарском искусствоведении локального освещения материала, ограничиваемого, как правило, национальными рамками или рамками рассматриваемого вида искусства и рассматриваемого вне проблемы своеобразия «нетипичного» для Европы пути формирования национальной культуры в переходную пору от средневековья к новому времени.

Книга состоит из введения, трех глав, посвященных соответственно развитию церковной архитектуры до конца XVIII в., первой и второй половины XIX в., и заключения. Текст богато иллюстрирован обмерными чертежами и фотографиями, черно-белыми и цветными.

Анализируя процесс развития храмового зодчества болгарского Возрождения (его истоки уходят, по мнению М. Коевой, в XVII в., что дает автору основание назвать его проторенессансом и благодаря этому иначе датировать зарождение тенденций, вылившись затем в национальное Возрождение), автор выделяет в нем три основных периода. Аргументом в пользу предлагаемой автором хронологии служит изменение типа храма. Начало XVIII в. ознаменовалось созданием трехнефных псевдобазилик, сопровождавшимся изменением характерных для более раннего времени пространственных и композиционно-пластических решений. Господствовавшая в средние века в интерьере фресковая роспись теряет былое значение — центром архитектурного убранства становится резной иконостас (в формировании его особенной роль принадлежит афонским мастерам); увеличивается роль резьбы по дереву, архитектурных и пластических деталей, в стенописи большое место отводится орнаментальным мотивам. С конца XVIII по 1850-е годы трехнефной церкви без купола принадлежит ведущее место в храмовом зодчестве; это время ее высшего расцвета. Вторая половина XIX в. отмечена распространением купольных храмов.

В последовательной смене господствующих разновидностей типа трехнефного храма автор усматривает соответствие сменяющим друг друга фазам развития европейского зодчества: Ренессансу с его гармоническим равновесием и согласованием отдельных элементов и барокко с характерным для него принципом соподчинения.

Книга содержит много ценных собственно архитектуроведческих наблюдений об изменении градостроительной роли церкви на протяжении XIX в., о связи

этого факта с изменением объемно-пространственной структуры сооружений, о неадекватности развития монастырских и городских храмов, о роли первых в формировании типа церкви болгарского Возрождения и т. д.

Методологическим проблемам, могущим, по мысли Коевой, помочь приблизиться к пониманию реальной сложности и своеобразия балканского, и в частности болгарского пути развития искусства, в переходную от средневековья к новому времени эпоху национального Возрождения, посвящены еще две статьи — «Характеристики художественной культуры Возрождения» [2] и «Архитектурное развитие и общественно-исторический процесс» [3]. Опубликованные уже после выхода книги, они развивают очерченный в ней круг методологических проблем, суммируя на теоретическом уровне позиции, сложившиеся в процессе конкретно-исторических исследований.

В первой из статей автор пытается дать структурную характеристику художественной культуры болгарского Возрождения. Подчеркивая отсутствие в ней обычного «высшего» официального уровня, она показывает реальную неоднородность функционирующей как «второй уровень» народной культуры. Последняя состоит из двух слоев — собственно народной и «опустившейся» до уровня народной (со времени турецкого завоевания) религиозной культуры. Еще одна особенность болгарской культуры, очень существенная для того времени, — расположение ее на стыке Востока и Запада — побуждает автора к подробному рассмотрению динамики взаимосвязей болгарской культуры с культурой Византии, Османской империи, европейских стран. В архитектуре, связанной одновременно и с экономикой, и с социальным развитием, и с общественным сознанием эпохи, ранее, чем в других видах художественной деятельности, проявляются черты, соответствующие изменениям в этих сферах и выражающие их. Из разных видов архитектурного творчества в эпоху национального Возрождения особенно тесно соотносенными с ведущими областями общественного сознания оказываются храмы (основной тип общественных зданий того времени) и градостроительство. Здесь в первую очередь зреют ростки новой архитектурной системы, создаваемой зарождающейся общественно-экономической системой.

Вторая статья содержит обоснование необходимости системного подхода для исследований архитектуры. В ней специально подчеркивается невозможность понимания исторически конкретного своеобразия художественной культуры национального Возрождения вне системного подхода. Исходя из этого, Коева предлагает универсальную модель архитектурной системы исторических эпох в качестве инструмента, могущего помочь пониманию особенностей и места архитектуры в системе определенной культуры. С ее точки зрения архитектурный процесс каждой эпохи развивается как бы по трем потокам, представленным архитектурно-историческими системами

(их существенным признаком является общественно-экономическое развитие данного региона), архитектурно-эстетическими системами, определяемыми особенностями формообразования, и архитектурно-функциональными системами.

Работы Коевой по истории храмового зодчества болгарского Возрождения являются бесспорным вкладом в болгаристику.

Кириченко Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коева М. Паметници на културата през българското Възраждане. Архитектура и изкуство на българските църкви. София, 1977, 330 с.
2. Коева М. Характеристики на възра-

данската художествена култура.— Методологически проблеми на изкуството. София, 1979, с. 190—210.

3. Коева М. Архитектурното развитие и обществено-историческият процес.— Архитектура и общество. София, 1980, с. 170—188.

Ю. С. МАСЛОВ. *Грамматика болгарского языка*. М., 1981, 407 с.

Выход в свет «Грамматики болгарского языка» известного советского болгариста Ю. С. Маслова, представляющей собой фактически широкое, значительно переработанное и расширенное издание его же «Очерка болгарской грамматики» (М., 1956), является важным событием в славянском языкознании.

Рецензируемая книга состоит из «Введения» (с. 21—34) и четырех частей: Фонетика, фонология и письмо (с. 35—70); Словообразование (с. 71—123); Формообразование и функционирование частей речи (с. 124—336); Синтаксис (с. 337—401). В качестве приложения дан краткий список рекомендуемой литературы (83 названия).

В первом разделе «Введения» приводятся необходимые сведения о болгарском языке и его месте среди других славянских и балканских языков. Важное значение для понимания теоретической концепции, лежащей в основу «Грамматики болгарского языка», имеет второй раздел «Введения», названный «О некоторых понятиях грамматики». Здесь автор устанавливает рамки исследования, объектом которого являются грамматические значения и средства их выражения, говорит о структуре книги и дает определение основных употребляемых в ней терминов. Убедительность и доступность изложения в значительной степени обусловлена четкостью дефиниции таких основополагающих понятий любого грамматического описания, как грамматическая категория, граммема, формообразующая основа, парциальная основа, форматив, формообразовательная парадигма.

Приняв в качестве исходного пункта своей грамматической концепции плодотворную идею иерархического соотношения единиц каждого уровня языковой системы (т. е. абстрактного инварианта и конкретных вариантов), Ю. С. Маслов вводит в грамматическое описание цепочки единиц разной степени абстракции, а именно: а) инварианты — абстрактные единицы, принадлежащие системе языка (фонемы, морфемы, слова); б) их обязательные языковые варианты, находящиеся между собой в отношении дополнитель-

ной дистрибуции и также принадлежащие системе языка (например, [м] и [м'] как варианты фонемы /м/); в) конкретные речевые экземпляры, реализованные в данном конкретном контексте (фон, морф, словоформа; например, варианты [м] и [м'] в словоформах *ра̀мо* и *ра̀менé*). В связи с тем, что объем и характер отобранных для анализа фактов обуславливается, как правило, принятой системой описания, Ю. С. Маслов дает в «Грамматике» не только инвентарь этих единиц, но тщательно исследует их синтагматические и парадигматические связи, а также их значение и употребление.

Указанные идеи находят воплощение уже в первой части «Грамматики», дающей читателю, несмотря на краткость изложения, представление о звуковой синтагматике современного болгарского литературного языка. Автору удалось показать специфические особенности его звуковой системы, затрагивающие как инвентарь фонем, так и их дистрибуцию. Это относится, например, к наличию таких фонем, как /ъ/, /г'/, /к'/, /г'/, /дж/, /дз/, к правилам дистрибуции сочетаний [тe] и [т'a] и сочетаний шумного (Ш) с сонантом (С) в начале и конце слова (а именно: ШС—и—СШ; СъШ—и—ШъС, например, *т̀рѣн* и *с̀мърт*, *м̀ялѣ* и *тѐдѣ̀р*), к системе безударного вокализма и др. Значительное место автор отводит описанию позиционных звуковых изменений, вызванных современными законами звуковой синтагматики (типа *ба̀[б]а — ба̀[н]ка*), которые квалифицируются им в качестве «живых чередований фонем» (в соответствии со взглядами представителей ленинградской фонологической школы), и позиционных чередований (типа *му̀стѣ̀[к] — му̀стѣ̀[ц|у]*), называемых «историческими чередованиями фонем». Такое внимание к звуковым изменениям разного рода в рамках морфемы вполне закономерно, так как дальнейший анализ грамматического строя болгарского языка, составивший содержание второй и третьей частей «Грамматики», предполагает знание законов и границ модификации так называемого «подвижного компонента морфемы» для осуществления процедуры выделения

и отождествления морфем, установления пределов варьирования морфов одной морфемы, поиска их инварианта с учетом фонологических и морфонологических закономерностей. Известно, что ленинградская фонологическая школа, к сторонникам которой принадлежит и Ю. С. Маслов, в анализе звукового уровня исходит из конкретной словоформы (а не из слова и морфемы), не пользуется понятиями сильной и слабой позиций и понятием нейтрализации фонемных противопоставлений и тем самым ограничивает звуковой уровень языковой системы от остальных ее уровней (в частности, от грамматического). Однако Ю. С. Маслов, признавая существование инвариантной языковой единицы (морфемы) и ее конкретных вариантов (морфов), представляющих собой чаще всего фонемное варьирование означающего морфемы, вполне обоснованно вынужден был расширить рамки теории ленинградской фонологической школы и ввести как понятие нейтрализации фонемных противопоставлений (с. 41), так и понятия сильной и слабой позиций (с. 50). К сожалению, предпринятая в «Грамматике» попытка дополнить концепцию ленинградской фонологической школы указанными положениями МФШ, подчеркивающими единство всей системы языка, привела в ряде случаев к непоследовательностям. Так, вопреки использованию понятий нейтрализации и слабой позиции, где отдельные дифференциальные признаки фонем не являются релевантными (см. с. 40), Ю. С. Маслов, следуя традициям ленинградской школы, приравнивает звуки, употребляемые в тех или иных слабых позициях, к фонемам, выступающим «в позиции минимальной зависимости от окружения» (с. 29), т. е. сильных позициях, в связи с чем в книге встречаются такие, например, утверждения как: «...нейтрализация осуществляется в пользу «узкого гласного, т. е. протекает как вытеснение из неударных слогов фонем /а/ и /о/» (с. 44).

Вторая часть книги названа «Словообразование». В отличие от «Очерка» (и других грамматик болгарского языка), здесь сосредоточены основные сведения о словообразовании различных частей речи. В очень кратком и содержательном введении даны четкое изложение концепции автора, отвечающей современному уровню развития теории словообразования, и определение и объяснение многих терминов и понятий, с помощью которых описывается словообразовательный материал. В то же время некоторые понятия и термины в книге не раскрыты. Например, отсутствует дефиниция употребляемого Ю. С. Масловым понятия суффиксальный комплекс (ср. суффиксальные комплексы имен прилагательных *-овск/-, -инск/-, -ичек/-* при суффиксе *-ск/-* (с. 97). Этим термином в книге обозначены сочетания суффиксов с некоторыми сегментами словоформ, статус которых в работах по словообразованию все еще окончательно не определен и вопрос о которых является поэтому и сейчас еще дискуссионным. Данные сегменты обозначаются обычно в литературе терминами интерфикс, асемантическая прокладка, пустой морф,

ращение (т. е. расширение морфемы) и др. Нам представляется, что в рецензируемой книге можно было бы подробнее остановиться на этом вопросе и дать для фактов подобного рода одно из наиболее приемлемых решений. Также отсутствует в «Грамматике» определение понятия сильная позиция для аффиксов (с. 4); нет четкого различия между терминами суффиксальный комплекс и суффиксальная группа (например, суффиксальные группы *-оти/-* или *-вува/-, -/ствува/-* при суффиксах *-от/-* и *-/(у)ва/-*, с. 83, 105); смазаны понятия суффикса (например, суффиксы *-ив/-, -лив/-, -/чив/-*, с. 100), варианта суффикса (например, суффиксы *-ств/-, -/ост/-, -/ов/-, -/нав/-* и их варианты *-/еств/-, -/ест/-, -/ев/-, -/икав/-, -/еникав/-, -/езникав/-*, с. 82, 83, 96, 101) и разновидности суффикса (например, суффикс *-/(е)ск/-* и его разновидность *-к/-*, с. 98).

Однако в целом раздел, посвященный словообразованию, заслуживает высокой оценки. Так, продолжая лучшие традиции отечественной науки, Ю. С. Маслов рассматривает словообразовательную систему болгарского языка как совокупность словообразовательных типов и моделей. Сущность самого словообразовательного анализа он считает установление отношений синхронной производности, определение ее направленности, выделение словообразовательных типов и моделей, их характеристику с точки зрения продуктивности и установление инвентаря словообразовательных средств. Автор вводит такую иерархию анализа словообразовательного материала, при котором описание типов и моделей дается по частям речи, внутри частей речи — по способам словообразования, а каждый способ словообразования той или иной части речи описывается по словообразовательным формативам, их отношениям к мотивирующим основам и значениям производных слов. В результате читатель получает полное представление о диапазоне способов и средств словосложения различных частей речи: это и аффиксальные формативы, и морфологическая конверсия, и усечение основы, и аббревиация; в качестве дополнительного способа словообразования рассматриваются и исторические (морфонологические, по другой терминологии) чередования гласных и согласных фонем, а также ударение. Порядок включения в описание различных словообразовательных форматов обусловлен такими критериями, как их продуктивность и частотность. Хорошо показано в «Грамматике» сосуществование однозначных словообразовательных форматов, обладающих в ряде случаев тождественной функцией и демонстрирующих тем самым склонность языка к сохранению в своей системе отчасти избыточных формальных средств, что приводит к появлению многочисленных дублетных форм-дериватов, обуславливающих вариативность и выразительность языка. Ср., например, суффиксы образования нарицательных существительных — названий лиц мужского пола *-ак/-* и *-ец/-* (глупак — глупец) и *-ач/-* и *-ец/-* (плувач — плувец), суффиксы образования оты-

менных прилагательных $-/(е)н/-$ и $-ов/-$ (*лимонен — лимонен*), суффиксы образования отыменных глаголов $-/ува/-$ и $-/ова/-$ (*арестувам, бинтувам*) и др. В то же время хотелось бы найти в «Грамматике» более развернутые и проведенные на более широком материале сопоставления разных условий употребления конкурирующих словообразовательных форматов и способов словообразования, что, по-видимому, могло бы способствовать определению тенденции развития словообразовательной системы современного болгарского литературного языка.

Морфология болгарского языка описывается в разделе «Формообразование и функционирование частей речи». Первое, что мы здесь видим — это новая по сравнению с «Очерком» систематизация материала. В «Очерке» схема изложения была традиционна, в «Грамматике» же глагол, как и связанный с ним неглагольный предикатив, идут непосредственно за существительным, прилагательным и числительным. За глаголом следует наречие и только потом — слова-указатели и заместители (местоимения и местоименные наречия), которые соотносятся со всеми рассмотренными ранее частями речи. В последнюю очередь рассматриваются прочие разряды слов: предлоги, вспомогательные и связочные глаголы, частицы степеней, модальные и выделятельные частицы, междометия.

В вводной части главы о существительном автор, в соответствии с современными грамматическими взглядами, указывает, что образуемая некоторыми разрядами существительных звательная форма не является падежной формой. Раскрывая специфику болгарского существительного, он выявляет группу имен с качественным значением, образующих степеня сравнения (*по-майстор*). Подробно описана категория определенности/неопределенности. Не убедительной, как и в «Очерке», остается лишь трактовка неопределенного местоимения *един* как неопределенного артикля. Нам представляется, что это слово не стало в болгарском языке артиклем, но имеет в ряде случаев артиклевую функцию, подобно русскому неопределенному местоимению этого же корня.

В главе о прилагательном Ю. С. Маслов справедливо подчеркивает, что категории рода, числа и определенности прилагательное получает исключительно по согласованию с существительным, поэтому они являются здесь грамматическими, в отличие, например, от рода существительных. Разумно, что порядковые числительные отнесены к прилагательным в качестве особого семантико-грамматического разряда. Соответственно в главе «Числительное» рассматриваются только количественные числительные.

Самой большой по объему в морфологии оказывается глава о глаголе, которая написана чрезвычайно интересно. В ней принята новая, современная трактовка ряда грамматических проблем и обобщены результаты последних изысканий автора и других ученых. Так, вводится понятие валентности — обязательной, факкультативной и нулевой, выделяются одновалентные, двухвалентные и трехва-

лентные глаголы. Категория вида болгарского глагола описана с привлечением новых достижений автора в этой области за годы, отделяющие «Очерк» от «Грамматики». Характеристика этой категории начинается с введения понятия предельности/непредельности действия. Нам представляется удачным применяемый Ю. С. Масловым метод частых сопоставлений с русским языком (например, он отмечает отсутствие в болгарском глаголах многократного способа действия типа русск. *хаживал*). В соответствии с общепринятой в современной аспектологии установкой, Ю. С. Маслов делает различие между перфективацией глаголов как словообразовательным процессом и вторичной имперфективацией как процессом формообразования. Описывая последовательность актов перфективации и имперфективации, автор указывает не только традиционно признаваемые три ступени видообразования, но и еще две следующие ступени — перфектив, производный от вторичного имперфектива, и третичный имперфектив. Приведенная таблица (с. 209), которой не было в «Очерке», наглядно суммирует общие сведения о последовательности процессов видообразования. Исчерпывающе полно описано Ю. С. Масловым богатство временных форм болгарского глагола. Жаль только, что с достаточной определенностью не выделена в качестве самостоятельной категории предшествования (таксиса). Фактически в описании категории времени и временной последовательности не разделены, поэтому и аорист, и перфект, и плюсквамперфект рассматриваются как категориальные формы времени. Очень интересен раздел, посвященный наклонению. Кроме обычно различаемых изъявительного, повелительного, условного и пересказывательного, Ю. С. Маслов предлагает выделить еще предположительное, или «умозаключительное», наклонение. Он считает, что с известным основанием можно говорить и о конъюнктиве (формы типа *да вървим* с частицей *да*). По сравнению с «Очерком» данные разделы содержат много нового. Ряд параграфов главы о глаголе снабжен таблицами. В целом эта глава дает полную и логически обоснованную схему сложнейшей системы форм болгарского глагола.

Глава о неглагольном предикативе как особой части речи уже по одному своему названию является новаторской. В «Очерке» речь шла о «словах категории состояния» — термин, принятый в русистике. Надо сказать, что в последнее время почти никто из русистов не настаивает на существовании подобной самостоятельной части речи (ср., например, соответствующие разделы в «Грамматике современного русского литературного языка», М., 1970 и в «Русской грамматике», М., 1980).

Четкость классификации и ясность описания характерны для главы о местоимениях и местоименных наречиях как о словах-заместителях; здесь же кратко охарактеризовано явление местоименной репризы (*спи му се на него*). Замыкает раздел глава о прочих разрядах слов.

«Синтаксис» в новой книге Ю. С. Маслова вынесен в самостоятельную часть, равноправную фонологии, словообразованию и морфологии, чего не было в «Очерке». Объем этой части по сравнению с другими разделами «Граматики» невелик, но автор сумел осветить здесь важнейшие особенности болгарского словосочетания, простого и сложного предложения. В «Синтаксисе», как и во всей «Грамматике», Ю. С. Маслов употребляет новую терминологию, что соответствует новому, достаточно отличному от традиционного, принципу описания языка. Это можно лишь приветствовать, особенно в связи с тем, что рецензируемая книга является учебником и должна приобщать студентов к современным синтаксическим терминам, уменьшая разрыв в этом отношении между научно-теоретической и учебной литературой. Во вводных замечаниях затрагиваются основные категории синтаксиса, даются определения словосочетания и предложения. Ю. С. Маслов кратко знакомит читателя с актуальным членением предложения, с делением предложений по целевой установке акта коммуникации на констатирующие, вопросительные и побудительные. Обращает на себя внимание отсутствие традиционно принятого выделения особого типа восклицательных предложений.

В разделе, посвященном словосочетанию, Ю. С. Маслов выступает как сторонник синтаксистов, не различающих подчинительную и сочинительную синтаксические связи. Нам представляется более обоснованным видеть словосочетания лишь там, где имеется подчинительная связь; в случае же синтаксического сочинения имеют место свободные ряды слов, а не словосочетания. Эта концепция достаточно убедительно и подробно изложена в «Грамматике — 70» и в «Русской грамматике — 80». В разделе о словосочетании Ю. С. Маслов вводит свой, новый термин *п е р е м е н н о е с л о в о с о ч е т а н и е*, противопоставляя его *п о с т о я н н о м у, у с т о й ч и в о м у*. Очевидно, в этом все же нет нужды, ибо общепринятые термины *с в о б о д н о е / н е с в о б о д н о е* словосочетание вполне точно отражают суть явления и прочно устоялись в лингвистической литературе.

Во всех разделах «Синтаксиса» принято единообразное описание материала. Так, характеристика членов предложения, которые делятся на 1) сказуемое, 2) актанты и сирконстанты и 3) определения, строится по единому плану — логико-семантические функции соответ-

ствующего члена предложения, способы его выражения, способы связи с другими членами предложения. Описание членов предложения, естественно, начинается со сказуемого, затем идут актанты (подлежащее и дополнения). Что касается сирконстантов (обстоятельств), то автор утверждает, что они лишь в редких случаях являются структурно необходимыми членами предложения, выступая чаще как свободные конкретизаторы выражаемого сказуемого содержания (с. 362). Говоря о формах связи актантов и сирконстантов со сказуемым, Ю. С. Маслов пишет, что подлежащее согласуется со сказуемым. Представляется, что здесь следовало бы учесть новые работы советских русистов о синтаксической связи подлежащего и сказуемого, в которых эта связь определяется как специфическая и названа Н. Ю. Шведовой координацией. Определения описаны Ю. С. Масловым нетрадиционно. Они разделены на предикативные и непредикативные, последние признаются не членами предложения, а лишь членами атрибутивного словосочетания. Подробное описание предикативных определений составляет очень интересный раздел «Синтаксиса», не имеющий аналогии в других грамматиках болгарского языка. То же можно сказать о разделе, посвященном приложению, которое отнесено к составным членам предложения и получило оригинальную и убедительную трактовку. Даже в разделе об однородных членах предложения, написанном традиционно, есть интересный материал о повторении. «Синтаксис словосочетания и простого предложения» завершается также новыми параграфами о вставных элементах в предложении и о высказываниях без предикативной структуры, которых не было в «Очерке». Глава о сложном предложении невелика; здесь кратко, в форме обзора, излагаются основные доступные современной лингвистической болгаристике научные факты.

Компактность, четкость и строгость изложения, полнота фактического материала, иллюстрируемого обновленными по сравнению с «Очерком» примерами из классической и современной художественной литературы, научной литературы, публицистики и бытовой речи, стремление представить языковые факты в системе, высокий современный теоретический уровень — все эти черты делают книгу Ю. С. Маслова лучшей из существующих в настоящее время грамматик болгарского языка.

Молошная Т. Н., Попова Т. В

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО И БАЛКАНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ СОВЕТСКИХ МЕДИЕВИСТОВ

23—25 апреля 1982 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова была проведена научная конференция «Проблемы социальной истории Западной Европы в средние века (классовая и сословная структура)», организованная кафедрой истории средних веков исторического факультета МГУ. В ней приняли участие не только специалисты, работающие в МГУ и академических институтах Москвы, но и ученые из вузов Украины, Казахстана, Северного Кавказа, Поволжья и других районов Советского Союза. Открывая эту конференцию, чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова отметила значительные успехи советской медиевистики, подчеркнув, что ее заметные достижения связаны с развитием исторических исследований в разных республиках и областях нашей страны, с большими успехами науки в нашей многонациональной родине. В докладах и сообщениях ряда участников освещались весьма примечательные для развития феодального общества Европы процессы, которые были характерны не только для государств Западной и Северной Европы, но и славянских и балканских стран.

Так, уже на первом заседании были заслушаны три доклада, посвященные истории византийского общества начиная с эпохи раннего средневековья и кончая периодом гибели Византии и других балканских государств в XV в. под ударами османских завоевателей. Вполне понятно большое значение рассмотренных в этих докладах вопросов социальной структуры для истории и южнославянских и других балканских земель, поскольку, как известно, Византийская империя вплоть до XIV в. в той или иной мере включала территории со славянским населением, а воздействие византийских государственных и правовых норм было весьма значительным и при формировании самостоятельных государств на Балканах.

В частности, доклад проф. Г. Л. Курбатова (Ленинград) «К вопросу о социальной структуре византийского общества в VIII—IX вв.» был посвящен изучению спорных проблем типологической оценки главных направлений общественного развития Византии после заселения славянами Балкан и краха планов реставрации Римской империи. Обращая внимание

участников конференции на новые материалы по данной эпохе (в том числе — значительный археологический материал), докладчик указывал на заметный разрыв между позднеантичным и ранневизантийским городом, на аграризацию городов, медленность последующего развития многих городских центров (разумеется, в этом случае была исключением сама столица — Константинополь).

Г. Г. Литаврин (Москва) в докладе «Особенности социальной структуры византийского крестьянства в IX—XII вв.» обратил внимание на взаимосвязь данных особенностей со спецификой развития земельной собственности в Византийской империи, которая тогда включала в свой состав многие славянские земли Балканского полуострова. Докладчик остановился на трех главных спорных вопросах этой сложной темы, указав, что парикия как основная форма феодальной зависимости утвердилась в X—XI вв., но появление этой категории крестьянства нужно датировать столетием раньше. Он отметил также, что категория государственных париков тогда была гораздо более многочисленной, чем считалось в науке до сих пор, а нормы эксплуатации свободных крестьян государством были гораздо ниже, чем поборы с частновладельческих париков. Такая централизованная эксплуатация характерна для многих стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в раннефеодальную эпоху, а в Византии эта форма, генетически связанная с позднеимперской налоговой системой, продолжала существовать (как и слой свободных крестьян) вплоть до конца империи, до ее завоевания османами.

Эти проблемы поздневизантийского общества накануне и в период османского нашествия осветил С. П. Карнов (Москва) в докладе «Социальная структура городов Южного Черноморья в XIII—XV вв.», представляющем большой интерес также и в плане типологических сравнений с городами болгарского Причерноморья и других районов Балкан. Весьма важен, в частности, вывод докладчика, что торговые доходы (в том числе — таможенные пошлины) являлись весьма важной статьей доходов господствующего феодального класса той поры, быть может, они имели даже большее значение, нежели поступления от земельных владений и зависимых крестьян.

Участники конференции обсудили также сообщения по разным вопросам раннего и развитого феодализма во многих странах Европы. Византийскую тему продолжил В. В. Кучма (Волгоград) — «К вопросу о социальной базе византийской военной организации на рубеже VI—VII вв.». В. К. Ронин (Москва) в сообщении «Восточная политика Каролингов и развитие социальной структуры у западных и южных славян» отметил, что политические контакты славян с империей Карла Великого имели непосредственные социальные последствия, а именно усиление и обособление славянской племенной знати, сплочение формирующейся раннефеодальной верхушки вокруг князя, рост материально-экономической базы ее господства в стране.

Проблему динамики сословной структуры и ее терминологии в Юго-Восточной Европе в XIII—XV вв. проанализировал Е. П. Наумов (Москва) в сообщении «Византийские архонтопулы и сербские властеличи». Он отметил взаимосвязь процессов социального расслоения в среде господствующей феодальной верхушки поздневизантийского и сербского общества, конкретную зависимость появления византийского термина «архонтопулы» от процесса превращения земельных владений феодалов в их наследственную собственность, равно как и не-

завершенность тенденции обособления этой прослойки знати.

Г. П. Мельников (Москва) в сообщении «Формирование нового патрициата в Праге (вторая половина XV — первая половина XVI в.) и роль выходцев из немецких земель в этом процессе» показал, что новый патрициат был преимущественно чешским, а роль выходцев из Германии — незначительной. Патрициат в первой половине XVI в. не смог сосредоточить в своих руках всю власть в городе, оказавшись вынужденным делить ее с цеховой верхушкой.

И. Г. Воробьева, М. М. Фрейденберг (Калининский ун-т) в сообщении «Социальная стратиграфия далматинских городов в XIII—XVI вв.» проследили (на основании венецианских материалов и других источников) процессы возникновения городского сословия (в частности, в XV—XVII вв.) и усиления корпоративных связей, что составляло характерную особенность развития городского общества в Далмации той эпохи.

Следует признать, что важным итогом конференции было рассмотрение процессов развития феодального общества в Европе не только на основе материалов Западной Европы, но и славянских и балканских стран; это содействовало постановке важных вопросов типологии феодализма.

Наумов Е. П.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1982 Г.

СТАТЬИ

Белов В. Национально-патриотические мотивы в поэзии Захарии Орфелина	№ 6
Билунов Б. Н. 37 лет по пути социализма в тринадцативековой истории Болгарии	№ 2
Булатова Р. В. Акцентуация приставочных <i>postverbal</i> <i>ǝ</i> -основ в сербохорватском языке	№ 4
Бухтелова Р. (ЧССР). К методологии социофонетического анализа произношения заимствованных слов в чешском языке	№ 2
Былинин В. К. К проблеме поэтики славянского барокко «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого	№ 1
Виноградов В. Н. Восточный вопрос и англо-русские отношения в 30-е годы XIX века	№ 1
Виноградов В. Н. Восточный вопрос и англо-русские отношения в 30-е годы XIX века	№ 3
Волокитина Т. Георгий Димитров и некоторые вопросы развития Отечественного фронта Болгарии (1944—1948)	№ 4
Волоцкая Э. М. Некоторые замечания о структуре славянских загадок (на материале болгарских и польских загадок)	№ 1
Герд А. С. Ареальная типология славянских текстов XV—XVI веков	№ 5
Гетманова Н. Г., Кузьмин М. С. Советско-чехословацкие культурные и научные связи в 1934—1938 годах	№ 4
Гибянский Л. Я. Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции	№ 2
Горский И. К. Заметки о некоторых понятиях сравнительного литературоведения	№ 3
Греков И. Б. Заключительная часть Троицкой летописи и проблема авторства летописного свода 1409 года	№ 2
Гришина Р. П. Мелкобуржуазная Радикально-демократическая партия в Болгарии (декабрь 1921 — май 1923 гг.)	№ 4
Гудаков В. В. Экономическая экспансия фашистской Германии в Югославию во второй половине 30-х — начале 40-х годов XX века	№ 6
Десятков С. Г. Балканы в планах английской политики экономического «умиротворения» гитлеровской Германии	№ 4
Дроснева Э. (НРБ). Жизнь Иоакима Осоговского как исторический источник	№ 4
Злыднева Н. Творчество Ивана Генералича	№ 4
Иванов Ю. Ф. Гуситское революционное движение в советской историографии (конец 30-х — начало 50-х годов)	№ 3
Кишкин Л. С. Академик Ладислав Штолл (к 80-летию со дня рождения)	№ 2
Котляр Н. Ф. Киев в истории восточных славян (до середины XIII в.)	№ 5
Лёвочкин И. В. Уваровский список Изборника 1073 года	№ 5
Логочев К. И. Проблема критического издания первого письменного памятника кирилло-мефодиевской традиции	№ 5
Михутина И. В. О месте крестьянских партий в политической эволюции стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами	№ 2
Молошная Т. Н. Процессы синтаксического переразложения словосочетаний в славянских языках (на материале русского, польского, чешского, сербохорватского и болгарского языков)	№ 3
Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. К вопросу о переходном периоде от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 6
Муртузалиев С. И. Из истории болгарского народа под османским господством (Константинопольская патриархия в системе османского управления XV—XVII вв.)	№ 3
Нехайчик Н. В. Производственные связи рабочего класса СССР и Чехословакии на этапе строительства развитого социализма (70-е годы)	№ 5

Николaев В. Д. К истории болгаро-русских отношений в начале 40-х годов X века	№ 6
Носкова А. Ф., Поп И. И. Из истории складывания нового внешнеполитического курса стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны	№ 5
Носов Н. Е. Новый труд по истории феодализма в России	№ 4
Орел В. Э. Происхождение албанской именной флексии в свете славянских и других индоевропейских данных	№ 3
Орел В. Э. К реконструкции древнеалбанских акцентных отношений (В сопоставлении со славянскими и другими индоевропейскими языками)	№ 5
Орехов А. М. «Пролетариат» — первая партия польского рабочего класса (к 100-летию со дня основания)	№ 4
Охрименко П. П., Охрименко О. П. Традиции и отзвуки литературы Киевской Руси в русской, украинской и белорусской литературах	№ 5
Пиримкулов Ш. Д. К вопросу о политико-воспитательной работе Союза польских патриотов в СССР в республиках Средней Азии и Казахстана (1943—1946)	№ 1
Римша В. Балтийские и палеобалканские соответствия некоторых названий рек Правобережной Украины	№ 1
Романенко С. А. Формирование мировоззрения и политическая деятельность братьев А. и С. Радичей (1887—1900)	№ 1
Ронин В. К. Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет)	№ 6
Самойленко Г. В. А. А. Фадеев и славянские литературы	№ 3
Северная О. А. Художественная интеллигенция Болгарии в культурном строительстве (1944—1948)	№ 2
Софронова Л. Теория культуры и некоторые проблемы польского искусства XVIII—XIX веков	№ 6
Сумарокова М. М. Педагогическая и научная деятельность Ф. Филиповича в России (1904—1912)	№ 3
Твердислова Е. С. Современное состояние сравнительного литературоведения в зарубежных социалистических странах	№ 5
Флоря Б. Н. Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Посполитая	№ 1
Хелимский Е. А. Лингвистические публикации издательства «Славика» (США)	№ 6
Хотькова Е. С. Из истории борьбы за идейное и организационное единство чехословацкого молодежного движения (1939—1945)	№ 1
Черлинка Г. Петербургский период творчества Антония Олециньского (из истории польско-русских художественных связей первой половины XIX в.)	№ 1
Чернова Л. Н. Роль обществ дружбы в становлении советско-болгарского сотрудничества в 1944—1948 годах	№ 6
60-летие образования СССР	№ 5
Широкова Л. Словацкая проза 70-х годов в отражении критики	№ 3
Явлинский И. Черты развития жанра думы-баллады в польской поэзии и музыке	№ 6

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Ананович Е. М. Архив А. И. Степовича	№ 5
Гавришков Б. М. Славянская тематика в произведениях Лессинга	№ 6
Гришина Р. П. Г. Димитров и Лейпцигский процесс в материалах новой публикации документов	№ 3
Кишкин Л. С. Чешские связи И. Я. Репина	№ 4
Лосиевский И. Александр Потебня и Марин Дринов (Эпизоды из истории отечественного славяноведения)	№ 6
Пашаева Н. М. Славянская библиотека О. М. Бодянского	№ 1
Титова Л. Из истории чешско-словацко-венгерских культурных связей на рубеже XVIII—XIX веков	№ 6
Фрейденберг М. М. Марин Дриич, комедиограф из Дубровника	№ 3

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Белов В. Совместные труды советских и югославских ученых	№ 3
Билунов Б. Н. Л. И. Степанова. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е годы XIX в.	№ 6
Власова Л. В. Л. В. Заборовский. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе	№ 5
Вознесенский В. Д. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. II	№ 4
Воробьева И. Г., Фрейденберг М. М. Новые публикации по истории далматинского города	№ 6
Воронков И. А., Билунов Б. Н. Д. Б. Мельцер. Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая. 681—1981	№ 5
Горский И. Д. Дюришич. Теория сравнительного изучения литературы	№ 1

Горфункель А. Х. И. В. Поздеева, И. Д. Кашкарова, М. М. Леренман. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета	№ 4
Иванова Т. А. Куев К. М. Съдбата на старобългарските ръкописи през векове	№ 2
Калиганов И. Велчо Велчев. Паисий Хилендарски. Епоха, личност, дело	№ 5
Калиганов И. И. Новый вклад в изучение культурных связей между Россией и южными славянами в XVI—XVII веках	№ 6
Криченко Е. Труды М. Коевой об архитектуре болгарского Возрождения	№ 6
Кунина А. В., Мокшеников В. М. К. Андрейчина, С. Влахов, С. Димитрова, К. Запрянова. Русско-болгарский фразеологический словарь. 5695 словарных статей. Под редакцией С. Влахова	№ 4
Лабунцев Ю. О преемниках Ивана Федорова	№ 5
Л. К. Традиции и современность в литературе	№ 3
Мельцер Д. Б., Сеница В. И. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. 1917—1945 гг. Т. 3	№ 2
Мокшеников В. М. А. Е. Супрун, А. М. Калюта. Введение в славянскую филологию	№ 5
Молошная Т. Н., Попова Т. В., Ю. С. Маслов. Грамматика болгарского языка	№ 6
Мыльников А. С. Н. А. Прокофьева. Творчество Карела Пуркине и чешская живопись середины XIX в.	№ 3
Нешименко Г. П. K marxistické metodologii v jazykovědě (Sborník referátů a diskusních příspěvků z celostátní Konference o marxistické jazykovědě uspořádané vědeckými Kolegií CSAV a SAV 7.—9.9 1977 v Olomouci) Usporaďoval S. Pečiar a J. Popela	№ 5
Носкова А. Ф. В. С. Парсаданова. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945	№ 6
Осипова М. А. Е. Sekaninová. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenine	№ 4
Осипова Н. Зарубежные славянские литературы на страницах «Вестника ЛГУ» (70-е годы)	№ 4
Полевой Л. Л. Общество и государство на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник	№ 1
Пущков В. Г. Fr. Kämpfer. Das russische Herrscherbild von Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Studien zur Entwicklung politischer Ikonographie im byzantinischen Kulturkreis	№ 5
Саливон А. Н. E. Schuldt. Handwerk und Gewerbe des 8. bis 12. Jahrhunderts in Mecklenburg	№ 3
Семенов Л. Е. Л. В. Власова. Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в.	№ 4
Станиславская А. М. И. С. Достян. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов	№ 1
Чернявский Г. И. Боян Григоров. От съгласителство към залез. Социал-демократическата партия в България. 9 юни 1923—19 май 1934	№ 3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Богаева Н. А. Тридцатилетие Института серболожичного народоведения в Будишине	№ 5
Венедиктов Г. Первый Международный съезд по болгаристике	№ 1
Гибянский Л. Я. Сессия Комиссии историков СССР и СФРЮ	№ 3
Г. С. Научные конференции, посвященные 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова (1882—1982)	№ 5
И. К. Целевой проект 28 «Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (межвоенный период)»	№ 5
К. И. Киеву — 1500 лет	№ 5
Мартынова Г. А. Словари на славянских языках	№ 3
Мельников Г. П. Чтения, посвященные академику В. И. Пичете	№ 5
Наумов Е. П. В специализированном совете по защите докторских диссертаций при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по всеобщей истории)	№ 3
Наумов Е. П. Проблемы славянского и балканского средневековья на конференции советских медиевистов	№ 6
О'Мара П. (Ирландия). Ирландская Ассоциация славистов (ИАС)	№ 4
Т. В. Знаменательные даты в истории болгарского народа	№ 2
Эйхлер Э. (ГДР). Научный коллоквиум, посвященный творческому наследию Августа Лескина	№ 2

НЕКРОЛОГИ

Бирман М. А., Злыднев В. И. Памяти Любомира Борисовича Валева	№ 2
<u>Владимир Дорофеевич Королюк</u>	№ 4
<u>Михаил Павлович Алексеев</u>	№ 2

CONTENTS

Murashko G. P., Noskova A. F. On the transitional period from capitalism to socialism in the countries of the Central and South-Eastern Europe. *Chernova L. N.* The role of Friendship Societies in the Soviet-Bulgarian cooperation in 1944—1948. *Ghuda-kov V. V.* Economic expansion of the fascist Germany in Yugoslavia in the second half of 1930s and in the beginning of 1940s. *Ronin V. K.* International legal forms of relations between the Slavs and the Empire of Carlus Magnus (Union and vassality). *Nikolaev V. D.* On the history of Bulgarian-Russian relations in the beginning of 940s. *Sofronova L.* Theory of culture and certain problems of Polish art in 18th and 19th centuries. *Yavlinski N.* Aspects of the evolution of the duma-ballad genre in Polish poetry and music. *Belov V.* National and patriotic motives in Zakhari Orfelin's poetry. *Helim-ski E. A.* Linguistic editions of Slavica Publishers (USA) . . . . .

PEOPLE, EVENTS, FACTS

Gavrishkov B. M. The Slavonic theme in Lessing's works. *Losievski I.* Alexander Potebnya and Marin Drinov (Episodes of the history of Slavonic studies in Russia). *Titova L.* On the history of Slovak-Czech-Hungarian cultural relations (from the end of 18th till the beginning of 19th century). . . . .

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

Noskova A. E. В. С. Парсаданова. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. *Bilunov B. N.* Л. И. Степанова. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е годы XIX в. *Kaliganov I. I.* New contribution to the studies of cultural relations between Russia and South Slavs in 16th and 17th centuries. *Vorobyeva I. G., Freidenberg M. M.* New books on the history of the Dalmatian town. *Kirichenko E. M.* Koyeva's works on the architecture of the Bulgarian Renaissance. *Moloshnaya T. N., Popova T. V.* Ю. С. Маслов. Грамматика болгарского языка . . . . .

SCIENTIFIC LIFE

Naumov E. P. Problems of the Slavonic and Balkan Middle Ages at a conference of Soviet medievalists. . . . .
Guide of articles and materials published in the magazine in 1982 . . . . .

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.08.82	Подписано к печати 29.10.82	Т-20109	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-отт. 13,1 тыс.	Уч.-изд. л. 13,3 Бум. л. 4,0
Тираж 1135 экз. Зак. 1929			

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891